

Л. Э. Калнынь

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ТВЕРДОСТИ И МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящая статья является частью исследования, посвященного развитию категории твердости-мягкости согласных в восточнославянских языках. Тема эта непосредственно связана с проблемой языкового родства, с вопросами становления и развития близкородственных языков — русского, украинского и белорусского.

Задача исследования заключается в том, чтобы на определенном конкретном материале проследить путь развития от особенностей, общих всем восточнославянским языкам, к особенностям специфическим, национально своеобразным, так как именно к этому сводится содержание процесса образования соответствующих родственных языков. Одним из проявлений этого процесса является развитие категории твердых-мягких согласных в славянских языках вообще и в восточнославянских в частности. В определенную эпоху эта фонетическая категория была представлена в одинаковом виде у всех славян. Однако по мере развития отдельных славянских языковых групп и языков в каждом из них категория твердости-мягкости нашла своеобразное выражение. При этом существовало два основных пути преобразования общеславянского состояния категории твердости-мягкости. Один из этих путей заключался в превращении общеславянской полумягкости — явления позиционного, нефонематического — в мягкость самостоятельную, фонематическую; второй путь состоял в утрате общеславянской позиционной полумягкости. Примером первого пути развития является русский язык, где категория твердости-мягкости последовательно развивалась, примером второго пути — сербский язык, где та же категория в значительной мере ликвидировалась. Это два полюса в развитии названного явления. Польский язык, в общем, ближе к русскому, а болгарский — к сербскому, хотя по диалектам болгарский язык весьма многообразен.

Что касается восточнославянской группы в целом, то здесь истоки категории твердости-мягкости согласных являются общими до определенного периода, а именно до смягчения полумягких. Но в дальнейшем развитие твердости-мягкости направляется по разным путям в говорах, легших в основу русского языка, с одной стороны, и в говорах, легших в основу украинского языка, с другой. В последних мягкие согласные

перед этимологическими [i] и [e] (в том числе из ъ) отвердевают. Что касается белорусского языка, то здесь в разных диалектах главенствует то украинский принцип (южные белорусские говоры), то великорусский (остальные), но в целом доминирует последний (осложненный специфическими белорусскими особенностями — в связи с цеканьем и дзеканьем, отвердением [r'] и некоторыми другими процессами).

Последовательное и широкое развитие категории твердости-мягкости, обусловленное смягчением полумягких согласных перед гласными переднего ряда в части славянских языков, тесно связано с сохранением физиолого-акустических различий гласными [i] и [y] при их функциональном отождествлении, с более или менее широким процессом изменения [e] в [o] в определенных условиях, с сохранением мягкости согласных на конце слова перед исчезнувшим [ь], а также с рядом морфологических процессов. Сужение категории твердости-мягкости согласных наблюдается в тех славянских языковых группах, в которых полумягкие отвердели, в связи с чем гласные [i] и [y] совпадают (а в сербском совпали также [ь] и [ъ]), фонетическое изменение [e] в [o] отсутствует.

Таким образом, в обоих случаях развитие системы согласных в отношении категории твердости-мягкости оказывается тесно связанным с развитием системы вокализма. Это и закономерно: ведь системы консонантизма и вокализма находятся в отношениях сложного взаимодействия и обусловленности одних элементов этого структурного целого другими.

Однако звуковая система языка не существует сама по себе, вне словарного состава и грамматического строя: она существует лишь как звуковая оболочка того или иного исторически сложившегося национально своеобразного языка. Поэтому естественно, что взаимодействуют между собой не только разные элементы звуковой системы, но и звуковая система со словарным составом и грамматическим строем. Отдельные фонемы иногда усваиваются в языке вместе с заимствованными словами; последние, войдя в язык, постепенно в той или иной мере могут изменить звуковую систему (точнее отдельные ее звенья). Звуковые изменения нередко подготавливают почву для морфологических процессов, а последние, в свою очередь, в некоторых случаях меняют отношения между звуками, т. е. вносят те или иные изменения в фонетическую систему. Из морфологических процессов особенно важным для категории твердых-мягких согласных оказывается взаимодействие твердых и мягких именных основ.

Настоящая статья посвящена исследованию развития категории твердости-мягкости согласных в русском языке. Предмет исследования ограничен согласными, парными по твердости-мягкости. Согласные непарные по твердости-мягкости (шипящие, *с, ж*, заднеязычные) остаются в целом за пределами исследования, так как они уводят от основной темы — развития соотносительной категории твердости-мягкости согласных, к вопросам, в масштабе всей фонетической системы второстепенным.

В связи с тем, что [f] как самостоятельная фонема в русском языке практически отсутствует (иностранные слова мы не принимаем во внимание), в настоящей статье согласный [f] рассматривается лишь в той мере, в какой он выступает в качестве видоизменения [v] в слабом положении.

2. Данная работа по теме и постановке вопроса носит фонологический характер, так как она посвящена изучению большого звена фоне-

тической системы в связи со всей фонетической системой и шире — в связи с системой языка в целом. Известно, что в области фонологической теории существуют расхождения во взглядах отдельных ученых. Однако в связи с тем, что данная работа носит не специально теоретический, а исторический характер, считаем возможным обойти эти спорные вопросы, сделав, однако, несколько замечаний в плане общей фонологической теории¹.

Известно, что фонетическая система базируется на позиционно обусловленных звуковых чередованиях. Последние могут быть параллельными, когда отдельные ряды чередований не пересекаются друг с другом (ср. чередования [a : ä] в [рад] и [гр'äз'], [o : ö] в [нос] и [б'ер'öz'e]) и непараллельными, перекрещивающимися, когда отдельные ряды чередований пересекаются друг с другом (ср. [a : ɔ], [o : ɔ] в [нѣдп'исат'] и [пѣдп'исат']). Если звуковая система состоит только из параллельных чередований, то объем понятия фонемы не вызывает сомнений. Такой была система мягких и твердых согласных фонем в общеславянский период.

Иначе обстоит дело, когда фонетическая система строится на чередованиях не только параллельных, но и пересекающихся, какова, например, фонетическая система современного русского языка. Если оставить вопрос о нечленимости „мягких“ и „твердых“ слогов в эпоху после смягчения полумягких² и считать твердость-мягкость согласных выделяемой, то непараллельные чередования в области твердости-мягкости появились после смягчения полумягких согласных, когда твердые и мягкие согласные фонемы [r], [l], [n], различаясь перед некоторыми гласными непередними, совпадали перед гласными переднего ряда. Что касается остальных зубных и губных согласных, то различие их по твердости-мягкости в эпоху после смягчения полумягких и до падения редуцированных было ограничено положением перед гласным [a], который после мягкого согласного восходил к [ɛ]. Роль непараллельных чередований в фонетической системе расширяется после падения редуцированных, когда совпадение, иначе нейтрализация, твердых и мягких согласных распространяется на все парные по твердости-мягкости согласные и не только в положении перед гласными переднего ряда, но и в положении перед некоторыми согласными. Пункты пересечения непараллельных чередований находятся в пределах слабого положения, т. е. в позиции меньшего, чем в сильном положении, различия фонем (ср. чередования [a : ɔ], [o : ɔ] — гласный [ɔ], в котором пересекаются оба чередования, употребляется в определенных безударных слогах, в которых представлено менее широкое, чем под ударением, различие гласных). Вслед за Р. И. Аванесовым, фонемы, представленные в положении наибольшего различия, называем „сильными“, фонемы, представленные в позиции неразличия, — „слабыми“. Это относится как к согласным, так и к гласным фонемам.

¹ Считаю необходимым заметить, что в изложении общетеоретических положений я исхожу из теории фонем, изложенной Р. И. Аванесовым в курсе лекций по русской фонетике, читанном в 1954 г. в МГУ. Кроме того, основные положения этой теории изложены в статье Р. И. Аванесова „Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы“. — Сб. „Вопросы грамматического строя“. М., 1955.

² См. Р. Якобсон. *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*. — „Travaux du cercle linguistique de Prague“. Prague, 1929, cap. III, § 14. Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. — „Вестник МГУ“. 1947, № 1.

Может показаться, что между понятием „вариант фонемы“¹, с одной стороны, и понятием „слабая фонема“, с другой, разница только терминологическая; тем не менее это не так. Понятие „вариант фонемы“ рассматривает ту или иную звуковую единицу только лишь как позиционно обусловленную модификацию определенной фонемы сильного положения, фонологически бесправную, целиком повторяющую смысло-различительную нагрузку фонемы сильного положения. Понятие „слабая фонема“ квалифицирует ту же звуковую единицу, как имеющую свое фонологическое лицо, играющую самостоятельную смысло-различительную роль, хотя и ослабленную сравнительно с фонемой, представленной в сильном положении.

Однако утверждение самостоятельной фонологической роли слабой фонемы ни в коем случае не должно явиться поводом к отождествлению слабой фонемы со звуковым типом². Понятие „звуковой тип“ абстрагирует фонему в слабом положении от фонемы сильного положения, рассматривая первую как фонологически равноценную второй: с точки зрения звукового типа нет фонологической разницы между гласным [a] в [вадóй] и тем же гласным в [ва́ш]. Из этого, между прочим, вытекает следующий вывод. Известно, что фонологическая характеристика того или иного звука определяется его местом в той фонетической системе, в которой он функционирует. В частности, гласный [a] в примере [ва́ш] функционирует в системе гласных фонем [i], [u], [o], [e], [a] (имеем в виду литературное произношение). Это дает основание определять гласный [a] как фонему нижнего подъема среднего ряда, нелабиализованную, противопоставленную фонемам [i], [u], [o], [e]. Исходя из понимания фонемы как звукового типа, такую же характеристику мы должны были бы дать и гласному [a] в случае [вада́]. Но на самом деле это не так. Гласный [a] в первом предударном слоге в литературном произношении функционирует в системе гласных [i], [u], [i^е], [a], и это определяет его характеристику как гласной фонемы неверхнего подъема, нелабиализованной, противопоставленной гласным [i], [u], и функционально объединенной с [i^е] (см. об этом ниже).

Понятие „слабая фонема“, признавая фонологическую самостоятельность фонемы в слабом положении, отнюдь не абстрагирует эту последнюю от фонемы сильного положения. Слабая фонема рассматривается не изолированно, а как звено в ряду чередований с сильной фонемой, а в ряде случаев и с другими слабыми фонемами. Квалифицируя слабые фонемы в качестве звеньев фонетической системы, самостоятельно различающих слова и формы, мы тем самым делаем правомерным анализ противопоставления твердых-мягких согласных перед слабыми фонемами. Понятие варианта фонемы исключает такой подход: если вариант лишь модификация фонемы, представленной в сильном положении, то противопоставление согласных по твердости-мягкости перед этой фонемой должно переноситься в положение перед ее вариантом.

Изложенный выше подход особенно важен при анализе твердости-мягкости согласных в положении перед гласными. До тех пор, пока в связи с изменениями в безударном вокализме безударное положение не стало слабым положением для гласных фонем, твердые и мягкие согласные в одинаковой мере различались как перед ударенными, так

¹ О теории варианта см. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945, стр. 39—44.

² О трактовке фонемы как звукового типа см. Л. В. Щербачева. Фонетика французского языка. Изд. 4. М., 1953, стр. 18.

и перед безударными [a], [u], [i], не различаясь перед [o], [e], [ɛ] (имеем в виду эпоху непосредственно после падения редуцированных). Подобные отношения были нарушены в эпоху после падения редуцированных в связи с изменением [e] > [o], утратой [ɛ], как самостоятельной фонемы, развитием аканья. С осуществлением этих процессов в разных безударных слогах складываются неодинаковые системы гласных (системы слабых фонем), отличные от системы гласных ударенного слога (системы сильных фонем).

Если бы мы стали рассматривать противопоставление твердых-мягких согласных перед безударными гласными лишь как перед вариантами ударенных фонем, не учитывая специфики системы фонем безударных слогов, то неизбежно пришлось бы в ряде случаев констатировать неразличение твердых-мягких согласных в положении перед одними и теми же безударными гласными и, напротив, различение перед гласными нетождественными. Например, по отношению к случаям [нъ насу́] — [н'ису́] в икающих говорах мы должны были бы сказать, что согласные [п] и [п'] противопоставлены перед одной и той же предударной гласной фонемой (вариантом фонемы [o]), в случаях же [н'ису́] и [вн'изу́] должны были бы констатировать, что [п'] находится перед разными предударными гласными (а именно, перед вариантом фонемы [o] и перед вариантом фонемы [i]). Поэтому согласно теории варианта в таких случаях, как [н'ису́] и [вн'изу́], пришлось бы отметить противопоставленную, фонематическую мягкость перед разными гласными фонемами: [o] в первом случае и [i] — во втором. Логическим следствием подобного подхода является неоправданный отрыв фонемы от ее физиолого-акустических свойств. Ср. яркий пример из говоров: [п'ьраво́й] (от перо) — [пум'ира́т']; сообразно понятию варианта фонемы [p'] и [p] противопоставлены перед одной и той же гласной (вариантом фонемы [o]); в случаях же [пум'ира́т'] и [пул'ем'о́т'] пришлось бы считать, что согласный [p] находится перед разными гласными.

К иным результатам приводит анализ противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными гласными, проведенный с учетом специфики системы слабых гласных фонем безударных слогов, как единиц в известной степени самостоятельных. Перед гласными каждого из безударных слогов (перед слабыми фонемами) представлена особая система различения твердых и мягких согласных. При этом в ряде случаев рассмотрение вокализма безударных слогов в связи с системой твердых-мягких согласных позволяет установить соотносительность гласных в системе того или иного безударного слога (см. об этом III, § 16, и далее).

Что касается вопроса о твердых-мягких согласных перед слабыми согласными фонемами, то здесь все просто и ясно. Ряды чередований для согласных фонем, в отличие от гласных, не отличаются разнообразием. Если оставить в стороне чередование по глухости-звонкости, то в системе твердых-мягких согласных слабой фонемой, чередующейся с сильной твердой согласной фонемой, является мягкая согласная и напротив — слабой фонемой, чередующейся с сильной мягкой фонемой, является твердая согласная. Согласные, парные по твердости-мягкости перед слабыми твердыми или мягкими фонемами отвердевают или смягчаются, сообразно своему обычному поведению перед аналогичными сильными фонемами.

3. Развитие категории твердости-мягкости согласных в русском языке давно привлекало внимание исследователей русского языка. Среди работ,

посвященных этому вопросу, можно назвать статью Л. Л. Васильева «С каким звуком могла ассоциироваться буква „нейотированный юс малый“ [А] в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников?»¹, статью Н. Н. Дурново „Старославянское смягчение согласных в Архангельском евангелии“², некоторые разделы работы А. А. Шахматова „Очерк древнейшего периода истории русского языка“ (1915), отдельные главы указанного выше исследования Р. Якобсона „Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves“. Вопросов фонологического становления категории твердости-мягкости согласных касается Р. И. Аванесов в названной выше статье „Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*“.

В центре внимания Л. Л. Васильева, Н. Н. Дурново, А. А. Шахматова находится вопрос о времени смягчения полумягких согласных, причем Л. Л. Васильевым и Н. Н. Дурново этот вопрос решался на материале одного отдельного памятника. К единой точке зрения на время смягчения полумягких перечисленные исследователи не пришли. Так, по мнению А. А. Шахматова, общий переход полумягких согласных в мягкие осуществился еще в общерусский период; Н. Н. Дурново датирует этот процесс самое позднее XI в.; Л. Л. Васильев же считает, что полумягкие существовали вплоть до XII в. включительно. Всех этих ученых объединяет отсутствие фонологического подхода к исследуемому явлению, которое рассматривается изолированно от фонетической системы и, по существу, вне истории языка в целом.

Освещение с фонологических позиций вопроса о развитии категории твердости-мягкости согласных в русском языке дано в названных выше работах Р. Якобсона и Р. И. Аванесова, которые последовательно рассматривают твердость-мягкость как звено фонетической системы в целом, в тесной связи с системой вокализма. Следует заметить, что оба названных ученых стоят на принципиально разных теоретических позициях в оценке причин фонетических процессов.

Р. Якобсон считает, что первопричина всех фонетических процессов — потребности фонологической системы; всякое фонетическое изменение может быть объяснено лишь с точки зрения „интересов фонологической системы“³.

Р. И. Аванесов придерживается противоположной точки зрения на соотношение фонетических и фонологических изменений: последние обуславливаются первыми. Тем не менее оба этих ученых соприкасаются во взглядах на некоторые этапы в развитии категории твердости-мягкости.

Р. Якобсон представляет следующим образом становление названной категории в общеславянском, а затем в русском языке. В общеславянский период до делабиализации гласных существовала корреляция „передние-задние гласные“, которая сопровождалась внеграмматическим противопоставлением „мягкость-твердость согласных“. В дальнейшем, после делабиализации долгих гласных, когда „лабиализация перестала быть отличительным признаком, обязательно сопровождающим задние гласные“, противопоставление „передние-задние гласные“ становится менее отчетливым, а противопоставление „твердости-мягкости согласных“ приобретает большее значение. В конечном итоге

¹ См. РФВ, 1913 г., № 1—2, стр. 140.

² См. „Slavia“, R. II, S. 4, str. 550.

³ Р. Якобсон. Ук. соч., VI, § 3.

корреляция „передние-задние гласные“ превратилась в корреляцию неразложимых групп: „мягкая согласная + передняя гласная“ ~ „твердая согласная + задняя гласная“. „Ни гласные, ни согласные этой корреляции не могли быть противопоставлены друг другу вне указанных групп“¹.

Независимое противопоставление „палатализованная согласная — твердая согласная“ возникает после падения редуцированных, когда твердость-мягкость согласных эмансипировалась от последующего гласного².

Эта схема вызывает следующие возражения. Неясно, о противопоставлении каких твердых и мягких согласных идет речь в применении к общеславянскому периоду, до осуществления процесса деабализации гласных? Если о согласных йотовой артикуляции $l-l'$, $n-n'$, $r-r'$, то противопоставление их было вполне самостоятельным, а не только лишь сопровождающим корреляцию передние-задние гласные ($l-l'$, $n-n'$, $r-r'$ различались перед всеми гласными). Если же речь идет о согласных, мягкость которых восходит к полумякости, то и эти согласные не могли образовать в общеславянский период противопоставление по твердости-мягкости, так как в общеславянском эти согласные еще не были мягкими; полумягкие же и твердые согласные не образовывали противопоставления, будучи фонематически тождественными. По тем же причинам и противопоставление твердых и мягких групп также возможно отнести лишь к периоду, последовавшему за распадом общеславянского языка на отдельные языковые группы, так как возникновение этого противопоставления обусловлено смягчением полумягких.

Р. И. Аванесов к общеславянской эпохе относит лишь противопоставление по твердости-мягкости согласных, получивших мягкость в результате ассимиляции последующему $[j]$, т. е. $[l]-[l']$, $[n]-[n']$, $[r]-[r']$, а также $[s]-[s']$, $[z]-[z']$, явившихся в результате второй и третьей палатализации. Прочие зубные и губные согласные не различались по твердости и мягкости, в положении перед гласными переднего ряда приобретая полумягкость. При этом твердые и полумягкие согласные фонематически были тождественны. Позднее, в период существования уже отдельных языковых групп, в части славянских языков полумягкие согласные смягчались. В силу того, что согласные не могли изолироваться от последующих гласных, образовались неразложимые сочетания твердых согласных с передними гласными, с одной стороны, и мягких согласных с передними гласными — с другой. Эта взаимозависимость разрушилась в результате падения редуцированных; твердые и мягкие согласные стали различаться на конце слова, перед некоторыми гласными и согласными.

Таким образом, как Р. Якобсон, так и Р. И. Аванесов отмечают ряд одинаковых этапов в развитии категории твердости-мягкости согласных, хотя по-разному их объясняют и относят к разным эпохам.

Мы в своей работе следуем за Р. И. Аванесовым, считая, что в фонологическом развитии категории твердости-мягкости в восточнославянских языках решающую роль сыграли два фонетических процесса: смягчение полумягких и падение редуцированных. Сообразно с этим и работа строится по следующим периодам:

¹ Р. Якобсон. Ук. соч., III, § 14.

² Там же, VI, § 3.

- 1) эпоха до падения редуцированных и до смягчения полумягких;
- 2) эпоха до падения редуцированных и после смягчения полумягких;
- 3) эпоха после падения редуцированных.
4. Анализ категории твердости-мягкости согласных строится на разном материале в зависимости от того, какая эпоха является объектом исследования.

Общеславянское состояние названной категории восстанавливается на основе данных сравнительно-исторического изучения славянских языков. Для восточнославянских языков и для русского в том числе подобное состояние твердости-мягкости согласных было представлено в эпоху до смягчения полумягких.

Исследование развития твердости-мягкости согласных в более поздние эпохи проводится на основе наблюдений над правописанием древних письменных памятников в связи с данными живого языка и диалектологии. При этом сочетание этих двух видов источников для русского языка возможно лишь при рассмотрении твердости-мягкости согласных в эпоху после падения редуцированных, так как после падения редуцированных система твердых и мягких согласных начала развиваться уже непосредственно по направлению к тому состоянию, в котором она представлена в современном русском языке: по существу нет принципиальной разницы между названной системой в древнерусском языке непосредственно после падения редуцированных, с одной стороны, и в современном языке — с другой. Однако следует заметить, что и для этой эпохи не все звенья системы могут быть прослежены как на материале памятников, так и на материале диалектов. Так, например, система противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными гласными может быть проанализирована только на основе диалектологических данных, так как памятники эпохи после образования аканья обычно не содержат указаний на эту сторону фонетической системы. Что касается категории твердых-мягких согласных в русском языке в эпоху до падения редуцированных (но после смягчения полумягких), то здесь могут быть использованы только данные памятников.

Известно, что коренные различия в системе твердых-мягких согласных, которые имеются между русским языком, с одной стороны, и украинским — с другой, относятся к сравнительно позднему времени. Во всяком случае смягчение полумягких, закончившееся уже в историческую эпоху, было еще общим для всех древних восточнославянских говоров, как для тех, на основе которых впоследствии образовался русский язык, так и для тех, которые легли в основу украинского языка. К еще более позднему времени относятся различия в отношении категории твердости-мягкости между русским и белорусским языками. В связи с этим в настоящей работе при исследовании категории твердых-мягких согласных в древнерусском языке привлекаются памятники любых частей древней Руси, а для более поздних эпох лишь те, которые могут считаться великорусскими.

ЭПОХА ДО ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ И ДО СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 1. Эта эпоха в истории древнерусского языка характеризуется отношениями по твердости-мягкости согласных, которые были свойственны еще общеславянскому периоду. О более точном хронологиче-

ском отграничении этой эпохи от последующих вряд ли можно говорить, так как, если падение редуцированных в древнерусском языке по установившемуся мнению можно относить к XII в., то на время смягчения полумягких, как это было отмечено выше, существуют различные точки зрения.

В основе различия твердых и мягких согласных лежит взаимное приспособление артикуляции гласных и согласных звуков в пределах одного слога, имевшее место еще в общеславянской эпохе. В связи с тем, что слог в общеславянском языке позднего периода строился по принципу восходящей звучности, гласные звуки в пределах одного слога обычно находились в положении после согласных, и, таким образом, гласные влияли преимущественно на предшествующие согласные. Исключение в этом плане составляют сочетания [br], [er], [br], [or] между согласными, где гласные оказывают влияние на последующий согласный [r]. Кроме того, в общеславянском языке позднего периода осуществлялось влияние гласных переднего ряда на последующие задненебные согласные, результатом чего явилась так называемая третья палатализация; однако этот процесс наблюдался не в пределах одного слога, а на стыке двух слогов.

В положении перед гласными переднего ряда согласные приобретали в добавление к основной артикуляции некоторую степень палатальности и становились полумягкими. Полумягким становился и согласный [r] в сочетаниях [br], [er]. По замечанию А. Мейе, твердые и полумягкие согласные „образуют единство в том смысле, что употребление как того, так и другого типа обусловлено следующим фонетическим элементом“¹. Подобное изменение претерпевали согласные зубные и губные; что же касается задненебных, то они в положении перед передними гласными совершенно меняли свое качество, изменяясь в шипящие или свистящие согласные ([č'], [ž'], [š'] — в результате первой палатализации; [č'], [dz' (z')], [s'] — в результате второй палатализации).

Перед гласными заднего ряда согласные не имели дополнительной палатальной артикуляции и были в той или иной степени веларизованы, при этом возможно, что они произносились с элементами лабиализации, т. е., по терминологии А. А. Шахматова, были „лабиовеларизованы“². Лабиовеларизация, по мнению А. А. Шахматова, придавала специфический оттенок произношению твердых согласных, оттенок, в дальнейшем исчезнувший. Исчезновение это „в славянских языках проходило постепенно, в разное время в разных говорах, и не сразу во всех группах согласных“³. Данные, свидетельствующие о существовании некогда лабиовеларизации согласных, А. А. Шахматов ищет в системах вокализма некоторых славянских языков⁴. В восточнославянских языках к таким данным он относит изменение [ъ > о], [е > о]. Он считает, что эти изменения явились следствием влияния лабиовеларных согласных на предшествующий гласный переднего ряда.

По мнению А. А. Шахматова, согласные приобретали „лабиовеларизацию“ только перед гласными заднего ряда и таким образом до изменения [û], [ü] в гласные среднего ряда [ъ], [у]. Однако остается

¹ А. Мейе. *Общеславянский язык*. М., 1951, стр. 17.

² А. А. Шахматов. *Очерк древнейшего периода истории русского языка*. Пг., 1915, стр. 60.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 61.

неясным, что в этом отношении можно сказать о ранних общеславянских гласных [ō], [ö], [ā], [ǎ], дифтонгических сочетаниях долгих и кратких [o] и [a] с носовыми и [u]: изменились ли они уже в [a], [o], [ɔ], [u] в тот период, когда происходила „лабиовеляризация“? В связи с этим возникает вопрос, была ли „лабиовеляризация“ обязательно связана с лабиальностью следующего гласного элемента? Думается, что нет, поскольку она имела место и перед нелабиализованными или слабо лабиализованными гласными: [ǎ], [ö], [ā], [ō]. Кроме того, следует вспомнить указание А. Мейе на то, что специфической чертой славянской артикуляции является тенденция гласных заднего ряда к ослаблению роли лабиализации (в связи с чем [ū > y], [ÿ > ъ], [ō > a])¹.

Таким образом, можно считать, что основной причиной появления того, что А. А. Шахматов называет „лабиовеляризацией“, было соседство с гласными заднего ряда, безразлично лабиализованными или нелабиализованными: артикуляционное приспособление согласного к следующему гласному заднего ряда делало соответствующий согласный более велярным. Соседство с лабиализованным гласным включает в артикуляцию соответствующего согласного элемент лабиальности. Кроме того, элементы лабиальности могли заключаться в самой артикуляции некоторых согласных (например, губных и задненебных). Характерно, что и А. А. Шахматов склоняется к мнению о том, что не все из согласных подверглись одновременно и лабиализации, и веляризации, что зубные были лишь веляризованными, а губные и задненебные — лабиовеляризованными².

Из сказанного ясно, что условия появления „лабиовеляризации“ в общеславянском по существу сохранились в славянских языках и до настоящего времени. Но тогда почему же „лабиовеляризация“, как специфическая дополнительная артикуляция, ныне не известная, исчезла, если условия, ее создавшие, сохранились? Вероятнее всего допустить, что „лабиовеляризация“ была и сохранилась до сих пор, как такое артикуляционное качество, которое содержится в понятии „твердость согласных“ (т. е. веляризованность губных и задненебных согласных перед гласными непередними). О том, что в русском языке по сей день существует „лабиовеляризация“ согласных, свидетельствует изменение безударного [ъ] в [u], [o] под влиянием соседних твердых согласных, главным образом губных и задненебных. Ср. в северновеликорусских говорах — *пуполám, сумовár*; в средневеликорусских — *бáбуѣ, карз'и-нуѣ, пáлкуѣ*; в южновеликорусских с диссимилятивным аканьем — *тровá, пупá* (от *поп*).

Говоря о влиянии согласных на гласные в общеславянском языке, следует указать на воздействие мягких согласных йотовой артикуляции [j], [j'], [n'], [r'], шипящих и свистящих. В общеславянском языке гласные заднего и среднего ряда [o], [y], [ъ], ассимилируясь предшествующему мягкому согласному, изменялись в гласные переднего ряда — [e], [i], [ь] (ср. *село — полѣ, конѣ — кон'и* (тв. мн.), *конъ — кон'ь, конѣхъ — кон'ихъ*). По мнению А. Мейе, передвижке в передний ряд под влиянием предшествующего [j] подвергался и гласный [a], изменявшийся в [ě]; однако „непосредственно это не очевидно, так как [ě] само перешло в [a] вследствие другой тенденции“³. Изменение гласных под

¹ А. Мейе. Ук. соч., стр. 42.

² А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 62.

³ А. Мейе. Ук. соч., стр. 96.

влиянием предшествующего согласного йотовой артикуляции наложило яркий отпечаток на систему именных флексий и суффиксов общеславянского языка. Получились соотносительные фонетические варианты одних и тех же тождественных грамматических элементов, обусловленные положением после твердой основы или после основы, оканчивающейся на согласный йотовой артикуляции (-омъ — -емъ; -ѣ — -и и т. д.).

В более поздний период существования общеславянского языка-основы наметилась тенденция к изменению гласных переднего ряда под влиянием предшествующих согласных йотовой артикуляции в гласные непередние: [ě], [e], [i], [ъ], диссимилируясь предшествующему согласному [j], стремилась к [a], [o], [y], [ъ]. По замечанию А. Мейе, эта тенденция в общеславянском языке полностью достигла завершения лишь для [ě] ($\text{ě} > \text{a}$ после j всегда)¹. А. А. Шахматов относит к общеславянской эпохе изменение [e > o]; однако современные данные позволяют считать это утверждение ошибочным: изменение [e > o] относится к более позднему времени, причем в разных славянских языках этот процесс проходил неодновременно и не везде одинаково широко.

Таким образом, в общеславянском языке согласные [t], [d], [s], [z], [p], [b], [m], [n], [r], [l] перед гласными непередними были твердыми или, по Шахматову, лабиовеляризованными, и полумягкими перед гласными переднего ряда. Согласные [k], [g], [ch] употреблялись только перед гласными непереднего ряда, так как перед гласными передними они изменялись в шипящие или свистящие.

§ 2. Согласными, различающимися по твердости-мягкости, были [l]—[l'], [n]—[n'], [r]—[r'], а также [s]—[s'] и [z]—[z'], причем [l'], [n'], [r'] возникли из сочетаний [l], [n], [r] с последующим [j], а [s'], [z'] появились из [ch], [g] в результате второй и третьей палатализации.

Мягкие согласные [l'], [n'], [r'] указанного происхождения (которые мы будем называть „исконно мягкими“) внутри корней встречались в ограниченном количестве случаев. Преимущественно это слова, в которых [l'], [n'], [r'] находятся перед гласным [u]. Ср. *клювъ*, *ключати* сл 'случаться', *клюса* 'лошадка', *сблжсти*, *лито*, *любити*, *блюдо* и *бл'вотины*, *нынѣ* (и *нынѣ*), *дѣла*, *пчквѣ*, *дѣлама*. Кроме того, некоторые старославянские памятники свидетельствуют о мягкости согласных [l'], [n'] в словах *кл'евѣта*, *н'ива*, *кн'игы*².

Основная масса случаев употребления согласных [l'], [n'], [r'] падает на стык корня или основы со следующим формальным элементом (флексией или суффиксом), имевшим ранее в начале согласный [j]. Мягкие [l'], [n'], [r'] входят также в состав некоторых суффиксов. Перечислим эти случаи.

Существительные

1. Существительные м. р. на -*jo* (-*jb*): а) с простой основой — *кон'ь*, *корабл'ь*, *был'ь*, *сжльр'ь*; б) с основой, содержащей суффиксы -*ар'ь*, -*тел'ь*: *рыбар'ь*, *мытар'ь*, *винар'ь*, *боукар'ь* (писец), *зѣдар'ь* (горшечник) и т. д.; *жател'ь*, *властел'ь*, *дѣлател'ь*, *лател'ь* (подстерегающий в засаде) и др.

2. Существительные на -*ја*: ж. р. — *банѣ*, *каплѣ*, *желѣ*, *боурѣ*, *пырѣ*, *вечерѣ*, м. р. — *дрѣводѣла*.

¹ А. Мейе. Ук. соч., стр. 98.

² См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 75.

3. Существительные ж. р. с суффиксом *-ын'и*: *рабын'и, сѣседын'и, правын'и* и др.

4. Существительные ср. р. на *-је*: *полкѣ, моркѣ, горкѣ*.

5. Существительные с суффиксом *-ѣн-*, оформляющим названия народов и жителей, в которых производящая основа оканчивается на [l'], [n'], [r']: *селунѣнинѣ, землѣнинѣ, римлѣне, назартѣнинѣ*.

Глаголы

1. Мягкие [l'], [n'], [r'] оканчивают: а) основу наст. вр. глаголов на *-је/-јо-*. Например, наст. вр. — *колѣж, колѣши, мелѣтъ, борѣши, борѣтъ*; повел. накл. — *кол'и, мел'и, бор'и*; прич. наст. вр. — *колѣа, мелѣа, борѣа, колѣмѣ, стелѣмо*; б) основу имперфекта глаголов *колоти* и *бороти*, так как в ее состав корень вошел в звуковом виде, характерным для форм наст. вр., а не инфинитива — *колѣахѣ, борѣахѣ*; в) основу инфинитива глаголов на *-і-* в тех случаях, когда после основы инфинитива следует формальный элемент, начинающийся с гласного звука [гласный [i] в положении перед следующим гласным изменялся в [i], который ассимилировался с предшествующим согласным). Например: имперф. — *chvali-ēichē > chvalj-ačhē > хвалѣахѣ; гонѣахѣ, порѣахѣ*; прич. прош. вр. — *chvali-ēs > chvalj-ēs > chval'-ēs > хвал'ѣ; поклон'ѣ, ѡтвор'ѣ, ѡукор'ѣ; chvali-eno > chvalj-eno > chval'-en > хвалѣнѣ, плѣнѣнѣ, ѡтворѣнѣ*; сущ. ср. р., образованные от основы страд. прич. прош. вр. глаголов на *-і-* присоединением суффикса *-ик-* (*-ьје-) — *сѣдинѣнинѣ, цѣлѣникѣ, творѣникѣ*; г) основу в форме 1 л. ед. наст. вр. глаголов на *-і-*: *chval'i-ō > chvalj-ō > chval'-ō > хвалѣж; наплѣнѣж, гонѣж, морѣж*.

2. Согласные [l'], [n'], [r'] представлены в итеративных глаголах, образованных от основ на *-і-*. В глаголах с инфинитивной основой на *-і-* этот гласный изменяется в [i], в связи с чем последующий [ě] (суффикс итеративного значения) изменяется в [a]: *ѡудалѣти, стрѣлѣти, възбранѣти, ѡсѣнѣти, ѡзарѣти, ѡукартѣти, коуплѣти, ѡставлѣти* и др.

Прилагательные

1. Прилагательные притяжательные, образованные с помощью суф. *-јь-* (*-јо-*), имеют в конце осн. вы мягкие согласные: *авраамл'ѣ, орѣл'ѣ, ѡвн'ѣ, матѣр'ѣ*; с суф. *-јь-* образованы и отдельные непритяжательные прилагательные: *безѡумл'ѣ, доупл'ѣ, добл'ѣ, бѣждр'ѣ* 'бодрый'.

2. Согласный [n'] представлен в суф. *-ьн'ѣ-, -šьн'ѣ-, -stьн'ѣ-*, оформляющих прилагательные, образованные от наречий: *ѡкрѣстьн'ѣ, прѣдѣн'ѣ, горьн'ѣ, домашьн'ѣ, кромѣшьн'ѣ*.

3. Мягкие согласные представлены в формах сравнительной степени прилагательных, образованных с помощью суф. *-јес-, -јѣс-*: *бол'иши, трѣбл'иши*, 'более необходимый', *грубл'иши, глѣблѣ, мьн'иши, тьн'иши* 'более тонкий', *гор'иши* 'более плохой'.

Местоимения

Мягкий согласный [n'] представлен в формах косвенных падежей указательного местоимения *је* с предлогом: *у нѣго, на нѣа* и др. Основа этого местоимения была представлена еще в ряде союзов. Ср. *занѣ, понѣже, донѣлѣже, възнѣгда*.

Согласные [s'], [z'] развились из [g], [ch] в положении перед [i], [ě] (из *oi, ai*), с одной стороны, и в определенных условиях в положении после гласных переднего ряда — с другой. Кроме того, согласный [z'] в южных и восточнославянских языках появился в результате изменения группы [gv] в положении перед [ě]. На месте согласного [g] в указанных положениях первоначально находилась аффриката [dz'], которая,

однако, впоследствии во многих славянских языках утратила взрыв, а у восточных славян, в частности, изменилась в [z'], образовавший мягкую пару к согласному [z].

Согласные [s'], [z'] встречаются как в середине основ, так и на стыке основ и флексий, где они чередуются с согласными [s], [z]. Перечислим случаи употребления согласных [z'], [s']: *свѣзда, свѣло, свиздати, подвисати са, тръсати, съмасасти са* 'спорить', *осасасти, ѡса* 'болеть', *польса, стьса, пьнась, кьнась; вьск вьсь*. Согласные [z'], [s'] появляются на месте [g], [ch], оканчивающих основу сущ. в местн. ед. — *нозѣ, блосѣ, доусѣ*; им. мн. — *босу, мьносу, доуси*; местн. мн. — *доусѣхъ, врасѣхъ*; повел. накл. — *помосу*.

§ 3. Мягкость согласных [l'], [n'], [r'], [s'], [z'] была независима от качества следующего гласного: названные согласные могли находиться не только в положении перед гласными передними [i], [e], [ɛ], [ь], [ě], но и перед гласными непредними [a], [u], [o]. Мягкость и твердость согласных могла различаться перед любым из указанных гласных.

Ср. *кони* (им. мн.) — *кон'и* (мест. ед.), *хвали* — *кол'и* (повел. накл.), *звѣри* — *сжльр'и*, *вози* — *помоз'и* (повел. накл.), *гжси* — *моус'и*; *конь* 'предел', 'начало', 'конец' — *кон'ь*, *быль* 'трава' — *был'ь* 'вельможа', *звѣрь* — *рыбар'ь*, *гразь* — *кьназ'ь*, *вьсь* (*vicus*) — *вьсь* (*omnis*); *коне* (зв. ед.) — *конѣль*, *доле* (зв. ед.) — *полѣ*, *даре* (зв. ед.) — *морѣ*; *кона* — *конѣ*, *осла* (*оселок*) — *волѣ*, *бьггахъ* — *творгахъ*, *раза* — *кьназѣ*, *льса* — *вьста* (им. ед. ж.); *ндити* — *банѣж*, *лжкы* — *волѣж*, *ржка* — *боурѣж*, *зжбъ* — *стьѣж*, *осж* — *вьсѣж* (вин. ж.); *коноу* — *коню* (род.-мест. дв.), *селу* — *былю* (род.-мест. дв.), *дароу* — *сжльрю*.

Что касается противопоставления твердости-мягкости согласных перед гласными [ɛ] и [ě], то оно было в значительной степени ограничено. В общеславянском языке возможность различения твердости-мягкости согласных перед гласным [ɛ] осуществлялась главным образом за счет того, что мягкие согласные могли находиться перед [ɛ] в определенных флексиях склонения основ на -*а- и -*о- (*вонѣ*, *пьнѣ*, *конѣ*). В говорах, легших в основу древнерусского языка, в этих же формах в соответствии с флективным [ɛ] выступал гласный [ě]. Поэтому в древнерусском языке эпохи до смягчения полумягких перед гласным [ɛ] (или его заменой, так как в говорах, легших в основу древнерусского языка, назализация утратилась рано, до появления письменности) широко были представлены немягкие согласные и весьма ограниченно соответствующие мягкие. Последние по существу были известны лишь перед суффиксальным [ɛ] в формах действ. прич. наст. вр. им. ед. м. и ср. р. от глаголов третьего класса, так как [ɛ] после мягких согласных в середине слова вообще неизвестен. Ср. *лѣзати* 'ловить сетями' — *лаголаѣ*; но нельзя подобрать пример с [n'], [r'], [s'], [z'] перед [ɛ].

Перед гласным [ě] в общеславянском языке мягкие согласные не могли находиться, что было обусловлено изменением [ē > a] и [oi > ei > i] после мягких согласных. Лишь после [s'], [z'] мог находиться гласный [ě] (*зѣло*, *нозѣ*, *моусѣ*, *помозѣте*). Благодаря этому мягкие [s'], [z'] и немягкие [s], [z] могли различаться перед гласным [ě]. В говорах, легших в основу древнерусского языка, возможность различения твердых и мягких согласных перед [ě] расширилась за счет наличия гласного [ě] во флексиях род. ед. и им.-вин. мн. ж. р. существительных на *-ja-, местоимений и прилагательных, склонявшихся по основам на *-ja-, и вин. мн. м. р. сущ. на *-jo-, местоимений и прилагательных,

склонявшихся по основам на *-jo-. Например: *конѣ* (от *конъ*) — *рабынѣ*, *порѣ* — *боурѣ*, *селѣ* — *волѣ*, *разѣ* — *кѣнлѣ*, *лѣсѣ* — *вѣсѣ*.

§ 4. Таким образом, твердые согласные в эпоху до смягчения полумягких могли употребляться перед любой из 11 гласных фонем, приобретаемая перед гласными переднего ряда позиционную полумягкость. Мягкие согласные могли употребляться перед [i], [e], [ɛ], [ě], [ɛ̃], [a], [u], [ɤ], но не могли употребляться перед [ъ], [y], [o]. Следовательно, сильным положением для „парных“ твердых и мягких согласных являлось положение перед всеми гласными, кроме [o], [y], [ъ]. Заднеязычные согласные были всегда твердыми и могли сочетаться только с гласными непредними.

§ 5. Возможность образования сочетаний согласных в древнейшую эпоху, о которой здесь идет речь, была в значительной степени ограничена действием закона открытого слога. Из общеславянского в древнерусский язык перешли сочетания согласных взрывных [p], [b], [k], [g] и [ch] с сонорными [r], [l], [n]; [t], [d] могли сочетаться с [r]; [s], [z] сочетались с сонорными [l], [n], [m] и взрывными [t], [d], [k], [g]; с согласным [v] могли сочетаться [t], [d], [k], [g], [s], [z], [ch] (kv, gv только перед непредними гласными — *квасъ*, *гвоздь*). В древнерусском языке были известны также сочетания полумягкого [r] в группе, восходящей к **trrt*, с последующими губными, заднеязычными и зубными согласными. Эти сочетания представляли известное исключение, так как образовывались на стыке двух слогов.

В эпоху до смягчения полумягких фонетическая система древнерусского языка стремилась избежать сочетаний неоднородных в отношении твердости-мягкости. Если в пределах одного сочетания оказывались твердый и мягкий согласные (мягкий согласный всегда оказывался вторым согласным сочетания, так как в пределах одного слога сонорные не могли предшествовать шумным), то мягкий согласный смягчал предыдущий твердый согласный, действуя на него так же, как согласный [j]. Приведем примеры: *оутѣшнѣють* 54 АЕ 1092¹; *сѣблазнѣ*, *блазнити* и — *сѣблажнѣникъ* 1516 М 97; *сѣблажнѣнии* 263, 615, *блажнѣютьсѣ* 568, *сѣблажнѣшагѣсѣ* 269 ЕК XII в.; *сѣблажнѣють* 29 МЕ 1117.

Те же процессы, что и в сочетании согласных внутри одной морфемы, происходили и в сочетаниях, образовавшихся на стыке морфем, в частности, на стыке предлогов *из*, *без*, не имевших на конце редуцированных или во всяком случае издавна их утративших, и последующего указательного местоимения с основой на -*jъ*. Например: *ижнѣго* АЕ 1092 56 об, 67, 142; *ижнѣхъ же* М 95, 50а; *ижнѣтѣ же* М 97, 114а, 116а, 119б, 123б, 125б; *иж негоже* там же, 85б, 121б; *ижнего* МЕ 1117, 160; *бежнѣго* ГЕ 1144, 180а и др.

По наблюдениям Л. Л. Васильева², согласный [n] мог быть мягким не только в том случае, если за ним следовал [j], но и в сочетании [gn], если за ним следовал гласный переднего ряда. Русские писцы нередко наряду с мягкостью [n'] перед [j] обозначают и мягкость [n'] в названном сочетании. В связи с тем, что сочетание [zgn] в русском языке упрощалось в [zn] особенно, если [g] было фрикативным, это [n'] могло смягчить предшествующий согласный [z] в таких случаях, как: *ражнѣ-*

¹ Списки условных сокращений см. в конце статьи.

² См. Л. Л. Васильев. Об одном случае смягчения звука *n* в общеславянском языке, являвшегося не посредством следующего за ним древнего *j*. — РФВ, 1913, № 1—2.

вахъса 99 И 73; *ражнѣвавъса* 73 АЕ 1092; *ражнѣваса* (= *разнѣваса*), *ижнеташе* (= *изнѣташе*) Хр. Ап. XII в. Однако по мнению А. А. Шахматова (едва ли соответствующему действительности), в данном случае на [z] действует не [n'], а [j], получившийся из [ʃ] (*zɔn > zjn*)¹.

Сочетание [sl'] изменяется в [š'ɫ'] в таких случаях, как *помышлѣникъ*, *помышлѣти*. Изменение [tr'] в [s't'r'] находим в таких случаях, как *оухыщрѣти* при *оухытрѣти*; *съмошрѣ* (при *съмотрѣти*) ГБ XI в.

Следует заметить, что рассмотренный процесс рано прекращает свое действие, в связи с чем появляются аналогические образования — *казню*, *казнен*, *смотрю*, *мыслю* и др. Хотя изменения в группах согласных, аналогичные тем, что имеют место до смягчения полумягких, встречаются и позднее, после падения редуцированных; ср. *пошло* из *посълю*.

Сочетания, в которых первый согласный был твердым, второй — полумягким (*sn'ĕgъ*, *sv'ĕtъ*), должны квалифицироваться, как фонологически однородные. При этом не исключено, что первый согласный такого сочетания мог приобрести некоторую степень полумягкости, т. е. что в словах *sn'ĕgъ*, *споръ* начальный согласный произносится не совсем одинаково.

* * *

В эпоху до смягчения полумягких, категория твердости-мягкости охватывала небольшое количество согласных, большая часть которых оказывалась вне ее. При этом категория твердости и мягкости не была соотносительной в том смысле, как это сложилось позднее в русском языке: твердость и мягкость, никогда не подвергаясь нейтрализации, были качествами, всегда и постоянно присущими соответствующим фонемам.

ЭПОХА ДО ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ, ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ

§ 1. В русском языке категория твердости-мягкости в своем развитии пошла по линии расширения противопоставленности твердых и мягких согласных, что стало возможным в результате смягчения полумягких согласных.

В результате смягчения полумягких твердость-мягкость согласных оказалась непосредственно связанной с качеством последующего гласного. Если прежде твердые и мягкие согласные различались не только перед гласными задними (ср. *ра* — *р'а*, *ну* — *н'у* и т. д.), но также и перед гласными передними, т. е. были возможны сочетания *л'е* — *л'е*, *л'и* — *л'и*, *р'ь* — *р'ь* и т. д., то после смягчения полумягких перед гласными переднего ряда стали возможны только мягкие согласные; исконно парные по твердости-мягкости согласные перестали различаться перед гласными переднего ряда, т. е. слова *дань* и *конь*, *рабыни* и *кони* (им. мн.), *зверь* и *сжльрь* и т. д. произносились одинаково с мягкими согласными перед конечным гласным переднего ряда. Поэтому исконно парные по твердости-мягкости согласные в эту эпоху стали различаться только перед гласными [а] (ѣ, а) и [у] (ѹ, ѹ): *лзгнѣ*, *вонѣ* — *кона*; *ослѣ*, *долѣ* — *осла* (= *оселок*); *коурѣ*, *пърѣ* — *кора*; *банѣ*, *коню* (род. мн., дв.) — *стѣнѣ*, *коноу*; *волѣ*, *полю* — *ослѣ*, *селоу*; *боурѣ*, *сжльрю* — *горѣ*, *дароу*.

¹ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 185.

Согласные, развившие мягкость из полумягкости, могли быть противопоставлены твердым согласным только в положении перед гласным [а], и то лишь благодаря изменению [ѣ] в [а] в русском языке. Ср. *рубл* (прич. наст. вр.) — *дуба, вазноути — варити, дѣда — мѣзда, масо — малъ, пѣтно — память, тѣгость — тать*.

Противопоставление этих согласных перед гласным [а] в отличие от исконно парных по твердости-мягкости согласных первоначально не образует морфологических корреспонденций. Эти корреспонденции появились много позже, как результат морфологической аналогии (ср. *котах, гостях* по аналогии с *женах*). В одном лишь случае морфологическая корреспонденция образовалась рано, видимо еще в дописьменный период, когда проходил процесс объединения в образовании им. ед. прич. действ. наст. вр. м. р. основ на *-е/-о-, -пе/-по-*, с одной стороны, и основ на *-і-, -је-/ -јо-*, с другой: обобщалось окончание основ на *-і-*. Мы имеем в виду формы типа *носа* рядом с формой прич. наст. вр. *неса*. При этом само появление [а] (при общеславянском [ы] — *несы*) свидетельствует о тождестве этого [а] гласному на месте [ѣ] в *носа*. Сохранение твердости конечного согласного основы в причастиях глаголов на *-е/-о-* лишний раз подтверждает то, что полумягкость согласных перед [ѣ] в причастии от глаголов с основой на *-і-* не имела фонематического значения, а была обусловлена прошлым положением этого согласного перед гласным переднего ряда.

Перед гласным [у] (из *и, ъ*) вновь смягченные согласные не различались, так как смягчение перед этим гласным предполагает йотацию, а йотация, как известно, вела вообще к изменению качества согласных зубных [т], [д] и губных [п], [б], [в], [м]. Сочетания [т'у], [д'у], [п'у], [б'у], [в'у], [м'у] первоначально были неизвестны русскому языку. Они появились значительно позднее, в результате проникновения в русский язык слов иноязычного происхождения и развития морфологической аналогии.

§ 2. Твердость-мягкость согласных, оказавшись неразрывно связанной с качеством последующего гласного, в рассматриваемую эпоху по существу потеряла свою фонематическую самостоятельность, став различителем слов и форм лишь вместе с последующим гласным. По замечанию Р. И. Аванесова, для того чтобы решить, являлись ли в эту эпоху твердые и мягкие согласные самостоятельными фонемами, «необходимо „оторвать“, изолировать друг от друга мягкость или твердость согласных, с одной стороны, и качество последующей гласной, с другой. Но этого сделать нельзя, так как мягкие и твердые согласные в рассматриваемую эпоху употреблялись только перед гласными, и потому мягкость и твердость согласных была неразрывно связана с качеством следующей гласной»¹. В результате приходится говорить не о твердых и мягких согласных фонемах, а о твердых и мягких слогах; „в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной“². Твердые и мягкие слоги образовали противопоставленные пары *ра — р'а, ру — р'у, ну — н'у, та — т'а*.

Невозможность изолировать твердые-мягкие согласные от последующих гласных создавала предпосылку функционального объединения некоторых ранее самостоятельных гласных фонем. Так, в связи с тем, что случаи типа *ударъ — ударь, конъ — конь* стали в один ряд со слу-

¹ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *у*. — „Вестник МГУ“. 1947, № 1, стр. 47.

² Там же, стр. 48.

чаями типа *саду* — *с'аду*, гласные [ъ] и [ь] после смягчения полумягких по существу оказались разновидностями одной фонемы; употребление этих разновидностей обусловлено качеством предшествующего согласного (т. е. различие в образовании гласных [ъ] и [ь] стало аналогично тому, которое имеем у гласных [а] и [ǎ], [у] и [Ǚ] в *рад* и *р'ад*, *лук* и *л'ук*).

Подобные же функциональные изменения претерпевали и гласные [и], [ы]; если раньше [ы] употреблялся только после твердых, [и] — как после твердых, так и после мягких согласных, то теперь их употребление по отношению друг к другу становится позиционным: после мягких употребляется [и], после твердых — [ы]. Сочетания *л'и* — *лы*, *п'и* — *пы* постепенно становятся в один ряд с сочетаниями *л'а* — *ла*, *п'а* — *па* и отличаются по преимуществу твердым или мягким согласным, а не гласным.

§ 3. Вопрос о времени смягчения полумягких в древнерусском языке решается на основе данных относительной хронологии, с одной стороны, и на основе показаний памятников письменности, с другой.

В плане относительной хронологии смягчения полумягких можно поставить в связь с утратой назализации гласным [ѣ] в древнерусском языке. Полумягкие согласные могли измениться в мягкие только в ту эпоху, когда на месте этимологического [ѣ] произносился еще гласный переднего образования. Предположение о том, что это был гласный [ѣ], изменившийся в [а] только после смягчения полумягких, отпадает по следующим соображениям. Как известно, в эпоху написания дошедших до нас древнейших памятников в русском языке уже не было носовых гласных, что отразилось в неправильном с этимологической точки зрения употреблении букв ѡ, ѡ̃, ж, ж̃, с одной стороны, и а, и, оу, ю — с другой. Между тем в тех же памятниках обозначение исконной мягкости согласных проводится довольно последовательно (например, в ОЕ 1056). Это обстоятельство свидетельствует о том, что различие мягкости и немягкости согласных перед гласными переднего ряда и перед гласным на месте [ѣ] если и отсутствовало в языке в период написания этих памятников, то безусловно было известно в нем в недавнем прошлом, во всяком случае после появления письменности.

Таким образом, сопоставление графического обозначения гласных на месте этимологических носовых, с одной стороны, и исконной мягкости и ее отсутствия, с другой, приводит к выводу, что утрата назализации явление более раннее, чем смягчение полумягких. Но так как перед заменой исконного [ѣ] в русском языке произносятся мягкие согласные, то необходимо допустить, что первоначально после утраты назализации на месте [ѣ] произносился гласный переднего ряда [ǎ], который лишь после смягчения полумягких изменился в гласный задний [а], вернее [ǎ]. В этом случае гласный [ǎ] в эпоху непосредственно после его развития из [ѣ] образовал самостоятельную, хотя и неполноценную фонему: слоги *па* — *п'ǎ*, *ла* — *л'ǎ* при тождестве согласных различались гласными [а] и [ǎ]. Этот гласный перестает быть особой фонемой после смягчения полумягких, когда различиями становятся твердые и мягкие согласные. Таким образом, хронология процесса могла быть следующей: $n'ѣ > n'ǎ > n'ǎ > n'а$. Мнение о том, что в древнерусских памятниках буквой ѡ обозначался звук [ǎ], не смягчавший предшествующий согласный, высказывал Л. Л. Васильев¹.

¹ См. Л. Л. Васильев. С каким звуком могла ассоциироваться буква ѡ . . . , стр. 193.

§ 4. В ряде древнейших русских памятников XI—XII вв. графически довольно последовательно проводится обозначение исконной мягкости согласных¹. Мягкость согласных, главным образом [л] и [н], реже [р] и [с], [з], передается или с помощью крюков, или с помощью йотированных букв. При употреблении крюков мягкость оказывается обозначенной более последовательно, так как согласные снабжаются крюками перед буквами — **ѡ, и, ѣ, ю, ж, а, ѱ, ѿ**. Таким образом, мягкость перед гласным [у] передается сразу двумя способами — йотацией и крюком. При передаче мягкости с помощью йотированных букв графическим показателем мягкости являются буквы **ѡ** и **ѡ** (та употребляется как в соответствии с **ja*, так и с **je*; соответственно после полумягких пишется **ѡ**). При этом оказывается графически незафиксированной исконная мягкость согласных перед гласными, обозначаемыми нейотированными графемами **и, ѡ, ѿ**. В одних памятниках сочетаются оба способа передачи мягкости, в других представлен лишь один из них. Предварительно можно заметить, что обозначение мягкости путем йотации гласных букв в русских памятниках распространено более широко. Исключительное обозначение мягкости с помощью крюков нами отмечено лишь в Чудовской псалтыри XI в. и в Синайском патерике XI в.

В Чудовской псалтыри (XI в.):

- перед **и** — *земл'и оутрѡба, посѡл'и* (повел. накл.), *кѡ н'имѡ, в н'ихѡ к н'имѡ*;
- перед **ь** — *повѡдател'ь, дрѡвл'ьнюж пользѡж* (вин.), *ѡвл'ьса а'нгьлѡ, испѡльн'шеса* (повел. накл.);
- перед **е** — *окл'евештѡштааго, поставл'енѡ, застѡпл'еник, благослов л'ениѡ, навькѡ, озѡлобл'ениѡ, ѡвл'еник, прикмл'емѡ, закол'еник, гл'еть, мол'ениѡ; отѡ н'его, отѡ н'ета, вѡ н'емѡ, сѡдѡн'ек веселик, нын'шьн'ек, простьн'етѡ, пл'бн'еныимѡ*;
- перед **ѡ** — **а — сѡтрѡл'ѡти, помьшл'ѡшита, ѡвл'ѡють, вал'ѡтиса, на тѡл'ѡ повѡр'женоу быти, сп'сениѡ Иаковл'ѡ* (род. ед.); *по поустьн'ѡмѡ*;
- **е — прикмл'ѡи* (прич. наст. им. ед. м. р.), *коньѡ земл'ѡ, прѡ-исподьн'ѡго*;
- перед **ю** — **и — л'юдии, л'юди, л'ютость, бл'юдѡште, л'юбѡть, вѡзл'юбл'ена*;
- **о — земл'ю* (вин. ед.) *гл'юшта, мол'юса, обѡкмл'юшта, прикмл'юште, прославл'ю, вол'ю* (вин. ед.); *стѡи стѡн'ють*;
- перед **ѡ** — *нын'ѡ, нын'шьн'ек*;
- наряду с этим — *приемлемѡ, помьшл'ѡштемѡ, вола* (им. ед.), *сѡстрѡл'ѡть, податѡла* (род. ед.), *вѡзлюбленѡ, любить, дрѡвл'ьнюж, вѡ законѡ ѡни, ѡнѡвомѡ, помьшлениѡ, вѡзлюбленѡ*.

¹ Необходимо заметить, что хотя речь и идет об эпохе до падения редуцированных, мы при рассмотрении графической передачи исконной мягкости согласных будем пользоваться также показаниями памятников и более позднего времени в той степени, в какой в этих последних представлена интересующая нас графическая черта. При этом, если в памятниках эпохи до падения редуцированных графическое различие исконной мягкости и полумягкости может рассматриваться как непосредственно отражающее явление живого языка, то в памятниках после падения редуцированных та же особенность должна квалифицироваться только как орфографический прием, лишь в своем возникновении обусловленный явлениями живого языка.

В Синайском патерике (XI в.):

- перед *и* — *оутрън'и*, *въ поустын'и*, *въ н'иже*;
 перед *ь* — *на н'ь*;
 перед *е* — *бл'вл'еник*, *к н'емоу*, *о н'емь*, *нап'лн'еноу*;
 перед *а* — **а—д'бл'а* (= *ради*);
**е* — *до земл'а*, *г'л'а*;
 перед *ю* — **и—бл'юд'те* (повел. накл.), *л'юб'звь*, *л'юбо* (= *или*);
**о* — *нед'лю* (вин.), *поустын'ю* (вин.); и наряду с этим — *отравле-
 ник'мь*, *об'кмлеть въ немь*, *къ немоу*, *г'ла*, *отъ зноа пол'щте*,
въ земли, *над нимь*, *либо*, *глюще*.

Однако чаще в памятниках XI—XII вв. сочетаются оба способа обозначения мягкости — и с помощью крюка, и с помощью йотированных букв. При этом обычно преобладает последний способ.

В Изборнике Святослава (1073):

- перед *и* — *бол'и* 10г, *съ н'ими* 9в, *милостын'и* и 86в, *г'ли* 88в,
въ п'жстын'и 9б;
 перед *ь* — *к'л'ьма* 10а;
 перед *е*, *к* — *г'л'ть* 9б; *оусел'енъ* 9г, *оставл'еник* 43в, *г'вл'енъ* 9в, *бол'ек*
 10г, *г'л'етьса* 10а; *к'дин'к'ник'мь* 9в, 9г, *отъ него* 11б, *къ н'емоу* 11в,
к'рм'лан'емь 86б; *въсел'к'ник* 8б, *извол'к'ниж* 8в, *при'емл'ють* 10г,
славослав'к'ник 12г, *не вол'к'ж* 46б, *исправ'к'но* 42г, *оустав'к'но* 47б,
оуправ'к'ниа 48а, *израил'к'мъ* 48а, *том'к'ниа* 49б, *исправ'к'ниа* 49б,
стит'ел'к 82б, *пож'б'к'нъ* 50б; *к'дин'к'ник* 8б, *сък'дин'к'ниа* 8г, *отъ
 н'его* 9г, *сно/вън'к* 9а, *отъ н'его* 11б, *по н'емоу* 13а;
 перед *а* — **а—прикоупл'ак'тьса* 11г, *избавл'а* 10г, *оживл'ак'ть* 10б,
обавл'ак'тьса 11в, *разд'вл'ак'ема* 12б, *исп'лн'а* 9в, *оскв'рън'ак'ши* 87а,
исп'лн'ади 9а, *совокоупл'ак'тьса* 11в, *разд'вл'ак'емо* 12б;
**е* — *г'л'а* 10в, *земл'а* 9г, 10в;
 перед *а* — **а—г'вл'ак'тса* 9в, *осрамл'аж'аго* 5б, *оставл'ати* 6б,
земл'а 7б, *д'б'ла* (= *ради*) 3а, *г'вл'ак'к* 11в, *к'ж'л'л'ак'тьса* 12а, *оуправ-
 л'а* 47г, *срамл'ак'са* 48в, *обавл'аж'тьса* 48г, *съкоупл'ак'тиса* 49в,
мол'аше 50а, *отъд'б'л'ахоу* 82б, *мн'аше* 5г, *върхо/вън'аж'кратости* 49а,
исп'лн'аж'ити 82в, *оскв'рн'аж'ть* 82б;
**е* — *родит'ел'а* (вин. мн.) 5в, *при'емл'а* 84г, *д'вл'ат'ел'а* 82г, *от
 кл'ат'вы* 85а, *милостын'а твор'ать* 85б, *хран'аштиимъ* 85б;
 перед *ю* — *и* — *взл'юбиша* 32в;
**о* — *г'л'юшта* 88в, *г'л'юштаго* 9в;
 перед *ж* — **и—л'ж'ди* 9б, *л'ж'бо* 10г, *л'ж'бить* 10г;
**о* — *г'л'ж* 10б, *земл'ж* 10в;
 перед *ѣ* — *прогн'ѣва* 9б, *прогн'ѣваша* 9б, *мн'ѣли* 87б, *милостын'ѣ*
 (род. ед.) 86б.

Наряду с этим имеем написания без обозначения исконной мягкости: *въселение* 8б, *не/г'влени* 6б, *к'мл'емъ* 12б, *въск'рм'леникъ* 12в, *възл'жб-
 ленъ* 43б, *г'л'ть* 4бг, *г'р'блен'иа* 82б, *оживленъ* 175б, *адамл'емь прѣ-
 стоуп'емъ* 176а, *избавлен'иж* 176а, *изволени'иж* 249в, *погублен'ик* 205в,
изволени'еж 205г, *отъ него* 6б, 10а, *к немоу* 6г, *въ немь* 7г, 176а;
г'вл'ак'емо 5б, *оставл'ак'а* 8г, *обнавл'ак'ми* 9а, *исп'лаж* 9г, *исп'лн'ак'ть* 9г,
съподобл'ак'тьса 11б, *съкоупл'ак'тьса* 11г, *г'вл'ати* 12б, *земл'а* (им. ед.)

175г, оживлаѣшита 176г, свѣтителѣ 177б, готовлашесѣ 177б, сына авраамѣ 177б, оставлаѣть 178г, въ размышлѣнии 179а, римлянь 249в, оставлаѣть 90а, покланѣтесѣ 178г, милостыня подобѣ творити 90, блѣйна/мъ 90б, ближняго 88б, любостраны/ихъ 89г, златолюбѣмъ 88в, милостыню 88в, творѣша 5а, творенъ 6б, сътворенъи 10в, самарянынъ 48в, оукарѣа 50г; всего 5б, въсе съзѣда 7а, всакоу 47б.

В Архангельском евангелии (1092):

перед и — родителѣи 132, передъ нѣимъ 83, съ нѣимъ 168;
перед ь — нѣъ 127б, 130, иѣъ, 166;
перед е — бѣгѣвлѣено 155, илѣви 153, илѣвоу 146 об, глѣть 128 об., иѣе 123 об; гѣвлѣнѣа 168, избѣвлѣнѣа 168, приклѣть 79, глѣть 170, ослабѣкѣноу 79, възлюбѣнѣи 110, 170, блѣдѣтелѣ 9, съвѣдѣтелѣмъ 97; съ нѣко 114, къ нѣмоу 117, о нѣмъ 115 об.;
перед Ѧ — *а — валѣшесѣ 81 об, любѣлѣше 129, на нѣа 77;
*е — римлянынѣа 137;
перед га — *а — нижнѣаго 119 об., послѣднѣа 113 об., поклонѣахоу сѣ 108, крѣплѣше 168, римлянынѣа 137, крѣстѣа 82 об., 172 об., родителѣа 156 об.;
*е — въземлѣаи 26, 33, 47, 71, 153, глѣа (больше 35 раз), ѡ землѣа 87 об., каплѣа (им. мн.) 95 об., дѣлателѣа (вин. мн.) 158, 159, родителѣа (вин. мн.) 164 об., въ ближнѣа вси 78 об., онѣа 108, въ нѣа 160, 167, послѣднѣага (вин. мн. м. р.) 159 об.

Перед ю крюков нет.

В Архангельском евангелии 1092 г. встречаются написание ѣ и га и после мягких р, с: ѡрѣа (вин.) 105 об., сеньтабрѣа, нотабрѣа 137, вечерѣа 93. Необозначение мягкости — въ немъ 14, ѡ него 112, бѣгѣзленѣе, бѣгѣвлѣенъ 153, иуна 161 об., оучитель, дѣлателѣ, съ нимъ, люблю (часто).

В Словах Григория Богослова (XI в.):

перед и — въ огнѣи 69, в нашихъ иѣи/лѣхъ 220;
перед ь — огнѣъ, 101, 186, 107, 114, 244, ѡ/иѣъ жъ 278, болѣшаѣа казни, болѣшѣа;
перед е, ѣ — огнѣемъ 49; благословѣнѣи 87, оставѣкѣноумоу 48б, тельѣж крѣмѣкѣноу 45, неоукоупѣкѣна 25б, крѣмѣкѣж 22, извоѣкѣноумоу 43б, не ѣзгѣмыѣа, болѣ (10 раз), болѣкѣ (2 раза), волѣж 35б, внимателѣмъ 32, дѣлателѣ, похвалѣнѣи 20а, 27, обѣма родителѣма 23б, огнѣ/мъ 69, отъ ноужда иѣкѣ/шѣнѣа 72, безаконѣнѣа, съхранѣкѣноу, пожыѣнѣи, иѣкѣтоутѣсѣа 125, послѣднѣкѣ, мѣнѣкѣ, мѣнѣкѣ 113, къ нѣмоу и т. д., глаголетѣ, оукмѣкѣтѣсѣа 19а;
перед га — *а — испрѣмѣкѣмо 50, землѣа 22б, обавѣлѣмѣимъ, отъдѣлатѣтѣсѣа, съмышлѣа, дѣла (=*ради*), полѣа, оуклонѣа, наставлѣкѣмо 42, раздѣлѣкѣма, стрѣлѣаи, оумилѣжѣсѣа, хранѣащаго, онѣа 7б, 81, 93, обонѣнѣемъ, вънѣшнѣага, прѣкланѣаща 62 и т. д.; сътворѣкѣма 52, 58, 75, оукарѣаи 31, растворѣкѣть, пастырѣа 40;
*е — поушѣнѣа (вин. ед.) 249, землѣа (вин. ед.) 245, 320, от землѣа 321, просѣитѣ крѣмѣа 55, приклѣа; въста (им. мн. ж. р.), землѣа 51;
перед ѣ — иѣвѣ 245, о иѣвѣ 232, иѣ/воу иб.

Имеются случаи необозначения исконной мягкости согласных: *свѣз-коупленюу* 334, *остѣпление*, *огнемь* 63, *земли*, *срѣднлаго* 56, *гнѣвъ*, *растворенъ*, *оукорены*, *всего*, *кѣназемь* (ib.).

В Пандектах Антиоха (XI в.):

перед *к* — *оклѣвѣтаник* (им. ед.);
 перед *г* — **а* — *въслаплатеть*, *дигалд* *волд*, *растворѣхъ*, *въстакого*,
ѡвъстакою;
 **е* — *веселашите*, *творѣшита*;
 перед *ю* — *не л'юби*.

Имеются случаи необозначения исконной мягкости согласных: *оу нь*, *възлѣблении*, *оустрѣмленид*, *вола* (им. ед.), *искрѣнаго*, *гла*, *любы*, *волю* (вин. ед.).

В Мстиславовом евангелии (до 1117):

перед *и* — *бол'ии* 11, 23, *поустын'и* 2 об., *маршд магдалын'и* 9, *сѣ н'има* 3, *сѣ н'имь* 130, *мьн'итиса* 5;
 перед *ь* — *април'ь* 194, *сѣвѣдѣтел'ство* 2, 5, *иаковл'ь* 67, *земл'нагд* 133, *огн'ьнж* 28, *огн'ь* 24, *агн'ьць* 4, *гн'ь* 2, *въ н'ь* 188;
 перед *е*, *к* — *гавл'еник* 3, *прѣломл'ении* 3, *грабител'е* 109, *дал'е* 3, *тажате-тел'е*, *гл'ѣши* 152, *гн'етахоуть* и 61, *гн'етоушьса* 62, *отъ н'его* 38, *блгословл'ю* 113, *възлюбл'наго*, *глагол'ши* 2, *цѣл'нид* 78, *къ нѣ-моу* 157, *от нѣго* 776, *послѣд'ьнѣк* 47, *сна огн'ви* 1346; *вънѣшь-нѣк* 135 и т. д.;
 перед *а* — **а* — *дѣл'а* (= *ради*) 33;
 **е* — *недѣл'а* 2, 3, 4, *вол'а* 10, *клепл'а* 167, *тажатель'а*, *глагол'а*, *родител'а* 19, *жѣн'аи* 16, *пон'авоу* 122;
 перед *ю* — **и* — *оучител'ю* 4;
 **о* — *любл'ю* 256, *мол'ю* 149, *гл'юща* 36;
 перед *ѣ* — *гн'ѣвактеса* 13, *гн'ѣзда* 92.

Случаи необозначения мягкости согласных: *къ нимъ*, *ѣковль*, *тажате-тель*, *волею*, *отъ воналица*, *оставл'ати*, *оусрамл'ютса*, *въ любѣви*, *глю*.

В Галицком евангелии (1144):

перед *и* — *на земл'и* 12 об, *въ корабл'и* 70 об., *прѣдъ н'имь*, *с н'имь* (часто);
 перед *ь* — *огн'ьмь* 6, *на н'ь*, *оставл'ьша* 12;
 перед *к* — *ѡн'мактъ*, *ѡн'нго* 5 об., *о н'емь*, *къ н'ему* 11, *оклеветанъ* 11 об., *дѣлател'ем* 10, *възл'юбл'еныи* 13;
 перед *а* — *тыл'а* 12 об., *тл'а* (ib.), *възбран'аше* 13 об;
 перед *ю* — **о* — *земл'ю* 8, *жѣн'ють* 13, *кромѣшьн'юю* 8 об.;
 **и* — *любл'ю* 12 об., *възл'юбитъ* 13, *възл'юбленыи* (ib.), *оучител'ю* 12 об.; перед *ѣ* — *нын'ѣ* 17; и — *въ поустыни* 11, *хртль* (14, *на нь* (часто), *ѡставленъ* 12 об., *исколена* 13, *гнѣва* (часто), *хоулахоуть* 8.

В Христинопольском Апостоле (XII в.):

перед *и* — *закол'и* 5, *сѣвѣдѣтел'и* (им. мн.) 4, *въ земл'и* 4, *сѣ н'ими* 63, *въ простын'и* 164, *рабын'инѣ* 186, *въ н'ихъ* 200, *домашьн'иш* 136, *сѣ н'ими* 5 об., 3;
 перед *ь* — *оумо/л'ьше* (прич. прош.) 8, *вседержител'ь* 170, *мол'ьша* 34, *помышл'ь* 234, *бол'ьша* 130, *именьмь гн'ьмь* 69, *поклон'ь* (прич. прош.) 10 об., *на н'ь* 2, *поклон'ьше* 50, *мьн'ьшимь* 178, *западн'ь* 65;

перед *е*, *к* — *побѣлена* 55, *глетъ* 116, *блѣгословлени* 173, *къ нѣмоу* 2, *вънѣи* 5, *занѣже* 8, *конѣмъ* (дат. мн.) 76, *вышнѣмоу* 202, *испѣлнѣни* 129, *пожнѣеть* 173; *ослаблѣнъ* 1, *волѣю* 199, *стлѣви* 227, *поглѣтъ* 4, *сномъ излѣкомъ* 4, *свѣдѣтелѣмъ* 4, *на нѣже* 8 об., *вънѣи* 1 об., *к нѣмоу* 2 об. (bis), *плѣнѣни* 83, *окамѣнѣни* 129, *пожнѣмъ* 149; перед *а* — *славлѣ/хоу* 6, *волѣ* 47, 51, 84, 112..., *землѣ* 79, 91..., *коуплѣми* 89, *авраамлѣ* (род. м., ср. р.) 30, 128, 222, 226, *оудалѣми* 35, 36, *похвалѣю* 151, *раздѣлѣлѣ* 154, *свѣстлѣлѣтъ* 115, *мѣвлѣахоу* 40, *славлѣахоу* 31, *кораблѣ* 64, 65, *мучлѣлѣ* 45, *свѣдѣтелѣ* 54, 62, *стлѣ* 232, *освѣлѣюща* 229, *схрѣнлѣлѣ* 161, *испѣлнлѣлѣ* 156, *поклѣнлѣлѣ* 192, *сидонлѣнѣ* 207, *куринлѣнѣ* 259, *воулѣ* 165, 166, *гѣрдылѣ* 179, *въ поустынлѣхъ* 235, *испѣлнлѣахоу* 32, *въ нлѣ* 49, 62, 91..., *послѣднлѣлѣ* 94, *вышнлѣлѣ* 185;

**е* — *волѣ* 189, 204, *землѣ* 31, 42, 66, *неволѣ* 162, *сестры Павлѣ* (род. ед.) 56, *глѣ* 35, 37, 39, 40..., *приѣмлѣ* 61, *досадителѣ* 113 (вин. мн.), *обрѣтателѣ* 113, *любителѣ* 113, *на нлѣ* 8, *гнлѣ* 47, *стѣнлѣ* 111, *въ брѣнлѣ* 197, 214, *млѣстынлѣ* 59, 247, 253, *чаша гнлѣ* (род.) 155, *вышнлѣлѣ* (вин. ж. р.) 44, *въ послѣднлѣлѣ дни* 78, 91;

перед *ю* — **и* — *служителѣю* 134, *людѣ/мъ* 4 об., *людѣмъ* 2, 7, *любит* 195, *люблѣю* 198;

**о* — *на землѣю* 2, *люблѣю* 198, *воулѣю* 63, *стѣнлѣю* 173; перед *ѣ* — *нынѣ* 39, 59, 156, *гнѣвъ* 74, *възгнѣвшѣе* 67.

Случаи необозначения мягкости в Христинопольском Апостоле (Хр. Ап. XII в.) незначительны — *не* 210, 214, *оуне* 145, *землѣ* (им. ед.) 91, 92, *на нлѣ же* 81, *плѣнлѣюща* 122, *исключими* 115.

В памятниках, в которых для обозначения исконной мягкости наряду с крюками употреблялись йотированные буквы, написание этих последних после согласных, не имевших исконной мягкости, а также после немягких [р], [л], [н], [с], [з], встречается в единичных случаях. Исключение представляют Пандекты Антиоха XI в.

В Изборнике Святослава (1073):

например: *умножитѣ* 35 об., *глоумлѣштасл*; АЕ 1092 — *блоудлѣ* 17, *млѣ* 78 об., *врѣмлѣ* 99 об., *имлѣ* 100, 135, *берѣмлѣ* 139, *млѣккы* 157, *по плѣнлѣаю* 159; ГБ XI в. — *вѣлѣкыхъ* 204а; МЕ 1117 г. — *сждлѣше* 30, *кнѣжениѣ*; ГЕ 1144 г. — *чѣрвѣнѣмъ*; но в ПА XI в. — *рѣчѣ* 70б, 75; *на млѣ*, *сѣтлѣжитѣ*, *славлѣтъ*, *присвѣтлѣоухъ ако свѣно исьше*, *лѣстѣ пиѣтѣ* 70 об., *быстрѣ* 123, *одѣждѣж* 74, *дѣсница* (им. ед.) 70, *отѣпадѣмъ* 71, *млѣжду* 70 об., *бѣсовѣ* (им. мн.) 67 об., *въвѣди* 68 об., *словѣса* (вин. мн.) 76, *скѣбѣ* 67, *нѣчааниѣ* (вин.) 66 об., *въстанѣтъ* 77 об., *приѣсе* 67, *нѣ* 67, 70 об.

Обозначение мягкости с помощью только йотированных букв встречается в большем количестве памятников и носит менее последовательный характер. Последнее выражается не только в том, что отсутствие крюков делает невозможным передачу мягкости перед [и], [ь], [ѣ], но и в том, что наряду с обозначением мягкости в некоторых памятниках часты случаи ее необозначения.

В Остромировом евангелии (1056):

перед *к* — *цѣнѣнаго* (род. прич. страд. прош. м. р.) 185, 196 об., *обрѣменѣни* 244, *испѣлнѣно* 173, *вълѣнѣни* 245, *занѣже* 249 об., *из*

него 30 об., 89, 134... , *исплълнкннѣ* 3; *въспрѣмквѣ* (дв. наст. 1 л.), *жателѣмъ* (дат. мн.) 246, *избавлѣннѣ* 136, *помышлѣннѣ* 78, *дѣлателѣмъ/дано* 78 об., *сѣмѣ авраамкѣ* 29, *благоволѣннѣ* 105 232 об., 250 об., *възлюблѣнъ* 47, 166 об., 273, *моучитѣлѣмъ* (дат.) 76, *глѣши* 76 об.; перед *тд* — *хоулаах* 179 об., 199, *тъмѣ* 106, 124, *римлѣне* 41, *дѣлателѣ* (вин. мн.) 267, *землѣ* 83, 120, 146 об., 190 об., *отъ землѣ* 42 об., *ис кораблѣ* 71 об., *гмѣ* 72, 73, *давмѣаше* 75 об., *оусрамлѣасть* 79, *авраамлѣ сна* 246, *апримлѣ* 270 об., *гавлѣастьса* 145 об., 291 об., *воилѣ* (род. ед.) 20, 56, *хранѣаше* 287, *близъ поустынѣ* 41 об., *въ поустынѣахъ* 28 об. (и — *сквозѣ поустынѣ* 98 об.), *исплънлѣаса* 265 об., *из чрѣва мтрѣа* 74 об., *отъ вонѣ* (род.) 142, *нижнѣаго* 190 об., *въ нѣаже* (вм. *нѣаже*) 105 об.; *самарѣне* 32 об., *самарѣннѣ* 33, *сѣмирѣащеи* 219, *творѣаше* 16, *морѣ* (род.) 15 об., 16, 71 об., *варѣасть* 18, 203, *на вечерѣахъ* 57; *назарѣннѣ* 4 об.; *в'стакого* 2.

Имеются и случаи необозначения исконной мягкости согласных: *въ него же* 15 об., *на неи же* 277, *из неѣа же* 204 об., *без него* 1, *къ нему* 7, *обновлѣннѣ* 281, *в прѣломлѣннѣ* 6, *отъ самарѣннѣ* 30, *сѣмѣрамѣаса* 80 об., *морѣ* (род.) 17, *творѣашеа* 5 об.

В Минее (за октябрь 1096):

В этом памятнике обозначается главным образом мягкость согласного [л'] перед гласным [а] и то очень непоследовательно. Обозначение мягкости в других случаях единично. Например: перед *к* — *вседържителѣвоу* 90, *равночѣстнѣ* 84. Необозначение мягкости: *ослѣплѣна* 1, 2, *волею*, *блѣтелѣвѣмъ* 1, *древле* 2, *заколеннѣ* 4, *стрѣмлѣннѣ* 4, *исцѣленнѣ* 5, *ѡ него* 5, 132, *възлюблѣна* 7, *избавлѣннѣ* 8, *плѣнѣна* 10, *вълнѣннѣмъ* 118 и др.;

перед *тд* — **а* — *сѣтителѣ* 1, *зижителѣ* (род.) 4, *оучителѣ* 4, *гонителѣ* 5, *стѣлѣ* 6, *гавлѣашеа* 213, *погоублѣаеми* 215, *наставлѣа* 215, *накалѣающе* 223, *вседържителѣ* 217, *сѣвѣдѣтелѣ* 119;

**ѣ* — *ѡ землѣ* 218, *въ нѣа* 216, *ѡ гнѣа* 156, *вышнѣага* (род. ед. ж. р.) 217. Необозначение мягкости: *гонителѣ* (род.) 12, 6, *оукрѣплѣаши* 3, *избавителѣ* (род.) 4, *въстроублѣасть* 6, *въ послѣднѣага врѣмена* 8, *на горнѣага ликѣ* 10, *землѣ* (им. ед.) 187 и др. Один раз *тд* после *р* — *сѣтварѣающе* 7.

В Минее (за ноябрь 1097):

перед *к* — *прѣкѣлѣмъ* 274, *изволѣннѣ* 354, и — *спѣсителѣ* 282, *избавлѣннѣ* 283, *гавлѣннѣахъ* 355, *исправлѣннѣ* 356, *помышлѣннѣ* 359, *плѣнѣннѣ* 359;

перед *тд* — **а* — *зижителѣ* 355, *похвалѣающе* 275, *отъгонѣающе* 276, *каплѣами* 277, *застоупителѣ* 277, *гавлѣающе* 278, *оукрѣплѣаеми* 278, 280, *изганѣати* 260, *наводнѣающе* 271, *похвалѣаеми* 273, *сѣхранѣа* 282;

**ѣ* — *цѣлѣаща* 268, *вышнѣагаго* 268, 272, *сѣмыслѣаще* 280, *избавлѣаи* *ис тѣлѣ* 276 и — *сѣнодѣтелѣ* 355, *обнавлѣасть* 356, *исплънѣаеми* 355, *оудалѣааше* 355, *хранителѣ* 356, *блнжнѣага* (вин. мн. м. р.) 357 и т. д.; *сѣтварѣаеми* 275, *прогварѣа* 278, *оудварѣаеми* 277, *озарѣающе* 288, *творѣащага* 281, *озарѣага* 283, *животворѣающе* 281, *въдварѣага* 359 и — *пастырѣа* 258, *затварѣаеми* 347, *озарѣага* 321, *сѣмѣрѣннѣмъ* 357 и т. д.; *вста члѣвкѣ* (вин. мн.) 275, *встакоу* (вин. ж. р.) 275, *вста кога* 276, 281 и — *всѣа тварѣ* 355, *вса* 320 и т. д.

В Житии св. Кондрата (XI в.):

перед *га* — *волга* (им. ед.), *болгарь*, *славизаше ба* (3 л. ед.), *за нѣд*, *на нѣд*. Перед [е] мягкость в этом памятнике не обозначается, так как буква *к* здесь вообще не употребляется, даже и после гласных; ср. *моего*, *его*, *есть*.

В Евгениевской псалтыри (XI в.):

перед *к* — *гѣть* 11в, *волкѣж* 10г, *моленъѣ* (род.) 19а, *застѣлленъѣ*, *сподобленъ*, *понѣже*, *о нѣмь*, *въ авлѣнии*, *исправленъѣ*, *вышьнѣи* (зв.), *испълнѣнъѣ*;

перед *га* — **а* — *земла*, *владычнѣа*, *стынѣа его*, *трѣблѣахъ*, *помышлѣаше*;
е — *землѣ*;

и — *пола* (им. мн.), *кланѣжштѣисл*, *земла* (им.), *авлѣть*, *оукрѣ/пладеми*, *поле* 11б, *промыслѣнъѣ* 12в, *авленѣж* 13а, *гѣть* 14г, *оустрѣмлѣнъѣ* 16б, *на конѣ* 16б, *оукрѣплактѣса* 19в.

В Путятинской минее (XI в.):

перед *к* — *прѣвъзлюбленъѣ*, *вълѣбленъѣжмъ* *дрѣвѣк*, *оудаленъѣхъ*, *помышленѣнѣа*, *сѣнѣтенъ*, *в'сеслав'нѣ* (зв. ф.);

перед *га* — *блгодѣтелѣа*, *поставленъѣть*, *волга* (им.), *послѣднѣнѣа*, *огнѣа*, *вонѣа* (им.), *плѣнѣнъѣми*, *сѣла*, *въдварѣа са*; *и* — *помышленѣиѣ*, *гавлено*.

В Туровских евангельских листах (XI в.):

перед *к* — *покмѣть* 15, *осла/бленъѣ*, *ослабленъѣоумоу* 7; *излѣва*, *гѣть* 7, *законоучитѣлѣ* (им. мн.) 6, *по нѣмь* 11, *ѡ нѣго* 4, *от нѣго* 11, *къ нѣмоу* 12;

перед *га* — *помышлѣати* 7, *оставленъѣтьса* 15, *славѣахъ* 8, *ис кораблѣа* 4, *гѣща* 4; *мытарѣа* (вин. ед.) 9; мягкость не обозначена в случаях: *из него* 3, *ѡ землѣа* 4, 13, *оба кораблѣа* 5, *оставленъѣтьса* 15, *вышьнѣаго* 9, *сила гѣа*, *гѣа* 3, *молаахъ*, *ѡ въсакоѣа*.

В Добриловом евангелии (1164):

перед *к* — *по нѣмь*, *по въсѣи вселѣнѣи*, *гавленѣиѣ*, *ослабленъѣоумоу*, *ослабленъѣиѣ*;

перед *га* — *народа дѣлѣа*, *помышлѣахоу*, *помышлѣѣте*, *оставлѣати*, *помышлѣѣють*;

и — *къ нему*, *ослабленъѣ жилами*, *ослабленъѣоумоу*.

В Сборнике поучений (XII в.):

перед *к* — *възлюбленъѣоу*, *посрамленъѣ*, *благословленѣиѣ*, *прикмѣть*, *оумилѣнъѣ*, *гѣть*, *занѣ*, *оунѣ* (л. 53—56); *потребленъѣ*, *гѣиѣши*, *послѣть*, *оклѣветанъѣоу*, *к нѣмоу*, *искрѣнѣмоу*, *ѡ нѣго*, *нанѣмь*, *гонѣнѣиѣ*, *коньчѣнѣиѣ* (л. 189—193);

перед *га* — *дробитѣлѣа*, *каплѣами*, *покланѣнѣи*, *покланѣи*, *помышлѣѣюще*, *блгословлѣахоуѣ*, *помышлѣати*, *кланѣтисл*, *колѣноу кланѣнѣиѣ*, *възбранѣати*, *оукрѣплѣаше*; *оукарѣати* (л. 189—193); *и* — *възлюбленѣнѣа*, *на конечнѣнѣиѣ оувѣренѣиѣ*, *в поустынахъ*, *плѣнѣаютьса*, *помышлѣѣть*, *кланѣмса*, *оукарѣати* (лл. 53—56, 189—193).

В Монастырском уставе (XII в.):

перед *к* — *колебленъѣть*, *гавленѣнѣиѣшаѣа*, *гавленъѣо*, *сѣхранѣнѣиѣиѣ* (им. мн.), *оуставленъѣо*, *поставленъѣоу нанѣи гѣть* (4 р.), *дрѣманѣиѣмь дѣлѣа*

волкѣмъ, *раздѣлкѣмъ*; обозначение мягкости отсутствует в случаях *пвлѣно*, *на горнѣхъ*, *богвлѣни*.

Буква *ѣ* в этом памятнике не употребляется, после мягких согласных пишется *а*: *поставлѣють*, *оуставлѣють*, *да исполнѣтъся*.

В памятниках, обозначающих мягкость только с помощью йотированных букв, эти последние нередко пишутся после согласных, не имевших исконной мягкости. Приведем примеры.

ОЕ 1056 — *блѣахъ* 3 об., 11, *хотѣаше* 18, *идѣаше* 4 об., *въ нѣже идѣаша* 5 об., *видѣахоу* 16. М 96 — *богатѣ* 140, *будѣтъ*, *молимъ тѣ* 3. М 97 — *сѣтѣахомъ* 280, *на тѣ* 280, *памятъ* 281, *сподобѣа* 281 (bis), *сѣвѣааныа* 282, *мѣ* 282, *сѣвѣтѣаще* 283, *сѣвѣаеша* 275, *не оувѣдающи* 277, *веселѣтъ сѣ* 277, *пѣтъчисльнѣ* 276, *таviste сѣ* 279, *приходѣащимъ* 280, *оукротѣаще* 280, *сѣдѣааго* 280; *вѣщѣствѣнъ* 806, *непобѣдимѣ* 576, *сѣдържитѣа* 136а, *областѣа* 37а, *обрѣтѣ* 16а, *ведѣаемъ* 69. ЕПс XI в. — *правлѣтѣа сѣ*, *да исповѣдѣтъ сѣ*, *облѣчѣа*, *дадѣтъ*, *растѣдѣтъсѣ*. ПМ XI в. — *въ пѣлкѣнаахъ* 97, *въсплѣскаша* 12, *на колѣсе* 12 об., *плѣтоша* 23, *апостолѣ* 31, 35, *кѣлѣноу* (вин.) 87 об., *дѣлкѣсемъ* 37, *дѣлкѣсы* 37 об., *възлѣгъ* 37 об., *кѣлкѣнъ* 97, *посрѣдѣ* 81, *трѣлетомъ* 24 об. ДЕ 1164 — *будѣтъ*, *знамѣнѣхъ*, *облѣщѣ*, *станѣтъ*, *гонѣнѣю*, *потѣкнѣтъсѣ*, *погибнѣтъ*, *нѣвѣрующимъ*, *распѣнѣте* 9 об., *кѣквѣрѣта*, *възѣже*. ЕК XII в. — *константинъ* 125, *обратѣтъсѣ* 553, *абиходѣащю* 527, *ноудѣтъсѣ* 549, *исходѣащѣа* 549, *бѣдѣтъ* 578, *тѣрѣащю* 516, *въспомѣаоувѣше* 512, *мѣса* 524, *помѣаоу* 527, *врѣмѣ* 551, *мѣ* 552, *имѣахоу* 589, *имѣ* 591, *кѣнѣа* 778, *боудѣте* 81, *приставитѣ* 112, *чиститѣлкѣльскихъ* 193, *сѣмотритѣ сѣ* 498, *плѣтѣкнѣа* 624, *помѣнитѣ* 530, *кѣквѣтанѣа* 121, *црѣкѣ* 299, *црѣкѣвѣ* 638, *дѣстѣа* 3, *таviste* 483, *крѣтитѣльскихъ* 43, *радѣ* 758, *манастѣрѣа* 568, *мѣнѣандрѣанѣ* 652.

§ 5. Анализ правописания памятников XI—XII вв. приводит к следующим выводам. В XI—XII вв. в русских памятниках довольно последовательно обозначалась исконная мягкость согласных [л'], [н'] и в единичных случаях [р'], [с'], [з']. Обозначение мягкости проведено более последовательно в памятниках, употребляющих в качестве знака мягкости или исключительно крюк или крюк наряду с йотированными буквами. В этих памятниках случаи необозначения исконной мягкости в общем не превышают случаев обозначения. В памятниках с крюками редки случаи написания йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости. В памятниках, передающих мягкость с помощью йотированных букв, обозначение мягкости проведено менее последовательно, довольно многочисленны случаи необозначения исконной мягкости. Здесь шире, чем в памятниках первой группы, известно употребление йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости.

Среди памятников, датированных XI—XII вв., есть и такие, в которых исконная мягкость вообще не обозначается: после согласных в соответствии с **ja* и **je* пишется *а*, в соответствии с **je* — *ѣ*, а буквы *ѣ*, *к* употребляются лишь для обозначения соответствующих йотированных гласных. К таким памятникам относятся Изборник Святослава 1076 г., Постная триодь XI в., Юрьевское евангелие 1120 г., Стихирарь праздничный 1163 г.

В последнем памятнике *ѣ*, *к* после согласных встретились лишь в следующих случаях: *заколѣнъ бытъ* 179, *весѣло* 180, *радоуитѣа* 180 (bis), *за ны молѣаца* 180, *завѣдѣа* 180, *ѣходѣтъ* 180, *кѣнѣа* 180,

избави мѣ 181. В Златоустре XII в. мягкость обозначена только в случаях: *въстакому* 192, *мышлѣше* 193, *правителѣ* (вин.) 196.

Следует отметить, что в большей части памятников, где обозначение мягкости проводится более или менее последовательно, в навыках писцов обнаруживается сильное влияние церковнославянской орфографии. Так, в Чудовской псалтыри XI в. употребляются буквы ѣ, ѣ̣, хотя и не всегда этимологически правильно; есть случаи написания редуцированного после плавного в сочетании **tbrt*; на месте **tj* находим *шт*, на месте **dj* — *жд*; тв. ед. **o*-основ оканчивается на *-омь*; употребляются нестяженные формы прилагательных.

В Житии св. Кондрата (ЖК XI) употребляются буквы ѣ, ѣ̣; в сочетаниях, восходящих к **tbrt*, редуцированный пишется после плавного; тв. ед. **o*-основ оканчивается на *-омь*; южнославянское написание ѣ вм. ѣ. В Словах Григория Богослова XI в. находим буквы ѣ, ѣ̣, написание ѣ вм. ѣ и ѣ̣ вм. ѣ̣, а также смешение твердых и мягких слогов, особенно после плавных; в сочетаниях, восходящих к **tbrt*, редуцированный может писаться после плавных и даже вообще пропускаться; есть случаи отсутствия *l-epentheticum*; тв. ед. **o*-основ оканчивается на *-омь* и *-ѣмь*; употребляются нестяженные формы прилагательных. Теми же особенностями южнославянского правописания характеризуются и Пандекты Антиоха XI в. В Путятинской Минее XI в. находим буквы ѣ, ѣ̣; в сочетаниях, восходящих к **tbrt*, редуцированный пишется после плавных; написание *езеро*; нестяженные формы прилагательных. В Евгениевской псалтыри XI в. (ЕПс) употребляются буквы ѣ, ѣ̣; в сочетаниях, восходящих к **tbrt*, редуцированный может быть после плавного; характерна южнославянская мена твердых и мягких слогов и т. д.

Наряду с этими данными отметим, что церковнославянское влияние в правописании значительно ослаблено в Минеех 1096 и 1097 гг. (М 96, М 97), Архангельском евангелии (АЕ 1092), Мстиславовом евангелии (МЕ 1117), Галицком евангелии (ГЕ 1144), Добриловом евангелии (ДЕ 1164).

В этих памятниках почти не употребляются буквы ѣ, ѣ̣, в сочетаниях, восходящих к **tbrt*, преобладает написание плавного после редуцированного, тв. ед. **o*-основ оканчивается на *-ѣмь*.

В свете всех этих данных встает вопрос — отражает ли обозначение мягкости в памятниках XI—XII вв. явление живого языка этой эпохи или представляет собой также лишь графическую церковнославянскую традицию? Против того, что эта особенность древнерусских памятников только графическая традиция, говорит сама последовательность ее проведения. Как известно, графические традиции, связанные с фонетической системой, но неподдерживаемые явлениями живого языка быстро нарушаются (ср. отражение в русских памятниках утраты носовых, падения редуцированных, истории *ѣ*, *ѣ̣* канье и др.). Кроме того, рассматриваемая графическая традиция в разбираемых памятниках имеет специфически русскую интерпретацию: *л* обозначает гласный, восходящий к [e], после согласных полумягких и к **ja*, **je* — после [p], [c], [z]; после же исконно мягких [l], [n] в соответствии с **ja* и **je* пишется *л̣*; в тех же памятниках, где мягкость обозначается с помощью крюков, *л* пишется как в соответствии с [e], так и в соответствии с *ja*, *je* после согласных. По мнению Л. Л. Васильева, подобное распределение букв могло возникнуть лишь на русской почве, где носовые были утрачены¹. Л. Л. Ва-

¹ Л. Л. Васильев. Ук. соч., стр. 193.

сильев, исследовав орфографию Христинопольского апостола XII в., пришел к выводу, что в языке писца существовали полумягкие согласные, после которых писались буквы Ѧ, Ѣ, в то время, как после исконно мягких стояли Ѧ, Ѣ. При этом, по мнению Л. Л. Васильева, буквой Ѧ обозначался гласный [ä], не смягчавший предыдущий согласный. Гласный [ä] произносился: 1) в соответствии с [e̞]; 2) на месте общеславянского [ä] в ряде категорий слов; 3) а также на месте [a] после свистящих, vznikших в результате второго смягчения заднебных¹. Во всех этих случаях в Христинопольском апостоле пишется буква Ѧ.

Но если обозначение мягкости в древнерусских памятниках отражает черту живого языка, то почему оно не одинаково последовательно проведено во всех памятниках, а в некоторых даже совсем отсутствует? Видимо, здесь может быть дано следующее объяснение. В XI—XII вв. различие исконной мягкости и позиционной полумягкости согласных в значительной степени нарушилось, а в некоторых диалектных областях, может быть, исчезло и совсем. Однако в архаическом слое языка, каким несомненно был язык церковной письменности (ср. указание Н. Дурново на наличие у древнерусских писцов двух стилей произношения — живого русского и специально церковного²), противопоставление исконной мягкости и позиционной полумягкости сохранялось дольше и находило отражение в соответствующих памятниках. Доказательством того, что различие мягкости и полумягкости не представляло собою только графическую черту, но было известно в живом языке, является и то обстоятельство, что в ряде перечисленных выше памятников при общем ослаблении церковнославянского влияния в орфографии обозначение мягкости продолжает проводиться достаточно последовательно. Однако смягчение полумягких — явление, развивавшееся в живом языке, не могло не проникнуть в той или иной степени и в язык церковных памятников. Это и отразилось, с одной стороны, в случаях необозначения исконной мягкости, с другой — в написании йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости. В некоторых диалектных областях процесс смягчения полумягких зашел настолько далеко уже в XI—XII вв., что категория исконной мягкости оказалась графически никак не выделенной в правописании соответствующих памятников. На то, что различие исконной мягкости и позиционной полумягкости в какой-то степени было известно русскому языку в XI—XII вв., указывают и следующие написания из Мстиславовой грамоты (Мст. гр. 1130): *домъльже, осеньньск по/людиѣ, вънѣ, но — оу него*.

В других нецерковных памятниках XII в. указаний на различие исконной и вторичной мягкости нет. Ср. в Надписи на чаре Володимера 1151 г. — *из нее*; во Вкладной Варлаама (Вкл. Варл. 1192) — *в немь*.

Остаются неясными причины неразличения [r'] и [r'] в большей части древнерусских памятников при различении [n'] и [n'], [l'] и [l']. По мнению Н. Дурново, отсутствие графического выделения исконной мягкости согласного [r'] (а также [s']) в Архангельском евангелии 1092 г. связано с отвердением этого согласного в южнославянском протографе этого евангелия³. Подобное заключение находится в прямой связи с мнением Н. Дурново о том, что различие мягких и полумягких согласных

¹ Л. Л. Васильев. Ук. соч., стр. 193—195.

² Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, I, Brno, 1927, стр. 13.

³ См. Н. Н. Дурново. К истории звуков русского языка.— „Slavia“. R. II, S. 4, стр. 604.

в древнерусских памятниках, будучи не свойственно живому русскому языку той поры, целиком было обусловлено правилами церковнославянской орфографии. Мы же, принимая положение о том, что графическое различие мягкости и полумягкости в древнерусских памятниках отразило в какой-то степени явления живого языка, для того чтобы быть до конца последовательными, должны и в графическом неразличении [р'] и [р'] попытаться найти связь с явлениями живого языка.

О чем свидетельствует графическое неразличение [р'] и [р'] в древнерусских памятниках, об отвердении исконно мягкого или о смягчении полумягкого согласного? Полумягкие согласные подверглись смягчению не только в тех говорах, которые легли в основу русского языка, но и в тех, на основе которых развились украинский и белорусский языки. Представленное в этих последних отверждение [р'] (как исконно, так и из полумягких) возникло в эпоху после смягчения полумягких. Явление, отражающееся в графическом неразличении [р'] и [р'] в древнейших памятниках, не тождественно украинскому отвердению согласных. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что положение перед [а] по отношению к написанию звуков [р'], [р'] в памятниках XI—XII вв. не отличается по сравнению с положением перед [е], [и] (в украинском согласные, отвердев перед [е], [и], сохраняют мягкости перед [а]). Что касается белорусского отверждения [р'], то оно датируется XV в. и не может быть приравнено к явлению, отразившемуся в памятниках XI—XII вв.

Отвергая возможность отверждения [р'] в эпоху до смягчения полумягких, следует предположить, что неразличение [р']—[р'] в памятниках, различающих полумягкие и мягкие [н], [л], объясняется более ранним смягчением полумягкого [р'] сравнительно с полумягкими [н'], [л'], т. е. допустить период (может быть не во всех диалектах), когда различались [л']—[л'], [н']—[н'], но уже не различались [р']—[р'], так как вместо [р'] выступал согласный [р']. В этом случае в положении перед гласными согласный [р'] оказывается таким же, как [ч], [ш], [ж], т. е. согласным, не требующим специального обозначения мягкости.

Предположение о раннем смягчении [р'] находит поддержку в своеобразии судьбы согласного [р'], при смягчении полумягких обнаруживающего тенденцию к особенно сильному смягчению. Ср. развитие шипящего элемента при [р'] в польском и чешском языках.

В более поздних памятниках церковного характера продолжает встречаться употребление йотированных букв, но оно все чаще носит неэтимологический характер. Йотированные буквы теряют первоначальное значение показателя исконной мягкости и начинают употребляться после согласных, исконной мягкости не имевших, а получивших ее из полумягкости. Буквы *ѣ* и *ѣ*, *ѣ* и *ѣ* становятся графическими дублетами, отражая новую эпоху в развитии категории твердости-мягкости. Среди ранних памятников с неэтимологическим употреблением йотированных букв можно назвать следующие: ТЕ 7 XII в. — *ѣмлі* 9 об., *нѣ приѣмлетъ* 50 об., *дѣсѣтѣ* 230 об., *ѣщѣ* 154, *жѣ* 15 об., *сѣшьдѣшѣ* 66; Пред. ИБ XII в. — *хотѣше мѣ* (вин.), *имѣ*, *велѣ ми и молѣ*, *мыѣше* (мн. м. р.), *тождѣ*, *ноудѣ небо равнѣ/ста и понѣже*, *въ нѣго*, *встакомоу*; ВСб XII в. — *кѣлю* 165 об., *ижѣ* 2, *жѣжю* 2 об., *глющѣ*, *прилѣжитъ*, 157, *плѣнити* 93 об., *болѣзні* 165 об. и — *нынѣшнѣ*, *кѣвѣтно*; в этом памятнике по замечанию А. И. Соболевского "... встречаются *л'*, *н'*, даже *д'* — неподвижимостъ 93, *въждѣлахъ* 165 об."¹; Ев. апр. XIV в. — *молѣ*

¹ А. И. Соболевский. Два древних памятника галицко-волинского наречия. — РФВ, 1884, № 3, стр. 95.

шесть 131, *изгоня* (3 л. мн.) 37 об., *тысящынникомъ* 195., *земля* 178 об., *связанъ* 49, *гдѣхочу* 86, *прѣкратитъ* сѧ 144 об., *октябрь* 175 об., *тѣ* (вин.) 82, 86 об. и — *поставляеть* 176, *выстако* 78, *жатѣла* 178 об, *нѣсмь* 183 и др.

§ 6. В связи с тем, что в XI—XII вв. в русском языке осуществлялся процесс смягчения полумягких, на месте старых сочетаний твердых согласных с полумягкими (*sv'ětъ*, *sn'ěgъ*) появляются новые сочетания со вторым согласным мягким (*sv'ětъ*, *sn'ěgъ*). В некоторых из этих сочетаний происходило уподобление первого согласного второму по мягкости, т. е. первый согласный смягчался. Об этом свидетельствуют написания с буквой *ь*, этимологически неоправданной. Например: АЕ 1092 — *погыбънѣть* 127в, 132а, *прѣвълѣкоу* 12а, *развьѣрзисѧ* 81а; ДЕ 1164 — *погыбънѣть* 10в, 247а, *добърѣи* 70с, *позьдѣ* 85а, *късьмь* 177а, *двиденѣ* 17в; Зл. XII в. — *смотреть* 60в, *жизни* 121а, *казыни* 53а; и в более поздних памятниках: Почч. ЕС XIII в. — *листьяемь*; ГЕ 1266 — *пързвавъ*, *върѣма*, *първдѣ*, *дѣверь*, *дѣвиноути*, *медьлитъ*, *съ/вершенѣ*, *нѣсьмь*; Пар. 1271 — *въсьплещете* 26с, *звьѣри* 37с; Пол. Е. 1307 — *съвѣтъ* 1 об., *листьяи* 78 об.; РЛА (XLIX) 1300 г. — *безь вины*.

Однако смягчение это было в известной степени необязательным. Ср. в МЕ 1117 — *съмѣташе* 108 об., *съмѣтахоу* 97б. В современном русском языке также произносят *с'н'ек*, и *сн'ек*, *д'в'ѣнут'* и *дв'ѣнут'*, *с'м'ѣх* и *см'ѣх*.

В этот ранний период в русском произношении некоторых иностранных слов, содержащих сочетания согласных, неизвестные русскому языку, видимо, могли появляться неэтимологические редуцированные гласные, которые возникали как результат стремления избежать непривычных сочетаний согласных. При этом, если за сочетанием согласных следовал гласный переднего ряда, то вновь возникший редуцированный обозначался через *ь* и соответственно через *ѣ*, если за сочетанием согласных следовал непредний гласный. Подобная дифференциация могла явиться в результате смягчения первого согласного сочетания перед вторым мягким согласным. Ср. АЕ 1092 — *леньтион* 93 в; ЕПС XI в. — *дѣгъматѣхъ* 11а, *догъматъ* 72, *въиерьданъ* 7в; ЮЕ 1120 — *равви* 134с, *навѣина* 202с, *кванъгели* 133в, *архистратига* там же; ГЕ 1144 — *в иорѣ/даньсѣви* 5об., *лвоньтыя* 109в; ДЕ 1164 — *параскевьгю* 236с, *лввьгитъ* 137с; ЕК XII в. — *валеньтинъ* 438, *Тереньти* 443, *аньдрианоу* 60, *монѣтанъ* 463, *анѣтони* 443, *понѣта* 495.

Смягчение согласных перед согласными, получившими мягкость из полумягкости, по своему характеру было близко к широко известному после падения редуцированных в русском языке ассимилятивному смягчению, и отличается от смягчения, которое проходило в группах согласных до смягчения полумягких и вело за собой коренное изменение первого согласного сочетания. После смягчения согласных перед согласными, развившими мягкость из полумягкости, в русском языке начинают утрачиваться результаты старого смягчения, по крайней мере на стыке многих ясно различных морфем. Например, на месте сочетаний, восходящих к общеславянским [zl'], [zn'] и др., появляются по новой общей закономерности [z'l'], [s'l'] и др. (см. *žl'*, *žn'*). Ср. в АЕ 1092 — *изьнѣго* 82, при *иж нѣго* 1 об., 56 об., 57, 142; в ДЕ 1164 — *възълѣуби* 10; в Пар. 1271 — *възълѣубленому* 49 об.

Ассимилятивное смягчение согласного перед мягкими согласными происходило не во всех сочетаниях. Так, вне смягчения оставались заднебные согласные. Ср. ЕК XII — *кълинѣ* 651, *бѣгърлицѧ* 651, *гоуѣниваго* 731.

В какой-то степени мягкими искони (со времени изменения сочетаний губных с [j]) были губные перед *l-epentheticum*. После смягчения полумягких губные перед *l-epentheticum*, видимо, также смягчались, войдя в категорию мягких, а не твердых согласных. Об этом свидетельствует тот факт, что, уже начиная с XII в., здесь часто пишется *ь*.

Ср. *земьля* 91об., 151об., *коупльлю* 95, *приемьлють* 77, *събьлюдѣть* 25 (ДЕ 1164); *оуподобьлю* 57 (Пут. Е. XIII в.); *исправьляи* 56а, *земьля* 46с. (Пар. 1271); *куплю* 620, *къмь/леть* 625 об. (Р. Пр. 1282); *бьлюдѣте* (ГЕ 1266); *приемьлеть* (Пол. Е. 1307); *силоуамь/лю* 21об., *любь/лю* 27 (Пер. Е. 1354); *земь/ля* 53г, *приемь/лете* 86в, *оустрамь/лаються* 125в (Г.Код. 1357); *перетаславьля* 109, *по земьли* 145 об., (Лавр. XIV в.); *земь/лю* 148, 155, *дивь/лахоуся* 44, *любь/лю* 200 об., *славь/лаще* 181, *въ корабь/ль* 51об., *аврамь/ль* 53, *приемь/лють* 53 об., 89, *оставь/леше* (им. мн.) 145об. (Ев. апр. XIV в.); *оуподобь/лю*, *приступь/ль* 52 (Луц. Е. XIV в.); *оставь/леникъ* 5, *искупь/ляюще* 43, *приемь/ли* 143 об., (Пог. Ап. 1391); *земь/ли* 176а, *земь/лю* 176а, *любь/лю* 136а, *щемь/ля* 82а, 82 об., *прославь/ляю* 165а (Синод. XIII); *земь/ли* 47а, *капь/лами* 69б, *адамь/ль* 75а, *томьлениа* 78а, *в дупь/лину* 94а (Кол. П. 1406); *земь/лю* 25а (Ипат. 1425); *цевь/ля* № 87, *земьлю* № 107, *земьлю* № 3 (Дв. гр.); *земь/ль* 5 (П. 1477); *блвь/лю* 126, *земь/лю* 297об., *земь/ли* 57, *любь/лаще* 58 (П. 1494); *кормьлю червьленъ* 158, но и *накормьленъ* 96об., *накормьляюще* 97 (Паис. сб. XIV в.).

ЭПОХА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 1. Падение редуцированных сыграло решающую роль в развитии твердости-мягкости, как категории, имеющей самостоятельное фонематическое значение. Именно падение редуцированных привело к тому, что твердость-мягкость согласных перестала быть неразрывно связанной с качеством последующего гласного, изолировалась от него. Последнее проявилось в том, что твердые и мягкие согласные стали употребляться на конце слова и перед согласными.

После падения редуцированных развитие категории твердости-мягкости шло не по линии принципиальной перестройки фонетической системы (как это было в результате смягчения полумягких, падения редуцированных), а по линии расширения или сужения противопоставления твердых-мягких согласных в том или ином положении. При этом положения различения твердых-мягких согласных в древнерусском языке указанной эпохи были в принципе те же, что и в современном языке (конец слова, перед некоторыми гласными и согласными). По этим позициям мы и рассмотрим развитие противопоставления твердых и мягких согласных в эпоху после падения редуцированных.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ НА КОНЦЕ СЛОВА

§ 2. После утраты конечного гласного [ь] на конце слова соответственно оставался мягкий согласный, после утраты [ъ] — твердый. В отличие от положения в середине слова, где функции букв ъ и ь не сразу определились, на конце слова буквы ъ и ь после падения редуцированных приобрели безусловное значение знаков твердости и мягкости. Это объясняется тем, что мягкость и твердость согласных, „определявшаяся в середине слова в значительной степени соседними

звуками и не требовавшая нарочитого для себя обозначения, должна была быть неизбежно обозначена на конце слова¹. К тому же написание букв *ѣ* или *ь* после конечных согласных соответствовало традиции, поэтому пропуск *ѣ* и *ь* на конце слова в памятниках встречается редко. Традиция заканчивать письмо после согласных буквой *ѣ* или *ь* была так сильна, что эти буквы, как известно, в древнерусских памятниках долго и упорно писались на конце строки после согласных, не кончавших собою слова.

В результате падения редуцированных на конце слова стали различаться твердые и мягкие зубные согласные [т], [д], [с], [з], [л], [н], [р] (о губных см. ниже). При этом, в связи с вскоре осуществившимся процессом оглушения звонких согласных на конце слова, практически из зубных шумных согласных оказались противопоставлены по твердости и мягкости лишь две пары согласных: [т]—[т'] (в соответствии с *т*, *д*—*т'*, *д'*) и [с]—[с'] (в соответствии с *с*, *з*—*с'*, *з'*).

Различение твердых и мягких зубных на конце слова, возникнув после падения редуцированных, сохранилось в общем в том же виде в современном русском языке, включая говоры.

Лишь в некоторых вологодских говорах отмечено отверждение конечных зубных согласных: *кон*, *огоун*, *ден*, *опёт*, *дэвет*, *пет*, *мит* (= *медь*) — Тот. (Мат. в-р, X, 62); *опят*, *дэвят*, *пят*, *ден*, *огон*, *на повит-ту*, *ідт-ту*, *лѡшат-ту*, *мат* — Гряз. (МДК, III, с. 73; Мат. в-р, X, 40). Наличие гласного [ѣ] в случае *опёт* и [й] в *мит* указывает на то, что отверждение конечного [т'] произошло после осуществления перехода между мягкими согласными [а] в [е] и [ѣ] в [и]. С твердым [н] на конце по говорам широко известно наречие *очень*. Произношение *очен* отмечено в средневеликорусских говорах (Моск., Клин., Вер.), южновеликорусских (Одоев., МДК, I, с. 98; Зарайск., Петр., с. 32), северновеликорусских (Котел., Мат. в-р, VIII, 46; Костр., Виногр., с. 45; Бабаев., ИЯз, Б. сев. 344).

Эти случаи с твердыми зубными вместо мягких на конце слова имеют, видимо, неодинаковое объяснение. В одних случаях эта твердость связана со слабой ударяемостью слова или его особыми синтаксическими функциями (*очень*, *опять*, *пять*, *девять*). В других случаях, разнообразных в грамматическом отношении, твердость конечного согласного объясняется, видимо, тенденцией к ослаблению артикуляции конца слова, а затем и к утрате палатализации, а также, возможно, ассимиляцией конечного согласного слова следующему согласному частиц *то*, *ту* и т. д. Можно думать, что так объясняются приведенные выше случаи с твердыми зубными согласными на конце слова в вологодских говорах.

В некоторых русских говорах возможность противопоставления [с]—[с'] значительно расширена в связи с утратой конечных [т], [т'] в группах согласных [ст], [с'т'] из [ст], [зд], [с'т'], [з'д'] — *мос*, *хвос*, *гос'*, *гвос'*. При этом следует заметить, что в северновеликорусском наречии, особенно в восточной его части, конечный согласный утрачивается как в мягком сочетании [с'т'], так и в твердом сочетании [ст], в то время как в средневеликорусских и южновеликорусских говорах эта особенность вообще проведена непоследовательно и распространяется исключительно на мягкое сочетание [с'т'].

§ 3. В соответствии с конечным сочетанием „губной согласный + *ь*“ в одних современных говорах представлены мягкие губные, в других — твердые.

¹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 67.

Повсеместно в русском языке твердый конечный согласный [м] (из *-мь*) представлен в формах 1 л. ед. нетематических глаголов и в тв.-местн. ед. м. и ср. р. существительных и местоимений. Существует мнение, согласно которому отвердению [м] в этих случаях способствовало то обстоятельство, что в данном положении мягкость конечного согласного не поддерживалась аналогией в других формах¹. Однако во многих русских говорах губные отвердели вообще на конце слова, несмотря на наличие аналогии со стороны других форм, как условия сохранения мягкости.

Эта особенность зафиксирована, например, в ряде псковских памятников XV в.: *кровь* 181, *доловь* 372, *любовь* 227, *семь* 200, (Ипат. 1425); *кровь* 34, *любовь* 102, *цквь* 232, *любовь* 133, *скорбь* 56, *кровь* (часто), *голубь* 61 об., *Роуфь* 311, *свекровь* 309 об., *червь* 154 об.. (П 1477); в *црковь* (11 раз), *скорбь* 68, *кровь* (28 раз), *голубь* (4 раза), *за любовь* 330 об., *домовь* 328 (П 1494); *любовь* 183 об., *скорбь* 82 об., *голубь*, *кровь* 58 об. (Сб. син. 154, 1486).

Произношение твердых губных на конце слова вместо ожидаемых мягких (т. е. на месте конечного сочетания „губной согласный+ь“) широко представлено в современных говорах как северновеликорусских и южновеликорусских, так и переходных.

Возникает вопрос о хронологии явления. Принято мнение, что какое-то время губные после падения последующего, в частности конечного гласного [ь], были мягкими и лишь позже отвердели². Так ли это? Следует заметить, что губные, видимо, вообще были несклонны удерживать палатальную артикуляцию в тех положениях, где она не поддерживалась следующим гласным переднего ряда. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что губные совершенно не сохранили мягкости в положении перед согласными, с которыми столкнулись в результате утраты гласного [ь]. Сохранение мягкости губных на конце слова может быть правильно объясняется некоторыми учеными действием аналогии со стороны других форм (например, отвердению конечного согласного в *голубь* препятствовало наличие формы *голуби*).

Губные согласные значительно меньше, чем зубные, подвержены ассимилятивному смягчению — они могут смягчаться лишь перед мягкими губными [j] и [к']. Однако в говорах с отвердевшими губными на конце слова отсутствует и ассимилятивное смягчение перед [j] и [к']. Это дает основание предположить, что в части русских говоров по мере ослабления [ь] ослаблялась и палатализация конечного губного, а вместе с утратой [ь] предшествующий губной отвердевал, в результате чего губные согласные сохранили мягкость лишь перед гласными, а на конце слова и перед согласными стали твердыми. В этих говорах губные не подверглись и ассимилятивному смягчению, исключая положения перед согласными тождественной артикуляции — мягкими губными, где они могли смягчиться (об этом см. ниже). Тенденция к отверждению обусловлена спецификой артикуляции палатальных губных. В отличие от прочих согласных палатализация у губных представляет собою отдельную самостоятельную артикуляцию. Эта артикуляция как дополнительный, особый элемент ослабляется при ослаблении и постепенной утрате последующего [ь].

¹ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 166.

² По мнению А. А. Шахматова, отверждение конечного согласного [м'] произошло после XIV в. (А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода. . . , стр. 283).

Кроме того существует мнение, высказанное Б. М. Ляпуновым¹, о том, что губные перед слабым [ь] отвердели еще до падения редуцированных. Процесс проходил следующим образом: губной элемент согласного действовал ассимилирующим образом на следующий гласный, особенно сильным это воздействие было на гласный [ѣ], в результате чего [ь > ѣ], а после утраты [ѣ] предшествующий губной оставался твердым. Особенно сильное воздействие на последующий [ѣ] оказывал согласный [м], в результате чего в русском языке почти нет слов, кончающихся на [м']. Исключение представляют слова *бзим'*, *тем'*, *сем'*, *вбсем'*, сохранившие мягкость конечного согласного под влиянием косвенных падежей тех же слов, а также по аналогии с существительными ж. р. на [ь]. На это можно возразить следующее. Процесс, о котором говорит Б. М. Ляпунов, мог проходить до смягчения полумягких, в противном случае согласный остался бы мягким перед [ѣ] из [ь]. А если это было до смягчения полумягких, то тем более до падения редуцированных. В последнем же случае изменение [ь] в [ѣ] после губных должно было бы найти графическое отражение в древнерусских памятниках до падения редуцированных, чего мы не имеем: имеющие фонетическое значение написания ѣ вместо ь после губных, в том числе и после конечного [м] в перечисленных формах относится к эпохе после падения редуцированных.

Таким образом в говорах, знающих на конце слова только твердые губные, фонологическая противопоставленность твердых и мягких губных оказывается весьма ослабленной: в решающей из сильных позиций представлены только твердые губные согласные. Однако твердые-мягкие губные согласные продолжают различаться перед гласными (*голуб'а — дуба*, *голуб'у — дубу*, *п'атка — патока*). В отдельных говорах появляется тенденция устранить противопоставленность твердых-мягких губных и в положении перед гласными. Это достигается за счет того, что существительные с основой на отвердевший губной в результате морфологической аналогии приравниваются в своем склонении к основам на исконно твердый губной. Ср. *у голуба*, *два голуба* — Цигр. (Хал., РФВ, 1879, № 3, с. 79, № 4, с. 255); *брав'и* — Ворон. губ. (Филат., с. 286); *два голуба* — Брян. (Тихан., с. 25). Подобная тенденция к устранению противопоставленности твердых-мягких губных на стыке основы и флексии создает некоторую брешь вообще в системе противопоставления этих согласных, так как известно, что случаи различения твердых и мягких губных перед гласным [у] в подавляющем своем большинстве падают на стык основ и флексий. Однако и в этих говорах твердые-мягкие губные продолжают различаться перед гласными [и (ы)] [о], [а]: *вить — выть*, *вёл — вол*, *мясо — ма́ло*. Следовательно, отверждение губных на конце слова в данных говорах не устраняет полностью противопоставления твердых и мягких губных, а лишь делает его менее широким.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ

§ 5. К эпохе после падения редуцированных относится ряд существенных изменений в системе русского вокализма. Некоторые из этих изменений были непосредственно вызваны падением редуцированных

¹ См. Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — «Исследования по русскому языку». II, вып. 2. СПб., 1900, стр. 224.

(ср. функциональное объединение гласных [и] и [ы]), другие лишь косвенно связаны с ним (ср. изменение [е] в [о]), третьи находились вне связи с падением редуцированных (ср. утрату [ѣ], как самостоятельной фонемы). Одни из перечисленных изменений касались лишь фонологических взаимоотношений гласных, не касаясь их физиолого-акустической стороны (таково функциональное объединение [и] и [ы]), другие же проявлялись так же и в изменении физиолого-акустических свойств гласных ([e>o], утрата [ѣ], аканье). Подобные изменения в системе вокализма существеннейшим образом отражались на развитии твердости-мягкости согласных как категории фонематически самостоятельной.

Важное значение для развития твердости и мягкости согласных как фонемообразующей категории именно в положении перед гласными имеет морфологическая аналогия. Известно, что некоторые из процессов взаимодействия между различными типами склонения относятся еще к дописьменному периоду. Результатом такого раннего влияния **ц*-основ на **о*-основы явился в древнерусском языке тв. ед. на -омъ от **о*-основ. К более позднему времени относится взаимодействие между твердой и мягкой разновидностью одного и того же склонения. Однако подобное взаимодействие уже имело место до образования аканья. Так, предупредительный вокализм некоторых южновеликорусских говоров с диссимилятивным яканьем свидетельствует о том, что [о] на месте [е] в этих говорах появился первоначально лишь в некоторых грамматических элементах в результате морфологической аналогии — влияния твердой разновидности на мягкую¹. Таким образом, морфологическая аналогия включала в себя:

1) взаимодействие разных типов склонения, в частности интересующее нас здесь влияние **а*-основ на **о*-основы и **i*-основы и влияние **о*-основ на **i*-основы;

2) влияние твердой разновидности склонения на мягкую.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу развития противопоставления твердых и мягких согласных, следует заметить, что одинаковая противопоставленность твердых и мягких согласных как перед ударными, так и перед безударными гласными возможна в том случае, если в безударных слогах представлен тот же состав гласных, что и под ударением. Для русского языка подобное состояние вокализма относится ко времени до перехода [e>o], утраты [ѣ], развития аканья.

Учитывая это обстоятельство, мы в своей работе будем отдельно рассматривать твердые и мягкие согласные перед ударными и перед безударными гласными.

А. ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД УДАРНЫМИ ГЛАСНЫМИ

§ 6. Перед [á]. Падение редуцированных не внесло существенных изменений в ту систему противопоставления твердых и мягких согласных перед [á], которая сложилась после смягчения полумягких до падения редуцированных. Как уже говорилось, в эту эпоху перед [á] по твердости-мягкости различались не только согласные, имевшие исконную мягкость, но и согласные, получившие мягкость из полумягкости, причем различие этих последних стало возможно лишь за счет изменения [ɛ>a].

Возможности противопоставления твердых и мягких согласных перед гласным [a], были расширены вследствие влияния склонения **а*- и **о*-

¹ См. Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. — „Вопросы языкознания“, 1952, № 6, стр. 33.

основ на **jo*- и **i*-основы. Как известно, после смягчения полумягких, в положении перед гласным [а] морфологические корреспонденции образовывали только те согласные, которые могли иметь исконную мягкость (*жена* — *вонѣ*, *женамъ* — *вонѣмъ*, *женами* — *вонѣми*, *женахъ* — *вонѣхъ*; *кона* — *конѣ*), в то время как слова с основой на согласные, получившие мягкость из полумягкости, подобных пар образовывать не могли. После того, как окончания **a*-основ распространились на парадигмы **o*-, **jo*-, **i*-основ, морфологические корреспонденции перед гласным [а] стали образовывать и те согласные, которые получили мягкость из полумягкости. Процесс этот достаточно ярко уже отражен в памятниках в XV—XVII вв.

В современном русском языке система противопоставления твердых и мягких согласных перед [á] имеет в общем такой же вид, какой она приобрела к XV—XVII вв.

В современном языке в положении перед гласным [á] различаются согласные: [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [м — м'], [р — р'].

Зубные согласные противопоставлены перед [á] как внутри основ, так и на стыке с флексиями. Перед флексиями именными (род. ед. м. р., дат., мест., тв. мн.) твердые и мягкие согласные образуют морфологические корреспонденции, перед флексиями глагольными (3 л. мн. II спр.) подобных корреспонденций не образуется. Ср. *тѣпка*, *костѣм*, *гостѣми*, *хотѣт* — *тѣпка*, *хвостѣм*, *хвостѣми*; *дѣдя*, *гвоздѣм*, *гвоздѣми*, *гвоздѣ* — *дам*, *годѣм*, *годѣми*, *плодѣ*; *сѣду*, *гусѣм*, *гусѣми*, *гусѣ*, *висѣт* — *сѣду*, *носѣм*, *носѣми*; *зѣть*, *грозѣт* — *назад*, *возѣм*, *глазѣми*; *нѣня*, *конѣм*, *днѣми*, *дня*, *хранѣт* — *надо*, *снѣм*, *снѣми*, *дна*; *лѣгу*, *полѣм*, *полѣми*, *палѣт* — *лавка*, *полѣм*, *полѣми*; *ряд*, *царѣм*, *зарѣми*, *царѣ*, *говорѣт* — *рад*, *дарѣм*, *дарѣми*, *ворѣ*.

В говорах перечисленные твердые и мягкие согласные образуют несколько более широкие морфологические корреспонденции, чем в литературном языке. Это достигается за счет того, что в некоторых говорах возможны формы им. мн. на -á от существительных м. и ж. р. с основой на мягкий согласный. В результате имеем соотношения: *лошадѣ*, *площадѣ* — *городѣ*; *податѣ*, *волостѣ* — *воротѣ*; *грязѣ* — *возѣ*; *ячменѣ*, *гребенѣ*, *бондарѣ*, *грабарѣ*.

Губные согласные различаются перед [á] менее широко, чем зубные. Ср. *запѣстьѣ*, *хрлпѣт* — *упѣстьѣ*, *попѣми*; *голубѣми*, *голубѣм*, *грубѣт* — *баба*, *гробѣм*, *гробѣми*; *мѣсо*, *срамѣт* — *мѣсло*, *домѣми*, *домѣм*; *вѣлый*, *кровѣм*, *кровѣми*, *кривѣт* — *свѣлка*, *головѣми*, *головѣм*. По диалектам: *озимѣ* — *домѣ*; *церквѣ* — *словѣ*; *стипѣ*, *топѣ*.

§ 7. Перед [ó]. Различение твердых и мягких согласных перед [о] стало возможным в русском языке в результате изменения [e > o].

О хронологии изменения [e] в [о] можно сказать следующее. Изменение [e] в [о] осуществлялось только после мягких согласных и, следовательно, могло произойти только после смягчения полумягких. Переход [e] в [о] имел место, вместе с тем, после падения редуцированных, так как распространился он не только на исконное [e], но и на то, которое появилось в результате прояснения сильного редуцированного переднего ряда. Кроме того, известно, что в основе изменения [e] в [о] лежит приспособление артикуляции гласного [e] к веллярной, или, по Шахматову, в ряде случаев лабиовеллярной артикуляции последующего твердого согласного¹. Подобное приспособление могло проходить особенно интен-

¹ См. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода. . . , стр. 134.

сивно после падения редуцированных, так как именно после падения редуцированных гласный [е] во многих случаях оказывается в пределах одного слога с последующим твердым согласным, который раньше находился в следующем слоге (ср. *сѣл*; до падения редуцированных — *се-лѣ*, после падения — *сел*). Поэтому, если до падения редуцированных гласный [е], находясь в разных слогах с последующим твердым согласным, вполне мог на него и не реагировать, то после падения редуцированных, оказавшись с этим согласным в одном слоге, гласный [е] мог легко подвергнуться ассимиляции.

Изменение [е] в [о] в разных говорах осуществлялось в разное время и проходило не с одинаковой последовательностью: в северовеликорусских говорах — раньше и как в ударенных, так и в безударных слогах, в южновеликорусских — позже и только под ударением. При этом имеются южновеликорусские говоры, совсем не пережившие изменения [е] в [о]. В памятниках изменение [е] в [о] находит отражение уже с конца XII в., но лишь в положении после шипящих. Последнее обстоятельство может объясняться тем, что для передачи гласного [о] после мягких согласных не было графических средств (употребление для этой цели буквы *о* оставляло бы необозначенной мягкость предшествующего согласного и в связи с этим нередко могло исказить смысл; ср. написание *носѣ* в соответствии с *н'ос*). Написания с [о] после мягкой парной согласной появляются лишь с XIV в. Ср. *возмоть* 94 (может быть, описка), *померкоть* 80 об. (Пер. Е. 1354); *на сомѣ*, *посому до коньцанию* (Нов. гр. № 20, 1392); *въ Кановѣ* 268 (Ипат. 1425); *землю* (Дв. гр.); *рублов* 189, *рублова* 216 об. (Сб. син. 154, 1486); *Шаторь* 206 (Ск. БГ XIV в.) и др.

Ряд исследователей русского языка придерживается того мнения, что изменение [е] в [о] имело две стадии:

1) более ранняя — переход [е > о] после шипящих согласных и [j], имевший место во всех восточнославянских языках;

2) более поздняя — переход [е > о] после остальных мягких согласных, оставленный в русском и белорусском языках.

Основанием для подобного разделения процесса [е > о] послужило, видимо, то обстоятельство, что в украинском языке [о] на месте [е] находим только после шипящих и [j], например: *жона*, *чоловік*, *чобіт*, *шостый*, *јого*, *село*, *орел*, *сестра* и т. д. Однако подобное обоснование сомнительно. Вполне возможно, что переход [е > о] после нешипящих согласных в украинском языке не осуществился не из-за того, что это был какой-то более поздний этап процесса, для украинского языка неактуальный, а просто потому, что, когда начался переход [е > о] после мягких согласных, в украинском языке этими мягкими были только шипящие и [j]. Остальные мягкие согласные (как исконные, так и развившие мягкость из полумягкости) перед гласными [е] и [и] отвердели, а после твердых согласных переход [е > о], естественно, осуществиться не мог.

Представляется более вероятным, что изменение [е] в [о] началось одновременно после всех мягких согласных, но на письме в силу графических возможностей отразилось только по преимуществу после шипящих.

Изменение [е > о] явилось одной из причин неодинаковой противопоставленности твердых и мягких согласных перед ударенными и безударными гласными. До изменения [е] в [о] перед [е] как ударенным, так и безударным, употреблялись только мягкие парные согласные. Из-

менение [e > o] привело к тому, что твердые и мягкие согласные стали различаться перед ударенным [o]: *нос — н'ос*. Перед безударными гласными это противопоставление отсутствовало, так как в безударных слогах после мягких согласных в соответствии с ударенным [o] произносится гласный [e]: *н'есу́*. В северновеликорусских говорах переход [e > o] мог захватить и безударные слоги. В этом случае противопоставленность твердых и мягких согласных перед [o] распространяется и на безударные слоги: *в носj — н'осу́, на возу́ — в'озу́, на поводу́ — в'оду́*.

В современном русском языке в положении перед ударенным [o] различаются согласные [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], [п — п'], [б — б'], [м — м'], [в — в'].

Мягкие зубные и губные перед [ó] могут быть представлены не только в корнях, но и в основах перед тематическим гласным глаголов. Мягкие зубные, кроме того, выступают перед флексией тв. ед. сущ. м. р. Ср. *тётя, плетёт — тот; дёма, гвоздём, ведёт — дома, плодом; сёла, карасём, несёт — совы, колесом; чернозём, везёт — зов; нёс, днём, гнёт — нос, дном; лёд, королём, шлёт — плод, волóm; рёв, косарём, дерёт — ров, парóm, ворóm; пётр, опёнок, пёс — пот; гребёнка, гребёт — бог; мётлы, живёт — мокрый; вёл, вёдра, рвёт — вол*.

В говорах ударенный гласный [o] после мягких парных согласных может быть представлен значительно шире, чем в литературном языке. В основе этого могут находиться причины разного характера. Так, по говорам слово может нести ударение на ином, чем в литературном языке, слоге, в результате чего гласный [e], оказавшись под ударением, изменяется в [ó]. Например: *Мещ. — свадёбнѳи песьни, атьпёрли, запёрли, умёр* (Черныш. 70, с. 17); *Котел. — спитё, едитё, хотитё* (Мат. в-р., VIII, 46). От аналогичных форм литературного языка нередко по говорам отличаются местом ударения причастия с суффиксом *-ен*, в которых ударение падает на суффикс. Например: *Малин. — зёмар'оны, нёт'ил'оны, с'ёна нёвал'она, рёт'рис'она*; *Егор. — ана рёт'ил'она; изба абвал'она, ана пр'ив'ид'она, найд'она, кос'т' рёт'драбл'она, кашу свар'ону, с'ёна зёпас'она*.

В говорах, особенно северновеликорусских, может быть более широко, чем в литературном языке, проведен переход [e] в [o] под ударением; имеются случаи [o] на месте [ё]. Последнее особенно широко представлено в говорах Восточной и Владимирско-Поволжской групп северновеликорусского наречия¹. Ср. случаи произношения [o] из [e], [ё], неизвестные в литературном языке: *нёбо, крёст* — повсеместно по русским говорам (Обнорск., стр. 301); *лёв* — повсеместно по северновеликорусским говорам (там же); *см'ур'оннайа* (Мякс., ИЯз, III, 611); *дёрзкий* — Кадник. (Мат. в-р., III, 25); *учёбник, учёбный* — Гряз. (там же, 36); *пом'ошкат'* — Никол. (Орл., стр. 47); *хрён* — Луж. (Мат. в-р., I, 5); *смёртный, плёск* — Макар. (там же VIII, 43); *пёрст, небёсный* — Новг. (Сол. 77, стр. 6); *ожерёлок, слёга* (-жердь) — Донские казаки (Сол. 68, стр. 50); *онамёдни* — Котел. (Мат. в-р, VIII, 46); *на т'ел'ог'а, н'ев'осты, б'ес'одоват'* — Белом. (ИЯз, С-зап., 3); *тр'оснула* — Поморье (ИЯз, Б. сев., 4); *суд'обно м'есто* — Пудож. (Аван. II, стр. 249); *вётхий, тюрёмщик, бёзмёртный* — Вытег. (Мат. в-р., II, 22); *полот'онце, по л'орвост'и, куд'ол'* — Плес. (ИЯз, Б. сев., 97 а); *н'ев'осты* — Онеж. (там же, 31); *д'в'орк'и* — Чучк. (Сидор., стр. 99); *мядвёдок* — Тороп. (Мат.

¹ С. П. Обнорский. Переход *e* в *o* в современном русском языке. — „Труды комиссии по истории Академии наук СССР“, вып. 3, 1947, стр. 312.

в-р., XI, 233); *дёрзкий, вѣтхий, блѣдный, хрѣн* — Остр. (там же, V, 33); *валѣжник, небѣсный, смѣртный, учебный* — Каш. (Смирн., стр. 12); *сплѣтнн* — Мур. (Мат. в-р., XI, 90); *дерев'он* — КФССР (ИЯз, С-зап., 7).

В северновеликорусских говорах очень широко известно произношение с [ó] отдельных форм от глагола *держать*: *дѣржит, поддѣржка, задѣржка*. Мягкие согласные могут оказываться перед гласным [ó] и в результате появления новых форм под действием морфологической аналогии. Ср. формы местоимений с гласным [o] под ударением вместо [и] или [е]: *за нѣм, с нѣм* — Моск. (Черныш. 68, стр. 60); *о нѣй, со всѣю* — Котел. (Мат. в-р., VIII, 46); *о нѣй, со всѣй* — Нолин. (там же, 41); *о нѣй* — Макар. (там же, 43) и др.; формы дат. и местн. мн. на -ѣм, -ѣх от существительных со старой основой на -*i-, распространенные в южновеликорусских говорах областей смежных с говорами белорусскими¹: *лошадѣм, людѣм, гостѣм, лошадех, людех, гостех*; род. мн. на -ов от существительных всех родов с основой как на твердый, так и на мягкий согласный: *рублѣв, гвоздѣв, лошадев*. Неясно происхождение случаев *малатѣмши, идѣмши* — Моск. (Черныш. 68, стр. 62).

В говорах твердые-мягкие согласные перед [ó] образуют большее, чем в литературном языке, количество морфологических корреспонденций. Так, в результате того, что в говорах широко распространяется окончание род. мн. -ов на существительные всех родов с основой как на твердый, так и на мягкий согласный, возникает соотношение *рублѣв — волóв; лошадев, гвоздѣв — годóв; перстнѣв — снóв*.

Во многих северновеликорусских говорах, а также и в некоторых южновеликорусских слово *дупла* имеет мягкий согласный перед конечным [o]: *дупл'ó* — Киров. обл. (ИЯз, III, 7, 8, 31, 36 и др.), Пудож. (ИЯз, С-зап. 78), Белоз. (там же, 209); Пушк. (там же, 209, 27) Спас. (Аван. I, стр. 201), Чучк. (Сидор., стр. 106), Дмитров., Обоян. (Хал. 76, стр. 26), Тарус. (ИЯз, К зап. от М., 661), Дубен. (там же, 647) и т. д.

В южновеликорусских говорах с мягким [p'] может произноситься слово *нутро* — *нутр'ó*. Ср. некоторые говоры Тульской области (ИЯз, К зап. от М., 649, 670, 660, 652, 662, 678), говоры Козельского р-на Калужской обл. (там же, 624), Воронежской губ. (Филат., стр. 317).

В результате в ряде говоров мы имеем большее, чем в литературном языке, количество слов, в которых мягкие зубные и губные согласные представлены перед [o]. Хотя это и не вносит принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед [o], но проводит его на более широком материале.

В некоторых южновеликорусских говорах переход [e] в [o] проводится менее широко, чем в литературном языке. Имеются говоры, в которых [o] вместо [e] представлен только в морфемах, способных подвергаться морфологической аналогии: в этих говорах [ó] после мягких согласных выступает в окончании тв. ед. сущ. м. р. и перед суф. -ок-, -ов-: *п'ен'ók, д'ен'ók, медв'ед'óm, Ковал'óв, но з'ел'эный, п'эстрый, св'экла* и т. д. При этих условиях различаемость твердых и мягких согласных перед [ó] оказывается весьма ограниченной, а для отдельных согласных вообще отсутствует, например для губных, так как в русском языке нет существительных с основой на мягкий губной, которые бы в тв. ед. принимали окончание с гласным [o] под ударением. Кроме

¹ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. (Множественное число). Л., 1931, стр. 308.

того, перед гласным [о] суф. -ок- мягкими бывают только согласные [н'], [л'] и реже [р'], остальные согласные перед суф. -ок- — тверды, даже в том случае, если этот суффикс оформляет основу, оканчивающуюся на мягкий согласный. Ср. *коготок, лапото́к, локото́к, звездок, голубо́к, зверо́к* (и *зверёк*) и *денёк, пенёк, конёк, хмельёк, белёк* 'молодой тюлень', *василёк, стебелёк, писарёк, хорёк*, но и *зятёк*.

Диалектные случаи неперехода [е] в [о] в качестве единичных примеров встречаются и в северновеликорусских говорах. Так, С. П. Обнорский отмечает широкое распространение в северновеликорусских говорах произношения *д'эрат', р'эбрышко, п'эрышко*¹. Другие примеры: *слёс* (=род. мн. от *слеза*) — Каш. (Смирн., стр. 13); *дешево* — Новг. (Сол. 77, стр. 6); *зелёный* — Гряз. (Мат. в-р., X, 36); *замёрзнуть, самолёт* — Рост. (Вол., стр. 72); *тёмный, зелёнова, залётна* — Вятск. губ. (Зел., стр. 4); *колёсник, голово́шка* — Покр. (Мат. в-р., I, 10); *колёсник* — Чист. (там же, 1); *тёмный, чёрный* — Котел. (там же, VIII, 46) и др. Перечисленные примеры, уменьшая количество случаев произношения мягких согласных перед [о], принципиальных изменений в системе противопоставления твердых и мягких согласных перед этим гласным не вносят.

§ 8. Перед [ô]. В некоторых говорах как южновеликорусских, так и северновеликорусских в ударенных слогах встречается гласный [ô (yo)], по своему происхождению являющийся исконным [о] под восходящим ударением. Существует мнение, что некогда наличие гласного [ô] было чертой общерусской².

Перед гласным [ô], который в силу своего происхождения может находиться только после твердых согласных, твердые и мягкие согласные, естественно, первоначально различаться не могли. Однако впоследствии отдельные русские говоры развили противопоставление твердых и мягких согласных перед [ô]. Это стало возможным за счет того, что подобные говоры, теряя постепенно смысловоразличительное противопоставление гласных [о] и [ô], начинают смешивать их употребление, в результате чего гласный [ô] появляется в таких положениях, где исторически он быть не мог, а именно — на месте [о] под нисходящим ударением, [о] из [ъ], [ь], [е]. Произношение гласного [ô] на месте [ь], [е] вело к различению твердых и мягких согласных перед этим гласным. Ср. говор д. Ширияево Спас-Клепиковского р-на Рязанской обл.: *здаро́-г'и — умр'о́т, тр'о́х; занисл'о́ — б'исл'о́с, т'ил'о́нак; то́к — т'о́с; во́-л'а — ув'о́с*³; говор Нижнедевицкого р-на Воронежской обл.: *то́к — т'о́тка, фс'о́*⁴. В последнем говоре отмечено, кроме того, смешение дифтонгов [ou̯] и [yo̯], которые в некоторых говорах употребляются строго разграниченно: [yo̯] — на месте [о] под восходящим ударением, [ou̯] — на месте [о] под нисходящим ударением и из [ъ], [ь], [е]⁵. Про-

¹ С. П. Обнорский. Переход е в о в современном русском языке, стр. 301, 302.

² См. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 165, Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 107.

³ Говор описан Т. Ю. Строгановой в кандидатской диссертации „Говоры между-речья Оки — Клязьмы“, М., 1950.

⁴ Говор описан Э. В. Жуковской в кандидатской диссертации „Говоры западной части Воронежской области“, М., 1954.

⁵ Подобное употребление дифтонгов [ou̯], [yo̯] описано С. С. Высотским в статье „О говоре д. Лека“ („Материалы и исследования по русской диалектологии“, II, М.—Л., 1949); О. Н. Мораховской в кандидатской диссертации „Говоры Мещерского края“ (М., 1950); О. Г. Гецово́й в кандидатской диссертации „Говор села Катагощи“ (М., 1952); Т. Ю. Строгановой в указанной диссертации.

изношение гласного [ô] не только после твердых, но и после мягких согласных как в окончаниях, так и в корнях отмечено С. И. Котковым в одном из говоров Орловской обл.¹

Первоначальной причиной проникновения гласного [ô] в положение после мягких согласных явилась, вероятно, не только утрата смысловозначительного противопоставления [o] и [ô], но и аналогическое воздействие именных форм твердой разновидности с [ô] в окончании на соответствующие формы мягкой разновидности, например: *п'илбѣй* — *з'емл'бѣй*; *селб* — *дупл'б*. Однако приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что не всегда употребление гласного [ô] после мягких согласных ограничивается лишь формальными элементами, как это считает Р. И. Аванесов², хотя такие говоры действительно есть. Ср., например, говор д. Лека Егорьевского р-на, где [ô] после мягких согласных известно только в определенных морфологических категориях: *квашн'бѣй*, *бад'бѣй*³.

§ 9. Перед [й (ы)]. Как уже говорилось, то обстоятельство, что после падения редуцированных стало возможным изолировать твердость-мягкость согласных от последующего гласного, сыграло решающую роль в ходе функционального объединения гласных [и] и [ы]⁴. Для эпохи после падения редуцированных мы уже можем говорить о том, что слова *ныть* и *нитъ* различаются фонемами [н] и [н'], гласная же фонема здесь одна — [и], которая после твердого согласного выступает в своей разновидности [ы]. Подтверждением подобных соотношений явилось то, что после падения редуцированных, при стыке предлогов, оканчивающихся на согласный, и последующего слова с начальным [и] этот гласный [и] изменялся в [ы]. Согласный в этом случае не смягчается перед [и] главным образом потому, что твердость-мягкость согласных стала фонемообразующей категорией, а гласные [ы], [и] являются лишь разновидностями одной фонемы. В данном случае оказывается важным сохранить твердость конечной согласной предлога (так как в русском языке нет предлогов, оканчивающихся на мягкий согласный) тем более, что наличие [ы], как разновидности фонемы [и], легко позволяет это сделать⁵. В памятниках это явление отражено уже с XII в.

Например: *вынеѣхъ областьъ* 22 (ЕК XII в.); *к ыному царю* (Пан. Е XII в.); *выное* (РЛА, I, XII в.); *в ыную землю, из ыное* (Гр. 1229); *из ынои* (Нов. гр., № 9); *сынои* (там же, № 8, XIV в.); *высправу* (там же, № 16, XIV в.); *из ынои* (там же, № 15, XIV в.); *вынъ законъ* 72, *в ыльмеръ* 5, *с ываном* 172 (Лавр. XIV в.); *в ындѣи* 35, *в ыстобъку* (РЛА, XLIX, XIV в.); *из ыных* (Нов. гр., № 20, 1471); *под ывою* (Дв. гр., № 22); *с ыви* (там же, № 27); *с ывашомъ* (там же, № 18); *в ыванова* (там же, № 110); *оувыгоумновыхъ* (там же, № 26); *в ы/сцевы рѣчи* 10 об., *сысцеву ыбель* 2 об., *в ынои татѣв* 2 об. (Суд. 1497); *в ыстобуѣ* 186 об. (Ипат. 1425); *в ыные* (РЛА, CCCLVI, 1516); *с ываномъ*, *с ызум-*

¹ С. И. Котков. Говоры Орловской области (докторская диссертация). М., 1952.

² Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 152.

³ См. С. С. Высотский. Ук. соч., стр. 14.

⁴ Рассматриваем это явление лишь в общих чертах, так как подробное исследование его дано в статье Р. И. Аванесова „Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*“ („Вестник МГУ“. 1947, № 1).

⁵ От случаев изменения [и] в [ы] на стыке предлогов и отдельных слов следует отличать переход [и] в [ы] на стыке приставок и корней (*подымаѣт*, *разыскѣт* и т. п.). Последние имели место еще до падения редуцированных и объясняются иными причинами, чем случаи типа [*с ываном*]. См. об этом в указанной статье Р. И. Аванесова, стр. 52—53.

рудомъ, с ысаковымы, с ыными с ыштерекомъ, от ыштерека, с ымилдеши, с ыштерековыми имилдеши, с ывановскимъ (А. Межд. XVII в.) и т. д.

В современном языке, включая говоры, изменение начального [и] в [ы] после предлогов и других слов, оканчивающихся на твердый согласный, распространяется на [и] любого происхождения как исконное, так и соответствующее безударному начальному [е], например с *ыл'эный*. Но есть и некоторые указания на случаи смягчения согласных перед начальным [и]. Ср. *обызбэ* — Елаб. (Мат. в-р., IV, 78); *въ избэ* — Клин. (Черныш. 75, стр. 14). Такие записи, как *съ йми* — Звениг. (Черныш. XIII, стр. 149, 150), Мещ. (Мат. в-р, II, 2 б), *съ им* — Мещ. (Черныш. 70, стр. 13), *ать их* — Зарайск. (Петр., стр. 31), видимо, следует рассматривать как отражение смягчения согласного не перед следующим [и], а перед *j*, т. е. *с'jйм'и, ат'jих*.

Функциональное объединение [и] и [ы] находит свое грамматическое подтверждение и оформление в результате выравнивания падежных форм твердой и мягкой разновидности склонения. Благодаря аналогическому воздействию на мягкую разновидность склонения со стороны твердой разновидности в род. ед. вместо форм *землѣ* — *золы* появились *земли* — *золы*; в им.-вин. мн. *землѣ* — *зѣлы* изменились в *земли* — *зѣлы*; в вин. мн. *конѣ* — *кѣны* изменилось в *кони* — *коны*; в местн. ед. *кони* — *конѣ* изменилось в *конѣ* — *конѣ*. Таким образом, между гласными [и] и [ы] создалась морфологическая корреспонденция, выражающаяся в том, что гласный [и] в составе одной и той же флексии оформляет мягкую разновидность склонения, а гласный [ы] — соответствующие формы твердой разновидности.

В современном языке перед ударенным гласным [й (ы)] одинаково широко различаются по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные. Ср. *тихо* — *ты, невидѣмка* — *дым, сила* — *сыро, зѣмы* — *зѣбкий, лик* — *лык, нить* — *ныть, криво* — *рыба, пить* — *пыль, бил* — *был, мил* — *мыл, вил* — *выл*.

Перед флективным ударенным [й] могут быть представлены мягкие согласные в том случае, если названный гласный является флексией местн. ед. сущ. ж. р. со старой основой на *-*i*, флексией им. мн. сущ. м. р. с той же основой, флексией императива, или если, наконец, он являет собою тематический гласный в парадигме II спр. Ср. *в костѣ, в грудѣ, на осѣ, в грязѣ, в кровѣ; путѣ, плетнѣ, ремнѣ, угрѣ (угорь); плетѣ, идѣ, несѣ, везѣ, рви, жми, орѣ; грозѣт, палѣт, горѣт, крехтѣт, глядѣт*.

Перед флексией [й (ы)] им. мн. сущ. м. р. твердые и мягкие согласные образуют морфологические корреспонденции, например: *путѣ* — *котѣ, угрѣ* — *дворѣ*.

В северновеликорусских говорах, знающих изменение [ѣ] в [и], сфера противопоставления твердых и мягких согласных перед [й (ы)] значительно расширяется.

В немногих русских говорах губные согласные в положении перед гласным [й] бывают только мягкими. Сравните: *бик, выгодно, ми, ви* (Донские казаки, Сол. 68, стр. 50). В подобных говорах губные не противопоставлены по твердости-мягкости перед [й].

В южновеликорусских, средневеликорусских и отдельных северновеликорусских говорах имеются лексикализованные случаи произношения мягких вместо этимологических твердых согласных перед [й (ы)]: *в'исѣк'ѣ* — Чекал., Хан. (ИЯз, К зап. от М., 649, 650), Задон. (Филат.,

стр. 191), Шигр. (Хал. РФВ 1879, № 2, стр. 196), Обоян. (Резан., стр. 93), Дмитров. (Мат. в-р., XI, 125, Дмитр., стр. 41), Коз., Сух. (ИЯз, К зап. от М., 624, 63), Мещ. (Черныш. 70, стр. 36), Чучк. (Сидор., стр. 105), Чемб. (Мат. в-р., XI, 229), Касим. (там же, V, 47), Моск. (Черныш. XIII, стр. 176); *д'ёрка, д'ира́* — Сух. (ИЯз, К зап. от М., 623), Костр. (Виногр., стр. 47), Ярослав. (Тихвин., стр. 42), Славк. (ИЯз, С-зап., 213). Новорж. (МДК, II, стр. 23), Бобр. (Филат., стр. 197), Моск. (Черныш. 68, стр. 46).

К числу лексикализованных случаев отклонения от литературных норм в употреблении парных мягких-твердых согласных следует отнести широко известное в южновеликорусских и средневеликорусских говорах произношение [*в'ышн'а*].

Повсеместно в русских говорах, как северновеликорусских и южно-великорусских, так и переходных, известно изменение [р'и] в [ры] в результате отвердения [р'] под влиянием предшествующих твердых согласных [г], [к], [ст]¹: *крык, скрип, кр'инка, гриб, стрычь*. Во многих говорах с [р] вместо [р'] произносятся не все слова, где [р'] находится после [г], [к], [ст], а лишь некоторые из них, чаще всего слово *гриб (грып)*. Реже встречается отвердение [р'] перед [и] в положении после губных и некоторых других согласных: *ковр'ыжка* — Петроз. (Мат. в-р., II, 13), г. Холм (там же, II, 15), Холм (там же, VIII, с. 106), г. Олонец (там же, IV, 29); *бр'ила, капр'из* — Буйск. (там же, 18) *захрып'ела, хрып* — Андом. (ИЯз, Б. сев., 137). В сообщении об одном из говоров Инсарского у. Пензенской губ. указывается, что [р'] здесь отвердевает лишь перед безударным [и]: *стрыг'у, рыб'ы, покрыв'ил, кр'иво, гр'ип* (Мат. в-р., II, 16).

Легко заметить, что в большинстве приведенных примеров сочетание [р'и] находится между согласными, обладающими наиболее выраженной лабиовелярной артикуляцией, т. е. между задненебными (*крик*) или задненебными и губными (*скрип, гриб, хрып, криво, коврига*); реже лабиовеляризованные согласные находятся только до или после сочетания [ри] (*стрыгу, брила, каприз*). Влиянием со стороны лабиовеляризованных согласных, видимо, и объясняется диспалатализация [р'] и изменение [и] в [ы]. С этой точки зрения вполне объяснимы причины, по которым в названном выше говоре Инсарского у. Пензенской губ. [р'] изменился в [р] только перед безударным [и]: безударный гласный [и], обладая более вялой артикуляцией, чем тот же гласный под ударением, легче, чем этот последний подвергался ассимилятивному воздействию со стороны лабиовелярных согласных. Между прочим то обстоятельство, что отвердение [р'] под влиянием соседних лабиовелярных согласных имеет место только перед [и], наводит на мысль о том, что исходным моментом изменения [р'и] в [ры] было изменение [и] в [ы], а не [р'] в [р]. С этой точки зрения легко объясняется, почему в говорах, знающих переход [р'] в [р] перед [и], тот же самый согласный [р'], несмотря на соседство губных и задненебных согласных, остается мягким перед [у], [о], [а], [е]: *кр'ук, бр'овна, пр'аха, кр'эпост'*.

В положении перед непередними гласными фонемами [у], [а], [о] твердость-мягкость согласных не зависит от качества последующих гласных. Поэтому передвижка гласных [у], [а], [о] в более заднюю зону, происходящая под влиянием лабиовелярных согласных, не влияет на качество предшествующей согласной фонемы: перед каждым из глас-

¹ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 198.

ных [y], [a], [o] независимо от того, будут ли они среднего, среднезаднего или заднего ряда, согласный все равно остается мягким.

В положении перед гласной фонемой переднего ряда [и] твердость-мягкость согласных также фонологически независима от качества последующего гласного, но противопоставление по твердости-мягкости перед фонемой [и] сопровождается физиолого-акустическим различием в самой гласной фонеме: [и] — после мягких, [ы] — после твердых согласных. Передвигаясь в средний ряд под влиянием лабиовелярных согласных, гласный [и] изменяется в [ы], что ведет к диспалатализации предшествующего согласного [p']. Осуществление этого процесса облегчено тем, что с изменением [и] в [ы] фонологическая сущность этого гласного не меняется.

В положении перед гласным [e] в большинстве русских говоров возможны только мягкие согласные, при этом мягкость согласных самостоятельна и строго обусловлена передней артикуляцией гласного [e]. Поэтому, несмотря на возможность передвижения гласного [e] в более заднюю зону под влиянием лабиовелярных согласных, согласный [p'] перед [e] не отвердевает: произношение твердого согласного перед [e] противоречит фонетической системе русского языка. Это же обстоятельство могло препятствовать и заметному перемещению гласного [e] в более заднюю зону.

Твердый согласный [p] вместо этимологического [p'] встречается и в таких словах, где [p'] находится не после согласных: *ры́нуться* — Петроз. (Мат. в-р., I, 13; IV, 30), Пушк. (Иероп. С. 588); *рыск*, *рыскнѹть* — Костр. (Виногр., стр. 16).

По говорам количество случаев употребления сочетания твердых согласных с [ы] может быть увеличено за счет образования местн. ед. прилагательных с окончанием *-ым* (на мягкие основы это не распространяется, так как они всегда несут ударение на основе): *на худым, на дурным, на больным* — Зубц. (Мат. в-р., VIII, 60); *на худым, на дурным, на желтым* — Чемб. (там же, XI, 229) и т. д.; будучи связана по своему происхождению с аканьем, эта форма часто встречается в акающих говорах.

§ 10. Перед [y]. Как уже говорилось, после смягчения полумягких перед гласными [y] различались по твердости-мягкости лишь согласные, исконно парные по твердости-мягкости. Согласные, получившие мягкость из полумягкости, перед гласным [y] были только твердыми, так как мягкость перед этим гласным предполагает йотацию, а йотация, как известно, вела вообще к изменению качества шумных согласных. Таким образом, древнерусскому языку не были известны сочетания [t'y], [d'y], [p'y], [b'y], [m'y]. Они явились значительно позднее в результате проникновения в русский язык слов иноязычного происхождения и развития морфологической аналогии (воздействия со стороны склонения *o-основ на *i-основы существительных м. р.). Подобное состояние фонетической системы находит отражение и в современном языке.

В современном языке перед гласным [y] противопоставленность твердых-мягких согласных значительно меньшая, чем перед [á], [ó], [í].

Наиболее широко перед ударенным [y] различают твердость-мягкость сонорные согласные [н], [р], [л]. Мягкие [н'], [л'], [р'] могут находиться перед [y] как в основах, так и на стыке именных основ с окончанием дат. ед. сущ. м. р., на стыке глагольных основ с окончанием I л. ед. II спр. и с суф. *-уч-* причастий наст. вр. Ср. *лю́ди*, *люблю́*, *колю́чий*,

королю — *лук, волу; конюшня, нюхать, гоню, вонючий, коню* — *нужно, сну; крюк, зверюга, горю, горючий, косарю* — *руки*.

Что касается шумных зубных и губных согласных, то они бывают мягкими главным образом перед [ý] некоторых суффиксов и перед флексией дат. ед. сущ. м. р. При этом для некоторых согласных противопоставленность по твердости-мягкости перед [ý] практически отсутствует в связи с тем, что в русском языке может не оказываться существительных с основной на соответствующий мягкий согласный, принимающих в дат. ед. ударенное окончание -ý. Суффиксы *-ука-, -уга-, -утка-, -уша-* также встречаются не после любого парного твердого или мягкого согласного. В результате всего этого можно найти в русском литературном языке сочетания [д'ý], [с'ý], [т'ý], [з'ý]: *гадюка, жадюга, Надюша, гвоздю* — *думать, в саду; висюльки, Васютка, карасю* — *суд, на носу; тюрю, тюлька, Катюша* — *петух, коту; мазюкать* — *зуб, на возу*, но мы не встретим сочетаний [п'ý], [б'ý], [м'ý], [в'ý], кроме слов иноязычного происхождения, которые в данном случае не принимаются во внимание.

Таким образом, следует сказать, что противопоставление твердых и мягких шумных зубных перед [ý] в русском литературном языке основывается на ограниченном количестве случаев употребления мягких зубных перед [ý], а противопоставление твердых и мягких губных в этом положении отсутствует.

По говорам отношения могут быть несколько иными. Во многих южновеликорусских говорах, а также в ряде средневеликорусских и северновеликорусских говоров¹ в результате образования форм 1 л. ед. П спр. без исконного чередования согласных в основе на стыке гласной основы и окончания появляются сочетания [т'ý], [з'ý], [п'ý], [б'ý] [м'ý], [в'ý]. Например: *колотю, молотю, катю, скользю, возю, терпю, топю, люблю, кормю, ловю*. Расширению возможностей сочетания мягких согласных с [ý] в южновеликорусских говорах способствует распространение окончания род.-местн. ед. -ý на существительные м. р. со старой основой на *-i и имена м. р. на *-o одушевленные. Например: *нет дождю, дню, пню, с путю, ногтю, в лаптю, в локтю, на коню, при царю*. В результате, по говорам перед гласным [ý] могут быть противопоставлены по твердости-мягкости и губные согласные, а противопоставленность зубных согласных основывается на большем, чем в литературном языке, количестве фактов.

§ 11. Перед [é]. После падения редуцированных перед гласным [é] (из *e, ъ*) употреблялись только мягкие согласные. Однако вскоре сочетание мягких согласных с [é] значительно сократилось в связи с изменением [e > o]. Мягкие согласные, оказавшись перед [o], стали в пару к твердым согласным перед тем же гласным. Процесс этот, как известно, наиболее интенсивно проходил в северновеликорусских говорах. В дальнейшем возможность сочетания согласных с последующим [é] расширилась в связи с изменением гласного [ǰ] в [e]. Однако в отношении судьбы [ǰ] русские говоры всегда представляли большие различия.

Принято мнение, что в говорах, вошедших впоследствии в состав южновеликорусского наречия, переход [ǰ] в [e] под ударением осуществлялся раньше, чем в говорах, вошедших в состав северновеликорусского наречия. Н. Н. Дурново видит свидетельство подобного перехода

¹ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 112—113.

уже в памятниках XIII в.¹ Однако вряд ли можно думать, что в столь раннюю эпоху переход [ǰ] в [e] был действительно широко распространен в южновеликорусских говорах. О том, что [ǰ] и [e] различались в эпоху образования яканья, т. е. в XIII—XIV вв., свидетельствуют южновеликорусские типы диссимилятивного яканья, при которых гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге реализуются неодинаково в зависимости от того, находится под ударением этимологический гласный [e] или [ǰ]. Тем не менее, если учесть, что изменение [e] в [o] происходило не во всех южновеликорусских говорах и не так интенсивно, как в северновеликорусских, то следует допустить, что в какой-то период в южновеликорусских говорах сочетание согласных с гласными [é] было представлено шире, чем в северновеликорусских, так как в этих последних, знавших уже переход [e] в [o] и сохранивших еще [э] под ударением (или заменивших его на [и]), возможность сочетания согласных с [e] была сокращена до минимума, так что гласный [e] был представлен лишь в положении между мягкими согласными. Переход [ǰ] в [e] под ударением был известен и некоторым северновеликорусским говорам, главным образом тем, которые легли в основу говоров Владимирско-Поволжской группы. Так, для московских памятников древнейшие факты, отражающие изменение ударенного [ǰ] в [e], датируются XV в. Однако наряду с этим имеются многочисленные данные, свидетельствующие о сохранении особого качества [ǰ] вплоть до XVIII в. В результате и в этих говорах расширяется возможность сочетания согласных с [e].

Подобное же состояние фонетической системы отражено и в современном языке, включая говоры. В современном языке перед гласным [é] парные по твердости-мягкости согласные как сонорные, так и шумные, зубные и губные, по твердости-мягкости не различаются, бывают только мягкими. В говорах, не знающих последовательного изменения [e] в [o], естественно, расширяются возможности употребления мягких согласных перед [é] и вместе с тем сокращается диапазон противопоставленности твердых и мягких согласных перед [ó]. Более широкое распространение произношения мягких согласных перед [é] в говорах становится возможным и за счет других диалектных особенностей. К их числу следует отнести изменение [á] в [é] между мягкими согласными, образование род. ед. сущ. ж. р. с основой на *-а и дат. -местн. ед. сущ. ж. р. с основой на *-i с помощью окончания -é.

Напротив, значительное сужение употребления мягких согласных перед [é] происходит в тех говорах (в основном северновеликорусских—Вологодско-Вятских, Западно-Новгородских), в которых при последовательном изменении [e] в [o] (исключение — книжные заимствования и слова с [e] перед [p] группы **tbrt*) этимологический гласный [ǰ] под ударением изменился в [и]. В этих говорах, по крайней мере в Вологодско-Вятских, возможность произношения мягких согласных в основном имеется лишь в словах, в которых произошло изменение [a] в [e], а также в словах, имеющих в своем составе [e] между мягкими согласными (*сельский, день*). Уменьшает употребление мягких согласных перед [é] и распространение в ряде северновеликорусских (Архангельская, Олонецкая, Новгородская губ.) и средневеликорусских (Псковская и Тверская губ.) говоров форм дат.-местн. ед. с окончанием -и от существительных ж. р. с основой на *-а.

¹ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 193.

Большое различие в возможностях сочетания согласных с гласными [e] по говорам иллюстрируется следующими таблицами.

		Л и т е р а т у р н ы й я з ы к			
é		ó		'á'	ú (ы)
тѣло	на высотѣ	тѣплый	Ковалѣв	тѣнет	в костѣ у высотѣ
дѣло	в водѣ	дѣрн	пенѣк	дѣдя	
зѣлень	на козѣ	чернозѣм		зять	в грязѣ у козѣ

		С р е д н е в е л и к о р у с с к и е г о в о р ы				
é		ó			'á'	
тѣло	на высотѣ	у высотѣ	возможно	тѣплый	Ковалѣв	тѣнет
дѣло	в водѣ	у водѣ	в костѣ	дѣрн		дѣдя
зѣлень	на козѣ	у козѣ	в грязѣ	чернозѣм	пенѣк	зять

		Н е к о т о р ы е ю ж н о в е л и к о р у с с к и е г о в о р ы				
é		ó			'á'	
тѣло	на высотѣ	у высотѣ	возможно:	тѣплый	Ковалѣв	тѣнет
дѣло	в водѣ	у водѣ	в костѣ	дѣрн	пенѣк	дѣдя
зѣлень	на козѣ	у козѣ	в грязѣ	чернозѣм		зять

		С е в е р н о в е л и к о р у с с к и е г о в о р ы В о л о г о д с к о - В я т с к о й г р у п п ы					
é		ó		ú (ы)			
в костѣ	тѣнет	зѣлень	тѣплый	Ковалѣв	тѣло	у высотѣ	на высотѣ
в грязѣ	дѣдя	день	дѣрн	пенѣк	дѣло	у козѣ	к козѣ
	зеть	сѣльскій	чернозѣм				

§ 12. В немногих русских говорах как окающих, так и акающих, согласные перед гласным [e] как ударенным, так и безударным не смягчаются и произносятся твердо или полумягко. Характерная особенность этого явления заключается в том, что смягчение отсутствует лишь перед гласным [e] из е, ь и лишь в редких случаях перед [e] из ё. Ср. с. Тихоново Судог. у. — полумягкие согласные перед [é]: *капѣик, швѣцакѣй, дѣнек, навѣрна, дѣла, с'вѣтлѣ, гребѣшѣк* (Гвозд., стр. 53); Верхняя Пинега, верхняя Тойма, Волог. обл. — „В положении перед гласным переднего ряда э в некоторых случаях наблюдается неполное смягчение губных: *оммѣр'ит', вѣт'ер, м и в* в этих примерах лишь слегка палатализованы“ (Кузн., стр. 32); Лом. — *бѣлка, дѣлу, камѣн', помѣс'т'им* (ИЯз, С-зап., 26); Короб. — „полутвердые, факультативно твердые согласные перед е“: *п'ен', п'ен', пэн', с'едѣн'иѣ, д'ѣн'г'и, с'ем', бѣз вас, канѣшна* (Дмитр., стр. 46); Егор. — твердое произношение согласных перед [e], встречающееся довольно непоследовательно: *мѣнѣ, за нѣй, степѣннѣ, тапѣр'* и т. д. (МДК, III, стр. 170), д. Лека того же уезда — *тепѣр', разберѣ, вѣцыра, дварѣу, ден'ик, нелѣфка, ат'ѣу, п'ев'ѣу, ден'жѣнак* (Шахм., стр. 212); Ранен. — *мѣт'эр'и* (МДК, III, стр. 19); Мещ. —

видэ́рца (Черныш. 70, стр. 99); *сэрафíма, дэска́ть* (Черныш. 68, стр. 100); Судог.— *вэста́цка, нэт, нэвэста́* (Бубр., стр. 331); *атэ́ц, дэрэ́вня* и пр. „такие говоры попадают в южных уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ.“ (Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 134); Нижнедев.— *пл'этэм, пад'эм, уч'т'эм, жыв'эм, ат'эйц, хр'ист'эйц, под'ейш, дэн'у'и, ден', на дэс'ьт', тем', паст'эл'у, из дэр'ьва, д'эв'ат', фт'ел'ач'жих, тэл'ата, дэр'эв'ја, мат'эр'а, ум'эн'э, нэбыла, н'эбыл, успэн'ја, падэ́лал* (Жук., стр. 219—222), Сп.-Кл.— *меч'им, кузн'эц, малад'эц, к в'эч'иру, ад'йн, инт'ир'эс, Пэт'а; нэту, апэт'*. Последний пример свидетельствует о том, что изменение [é] в [á] произошло раньше отвердения губного согласного (Строг., стр. 150). Аналогичное отвердение согласных перед [e] отмечено в говорах Курловского р-на Владимирской обл. и Елатомского р-на Рязанской обл. (там же), Тульской и Калужской губ.¹, Вятской губ.², Захаровского р-на Рязанской обл.³.

Анализ отвердения согласных перед [e], поставленный в связь с переходом [e] в [o] и образованием яканья, позволяет рассматривать отвердение как явление сравнительно позднее. Так, в говорах Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. это отвердение осуществилось после перехода [é] в [ó] и образования яканья⁴. О времени отвердения согласных перед [e] по отношению ко времени изменения [e] в [o] свидетельствует соотношение [ав'ос] наряду с [дэн']. Если бы отвердение произошло до перехода [e] в [o], то наличие [o] после мягкого согласного в случае [ав'ос] было бы необъяснимо. Следует заметить, что отвердение согласных перед [e] было явлением более поздним, чем переход [e] в [o] во всех говорах, знающих обе эти особенности. См. приведенные выше примеры, содержащие отвердевший согласный только перед [e], неизменившимся в [o]. В связи с этим нельзя согласиться с мнением А. М. Селищева, считавшего, что отвердение согласных происходило после перехода [e] в [o], причем гласный [o] делабиализовался и изменился в [e]: *ов'эс > ов'ос > овэс*⁵. Если бы это было так, то в говорах, знающих переход [e] в [o], согласные отвердели бы перед любым по происхождению [e], а не только перед тем, который в силу своего положения перед мягкими согласными не изменился в [o]. Доказательством того, что отвердение имело место лишь после формирования яканья (в Нижнедевицком р-не Воронежской обл.— архаический и цигровский типы диссимилятивного яканья), является то, что согласные отвердели лишь перед [e], не изменившимся в [a]: *дэр'эвн'а, тел'ата, но н'ас'и, н'ас'ут'*. Для говора с. Катагоща Захаровского р-на Рязанской обл. аналогичным путем устанавливается, что отвердение перед [e] имело место лишь после формирования умеренного яканья: *н'ас'у, но нес'и*⁶. В говоре д. Лека⁷ согласные отвердевают

¹ Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах Тульской и Калужской губ.— ИОРЯС. III, № 3—4, 1898, стр. 71.

² Егo же. Отчет о командировке в Вятскую губернию.— Ученые записки Казанского университета. X, 1896, стр. 102.

³ О. Г. Гецова. Говор села Катагощи. Кандидатская диссертация. М., 1951. стр. 105.

⁴ Э. В. Жуковская. Говоры западной части Воронежской области. Канд. диссерт. М., 1954, стр. 221—222.

⁵ А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка.— „Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та“, т. 5, вып. 1, 1941, стр. 178.

⁶ См. О. Г. Гецова. Говор с. Катагощи, автореф. канд. диссерт. М., 1952, стр. 7.

⁷ См. С. С. Высотский. О говоре д. Лека.— Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.-Л., 1949, стр. 48—49.

перед предударным [e], соответствующим как [ь], [e], так и [ě], и остаются мягкими перед [e] из [a]. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в период отвердения согласных в этом говоре различались предударные [e] (из ь, е, ё) и [a]. Отсутствие отвердения согласных перед ударенным [e] (из ё) в большинстве говоров, знающих это явление, свидетельствует о том, что утрата гласного [ě], как особой фонемы, и совпадение его с [e] произошли в этих говорах после отвердения согласных перед гласным [e] (не из ё). Наряду с этим имеются отдельные говоры, в которых представлено обратное соотношение явлений: сначала гласный [ě] совпал с [e], а затем согласные отвердели перед [e] любого происхождения (ср. упомянутый выше говор Ломоносовского р-на Ленинградской обл.).

Первопричина отвердения согласных перед гласным [e] — не ясна. Некоторые ученые предполагают здесь иноязычное влияние. На вопрос, почему согласные отвердели только перед [e], можно ответить следующим образом. Заметим, прежде всего, что отвердение могло происходить лишь перед гласными неверхнего и верхне-среднего подъема. Перед [ě], [и] отвердение не происходило, так как высокая артикуляция, характерная для этих гласных, делала устойчивой палатальность предшествующих согласных. Что же касается гласных неверхнего подъема, то отвердение согласных только перед [e] следует связать с тем, что в этом положении мягкость парных согласных не несет смыслоразличительного значения. Отвердение согласных перед [a], [o] могло привести к затемнению значения соответствующих слов (ср. *в'ал* — *вал*, *в'ол* — *вол*). Отвердение же согласных перед [e] не вносит принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных, так как положение перед [e] остается таким, в котором согласные по твердости-мягкости, как и до отвердения, не противопоставляются. Чаще всего твердость согласных перед [e] проведена непоследовательно и должна рассматриваться как факультативная.

В некоторых северновеликорусских говорах, а также в говорах на западе южновеликорусской территории и в примыкавших переходных говорах возможность произношения твердых зубных и губных согласных перед [e] осуществляется за счет образования некоторых форм прилагательных и существительных ж. р. твердой разновидности с помощью окончания-ей: *голубэй*, *слепэй*, *воронэй* — Петроз. (Мат. в-р IV, 30); *худэй* — Вытег. (там же, II, 22); *косэй*, *тупэй*, *золотэй*, *грозэй*, *веснэй*, *со мнэй* — Возн. (ИЯз, С-зап., 113, 114); *ат мыладэй*, *ат злэй*, *сырэй травы*, *аднэй каровы*, *у клыдавэй* — Мещ. (Мат. в-р., XI, 150, 267; Черныш. 70, стр. 153, 32, 37); *ат аднэй*, *с аднэй* — Мцен. (Мат. в-р., XI, 188); *с тэю*, *с аднэю* — Елец. (там же, II, 21); *раднэй сестры*, *маладэй сястрé*, *тэй ба́бья* — Лив. (там же, II, 26); то же в Брян. (там же, X, 77) и т. д. В этих говорах твердость согласных перед флексивным [e] следует рассматривать как морфологический признак данной формы, а не как явление фонетическое. Но в то же время в этих говорах образуется и известная противопоставленность твердых и мягких согласных перед [e]. Ср. *б'ей* — *голубэй*, *п'ей* — *слепэй*, *о н'ей* — *воронэй* и т. д.

Различие в ряде гласных [e] — [э] связано со степенью палатализации предшествующего согласного и аналогично различию в паре гласных [и] — [ы].

Говоря об отвердении согласных, нельзя не упомянуть о том, что в отдельных говорах отвердевшие согласные произносятся не только

перед [e], но и перед [и] (имеем ввиду этимологическое [и]). Таковы говоры д. Лека¹, с. Пустоши². Случаи полутвердости согласных перед [и] следует, вероятно, рассматривать как вторичные в сравнении с отвердением согласных перед [e].

§ 13. Перед [ě]. В тех говорах, где на месте этимологического [ě] существует особая фонема, перед нею парные согласные, будучи всегда мягкими, по твердости-мягкости не различаются: *л'ёс, на войн'ё, н'ёт, р'ёзать с'ёрый, пос'ёв, т'ёло, д'ёло, м'ёра, в'ёра, б'ёлый*.

§ 14. Анализ различения твердых и мягких согласных перед ударенным гласным позволяет сделать следующие выводы. Общим для современного языка, включая говоры, является различие твердых и мягких зубных согласных перед [й(ы)] [ý], [ó], [á], входящими как в состав основ, так и флексий, и различие твердых и мягких губных согласных перед [й(ы)], [ó], [á]. В литературном языке и большей части говоров зубные и губные согласные не противопоставлены по твердости-мягкости перед [ě], а губные согласные также и перед [ý].

Содержание противопоставления твердых и мягких согласных перед перечисленными гласными, степень его яркости по говорам неодинаковы в зависимости от осуществления в соответствующих говорах тех или иных процессов в области ударенного вокализма, с одной стороны, и в области морфологической системы, с другой. При этом названные процессы не только могут расширить или сузить противопоставленность твердых и мягких согласных перед указанными гласными, но и обусловить различие или неразличие твердых и мягких согласных в новом положении. Так, благодаря наличию некоторых морфологических особенностей по говорам появляется различие твердых и мягких губных перед [ý], элементы различения твердых и мягких согласных перед [ě]. Благодаря особенностям системы ударенного вокализма в говорах имеет место дополнительное еще одно положение, в котором согласные по твердости-мягкости не различаются, а именно — положение перед гласным [ě]. Сочетание особенностей системы ударенного вокализма с действием морфологической аналогии обуславливает различие твердых и мягких согласных перед [ó].

Б. ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД БЕЗУДАРНЫМИ ГЛАСНЫМИ

§ 15. До тех пор, пока безударное положение не стало слабым положением для гласных фонем, твердые и мягкие согласные находились с безударными гласными в тех же отношениях, что и с ударенными. Отношения эти характеризовались взаимной независимостью твердых-мягких согласных и последующих гласных [а], [у], [и (ы)]. Что касается гласного [о], то он мог сочетаться только с предшествующим твердым согласным, гласные [е], [ě] — только с мягким. Подобные отношения особенно ощутимо были нарушены в эпоху после падения редуцированных в связи с изменением [е] в [о] и развитием аканья. С осуществлением этих процессов в разных безударных слогах складывалась неодинаковая система гласных, отличная от системы гласных ударенных слогов. При этом системы гласных безударных слогов обычно были неодинаковы после твердых и после мягких согласных, а по говорам — в зависимости от

¹ С. С. Высотский. Ук. соч., стр. 47.

² См. Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора с. Пустоши. — ИОРЯС, XVIII, вып. 4, стр. 332.

твердости-мягкости последующего согласного, а также качества гласного под ударением. Попытаемся на материале акающих, а затем и окающих говоров выяснить взаимоотношения твердых-мягких согласных с безударными гласными.

1. Твердые и мягкие согласные перед безударными гласными в акающих говорах

1. Твердые и мягкие согласные перед гласными первого предударного слога

§ 16. Литературное произношение. Как известно, литературное произношение характеризуется тем, что в первом предударном слоге после твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [а], после мягких — [и^е], [у], [и]. Таким образом, система гласных фонем первого предударного слога складывается на основе различия двух степеней подъема, а не трех, как это имеет место в слоге под ударением.

Несмотря на то, что гласные [и^е], [а] являются гласными разного подъема, с фонологической точки зрения они должны быть квалифицированы как представители одной гласной фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге. Это обусловлено тем, что гласный [и^е] после мягких согласных и гласный [а] после твердых противопоставлены другим предударным гласным на основе одного и того же дифференциального признака: оба эти гласных являются самыми открытыми в своем ряду: [и^е] — после мягких, [а] — после твердых согласных. При этом употребление [и^е] и [а] в одном положении исключено, употребление каждого из этих гласных обусловлено твердостью-мягкостью предшествующего согласного. Таким образом, отношения между предударными [а] и [и^е] аналогичны тем отношениям, которые существуют между [и] и [ы], т. е. оба они являются представителями одной гласной фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге. В свете всего сказанного предударные сочетания типа [та] и [т'и^е] различаются твердостью-мягкостью согласной фонемы при тождественности гласной фонемы.

Гласные верхнего подъема в первом предударном слоге так же, как и в ударенном, различаются на основе наличия или отсутствия лабиализации. Твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)] и [у].

Если мы сопоставим гласные фонемы предударного слога с ударенными фонемами в тех же морфемах, то увидим, что [а], [и^е] в первом предударном слоге являются эквивалентами сильных гласных фонем неверхнего подъема, а [и (ы)], [у] — соответствующих гласных верхнего подъема.

Различение твердых и мягких согласных перед предударными гласными в литературном произношении можно проиллюстрировать следующими примерами.

Перед [а:и^е]: *саво́к, сама́ — с'и во́к, с'и'ло́м, прѣс'и'но́й; за́ла, зава́л — вз'и'ла́, з'и'ва́л; таска́, тану́т' — т'и'са́т', т'и'ну́т'; дама́, дава́т' — д'и'ва́т'; ма́ла — м'и'ла́; па́то́к — п'и'то́к; ба́л'и́т' — б'и'л'и́т'; ва́да — в'и'ду́; владе́л', лама́т' — л'и'до́к; ра́д'и́т' — р'и'ди́т', на насю́ — н'и'с'.*

Перед гласным [у] первого предударного слога противопоставление по твердости-мягкости для шумных согласных практически отсутствует, так как мягкие шумные зубные и губные могут находиться преимуще-

ственно перед [у] флективным и суффиксальным, а это главным образом положение под ударением или заударное. Перед предударным [у] различаются по твердости и мягкости главным образом лишь согласные [л] и [р], например: *клубо́к* — *л'уд'м'я́*, *кл'уч'о́м*, *л'убо́в'*; *руба́ха* — *кр'ука́ми*; и лишь в отдельных случаях представлена мягкость других согласных перед предударным [у]: *т'уф'а́к*, *т'уч'о́к*, *с'уда́* (наряду с *суда́*).

Перед [и (ы)]: *сыро́й* — *с'ил'н'е́е*; *призыва́т'* — *з'има́*; *дымо́к* — *уд'ив'я́т'*; *отмыва́т'* — *м'игну́т'*; *пыл'я́т'* — *п'ил'я́т'*; *клыка́м'и* — *л'иса́*; *рыча́т* — *кряча́т'*; *ныра́т'* — *вынима́т'*.

Во избежание повторения необходимо заметить, что для всех акающих говоров, за исключением икающих, противопоставление твердых и мягких согласных перед предударными [у], [и], а для икающих — только перед [у], иллюстрируется теми же примерами, что даны для литературного произношения.

§ 17. Еканье. В екающих говорах между твердыми и мягкими согласными с одной стороны и последующими гласными первого предударного слога, с другой, представлены отношения аналогичные тем, которые мы наблюдали в литературном произношении. При еканье в первом предударном слоге после твердых согласных произносятся [ы], [у], [а], после мягких — [и], [у], [е]. Гласные [а] и [е] представляют собой варианты одной и той же слабой гласной фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге, являясь при этом самыми открытыми гласными: [а] — после твердых, [е] — после мягких согласных. В результате в екающих говорах твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а:е].

При этом гласные [а:е] являются в первом предударном слоге представителями сильных фонем неверхнего подъема, гласные [и (ы)], [у] — соответствующих сильных гласных фонем верхнего подъема.

Перед [а:е]: *саво́к*, *самá* — *прэс'еню́й*; *за́лá*, *зава́л* — *з'ева́л*, *вз'ела́*; *таню́т'* — *т'еню́т'* и т. д.

§ 18. Сильное яканье. В говорах с сильным яканьем и недисимилятивным аканьем в первом предударном слоге после твердых и после мягких согласных представлен одинаковый состав гласных: [и (ы)], [у], [а]. В отличие от рассмотренных выше систем предударного вокализма при сильном яканье предударная гласная фонема неверхнего подъема представлена звуком [а] не только после твердых, но и после мягких согласных. В результате в говорах этого типа твердые и мягкие согласные противопоставлены перед предударными [и (ы)], [у], [а].

Предударный гласный [а] является эквивалентом сильных гласных фонем неверхнего подъема, а гласные [и (ы)], [у] — соответствующих сильных фонем верхнего подъема.

Перед [а]: *садо́к*, *пса́д'я́* — *с'адо́к*, *пэс'ад'я́*; *зава́л* — *з'ава́л*; *та́ня́* — *т'аню́т'*, и т. д.

§ 19. Иканье. В икающих говорах в первом предударном слоге после твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [а], после мягких — [и], [у]. В отличие от рассмотренных выше систем предударного вокализма при иканье в положении после мягких согласных гласные не различаются по степени подъема, их дифференциальным признаком является только наличие или отсутствие лабиализации. В положении же после твердых согласных сохраняется различие в степени подъема. Таким образом, после твердых и после мягких согласных представлены принципиально различные системы гласных. В результате перед предударными гласными неверхнего подъема в икающих говорах твердые

и мягкие согласные не различаются (в этом положении представлены только твердые согласные). Это различие представлено лишь перед предударными [и (ы)], [у].

Гласный [и] после мягких согласных соответствует не только сильной гласной фонеме верхнего подъема, но и сильным фонемам неверхнего подъема.

Перед [и (ы)]: *отсыр'ёт' — с'илó, с'ил'н'ее, с'ир'ёт', пр'ес'инóй; призывать — з'ивáт', з'имá, вз'илá; дымо́к — уд'ивит', д'илáм'и; отмывáт' — м'иснóй, м'идóвый; пыл'ит' — п'ил'ит', зап'ивáт', и т. д.* Перед [а] — только твердые согласные: *савá, самá, залá, за мнóй, таскá, таскáт', дамá, давай, марóз, махáт'. пан'ос, парóм* и т. д.

§ 20. Умеренное яканье. При умеренном яканье в первом ударном слоге после твердых согласных представлены [и (ы)], [у], [а]. После мягких согласных представлены разные системы гласных в зависимости от качества последующего согласного: перед твердыми согласными — [и], [у], [а], перед мягкими [и], [у]. Таким образом, при умеренном яканье система различения твердых-мягких согласных перед предударными гласными, находящимися в положении перед твердыми согласными, аналогична той, которая представлена при сильном яканье, т. е. твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а]; перед предударными гласными, находящимися в положении перед мягкими согласными, представлена та же система различения твердых и мягких согласных, что и при иканьи, т. е. твердые и мягкие согласные различаются перед [и (ы)], [у], не различаясь перед [а].

При той разновидности умеренного яканья, когда перед мягкими согласными в соответствии с гласными неверхнего подъема произносится гласный [е] (не [и]), представлена несколько иная противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударными гласными в слоге перед мягкими согласными: предударные гласные различаются по степени подъема в слоге перед мягким согласным не только после твердых, но и после мягких. Ср. после твердых — [а], [ы], [у], после мягких — [е], [и], [у]. Употребление гласных [а] и [е], являющихся вариантами одной и той же слабой гласной фонемы неверхнего подъема, обусловлено качеством предшествующего согласного. В результате твердые и мягкие согласные различаются перед предударными гласными [и (ы)], [у], [а:е] в слоге перед мягкими согласными.

§ 21. Диссимилятивное яканье. В говорах с диссимилятивным яканьем и одним из типов диссимилятивного яканья в первом ударном слоге представлены разные системы гласных в зависимости от качества гласного под ударением.

Перед ударенным [а] и гласными, функционирующими так же, как ударенный гласный [а], после твердых согласных в первом предударном слоге представлены гласные [ы], [у], [ъ], после мягких — [и], [у].

Отношения, возникающие между твердыми-мягкими согласными, с одной стороны, и предударными гласными, с другой, в слоге перед ударенным [а] аналогичны тем, что представлены при иканьем вокализме: твердые и мягкие согласные различаются перед верхними гласными [и (ы)], [у], не различаясь перед гласным неверхнего подъема [ъ]; перед [ъ] возможны только твердые согласные.

Перед [и (ы)]: *пр'изывáт' — з'ивáт'; пытáть — р'сп'ивáт' (=распевать, распивать); завывáть — зав'иват'* и т. д.

Перед [ъ]: *с'вá, з'лá, ст'лá, д'мá, см'лá, п'рá, б'жá* и др.

Перед ударенными гласными, функционирующими как гласные верхнего подъема как после твердых, так и после мягких согласных представлен одинаковый состав гласных — [и (ы)], [а], [у]. В результате твердые и мягкие согласные становятся к предударным гласным в те же отношения, которые представлены в говорах с сильным яканьем: твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а].

Перед [а]: *савы — с'астры, пьс'ал'йца; заву — з'арну; с табой — ст'аны* и т. д.

Противопоставление перед [и (ы)] иллюстрируется теми же примерами, что даны при анализе сильнойякающего вокализма.

Противопоставление твердых и мягких согласных перед предударными [и (ы)] и [а] основывается на количественно разном языковом материале в зависимости от того, какой тип диссимилятивного яканья представлен в говоре. Так, при Жиздринском типе яканья гласные неверхнего подъема после мягких согласных совпадают в [и] перед ударенным [а] и в [а] перед прочими гласными. В результате противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударным [а] в этих говорах оказывается более широкой, чем перед [и (ы)]. При Донском типе яканья гласные неверхнего подъема совпадают в [а] лишь в том случае, если под ударением находятся гласные неверхнего подъема, перед прочими гласными совпадая в [и (ы)]. В таких говорах противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударным [а] значительно уже, чем перед [и (ы)]. Эти два типа диссимилятивного яканья с точки зрения противопоставленности твердых-мягких согласных перед предударными [а], [и (ы)] представляют собой две крайние точки. Другие типы диссимилятивного яканья приближаются к тому или другому из указанных типов.

В говорах с диссимилятивным яканьем и недиссимилятивным аканьем представлена та же система различения твердых-мягких согласных перед предударными гласными, что и в говорах с диссимилятивным аканьем. Разница заключается лишь в том, что в говорах с недиссимилятивным аканьем в слог перед ударенным [а] гласным неверхнего подъема, перед которым твердые и мягкие согласные не различаются, является гласный [а], а не [ъ].

Отдельно следует остановиться на Задонской разновидности яканья архаического типа. При этом типе предударного вокализма в слог перед ударенными гласными, функционирующими как [а], представлены гласные [и], [у], [е] после мягких, [ы], [у], [а] (или [ъ], если аканье диссимилятивное) — после твердых согласных.

В результате оказывается, что предударные гласные различаются по степени подъема не только после твердых согласных, но и после мягких. Гласные [а | ъ] и [е] являются вариантами предударной гласной неверхнего подъема. Употребление того или иного варианта обусловлено качеством предшествующего согласного.

Таким образом, при Задонском типе яканья в слог перед ударенным [а] твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а | ъ:е], т. е. представлена та же система различения твердых и мягких согласных перед предударными гласными, что и при еканье.

2. Твердые и мягкие согласные перед гласными второго предударного слога

§ 22. Во втором предударном слог в акающих говорах представлены гласные [ъ], [ы], [у] после твердых согласных, [ь], [и], [у] — после

мягких. Гласный [ѣ] (среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный) и гласный [ь] (переднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный) являются вариантами слабой фонемы неверхнего подъема во втором предударном слоге. Различие в образовании этих гласных обусловлено наличием или отсутствием палатализации предшествующего согласного. Гласные [ѣ] и [ь] находятся примерно в таких же отношениях, как [и] и [ы]. Таким образом, твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными второго предударного слога — [и (ы)], [у], [ѣ : ь].

В связи с тем, что мягкие согласные известны перед [у] главным образом лишь суффиксальным и флексивным, то перед [у] второго предударного слога для зубных шумных и губных согласных противопоставленность твердых-мягких согласных практически отсутствует и ограничено представлена для сонорных [л], [р], [н].

Гласные [ѣ], [ь] являются эквивалентами сильных гласных фонем неверхнего подъема, а в некоторых говорах и верхнего подъема. При этом, если гласный [ѣ] по говорам может выступать представителем как сильной фонемы [и (ы)], так и [у], то гласный [ь] является эквивалентом лишь сильной фонемы [и], что прежде всего связано с отсутствием этимологического [у] после мягких согласных во втором предударном слоге.

Гласные [и (ы)], [у] во втором предударном слоге эквивалентны сильным фонемам верхнего подъема. Кроме того, гласный [у] после твердых согласных по говорам может появиться в результате лабиализации гласного [ѣ] и тем самым соответствовать сильным фонемам неверхнего подъема. Гласный [и] во втором предударном слоге также может представлять сильные фонемы неверхнего подъема.

Как известно, гласный [ѣ] под влиянием соседних артикуляций может сближаться с [а] или [ы] (эти звуки обозначаем знаками *ǎ* и *ǎ̃*). Гласный [ǎ] наравне с [ѣ] в системе гласных 2-го предударного слога функционирует как гласный неверхнего подъема, т. е. противопоставление [тѣ]—[т'ѣ] равно противопоставлению [тǎ]—[т'ѣ]. Изменение же [ѣ] в [ǎ̃] переводит сочетание [тѣ] в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед гласным 2-го предударного слога верхнего подъема, нелабиализованным.

Перед [у]: *судаходный, супаг'у* (ср. *σαπόγ*), *сумавър, нагрызув'ик'е, тугаватый, тупаром, дурач'ок, пул'ем'от, пузырь'ом, пускар'ей, путушыл, пупулам, пумирла, бугародица, мурав'ей, мужык'и, рукав'ица, крукав'ак; лубиной — кл'уч'евайа; кнутов'ий'е.*

Перед [и (ы)]: *с'ураватый, с'инт'ибр'а — сыраватый, сынав'йа, сыматоба; з'улават', з'имл'аньи — азѣр'н'ич'ат; т'иснатá, т'ишинá — тѣпаром; д'ур'ив'ен', — дѣлавой, дѣрагой; п'ид'ис'ат, п'итухá — пылав'йна, пѣп'ир'ок; абыжралас', быйивой — на б'иришкѣ; мѣслабѣйка, мѣлавър — м'илавой, м'инават'; атвѣлак'ит'е, выхадной — в'ич'ир'инка, в'ис'ил'ис'; рѣд'ил'ис; рыбалов — р'идавой, р'исават'; лысаватый — л'исавоз, бл'идनावатый; нѣрад'ит — сн'игавой, н'ич'иво.*

Перед [ѣ : ь]: *сѣдавѣд, сѣхар'у — с'ѣдават; зѣмыват' — з'ѣмават'; тѣпаром — ст'ѣр'игу; дѣрагой, дѣраки — д'ѣр'ив'ен', д'ѣлавой; пѣмирла, пѣт'ишес'т'вийа — п'ѣтуха; бѣраной, бѣкавой — сб'ѣр'игл'у; мѣлакѣ, мѣлавър, мѣрав'ей, мѣхамѣр, мѣжык'у — м'ѣс'н'ик'и м'ѣлавой; вѣдавѣз — раз'ѣс'ил'ица; прѣпадал, рѣкава, рѣбак'у — р'ѣдавѣй; лѣшыл'м'и — л'ѣсн'икѣ; нѣваз'ит — сн'ѣлавѣй.*

3. Твердые и мягкие согласные перед гласными заударных слогов

§ 23. В неконечном заударном слогe в литературном языке и аналогичных в этом отношении говорах как после твердых, так и после мягких согласных представлены слабые гласные фонемы верхнего подъема — лабиализованная и нелабиализованная и слабая фонема неверхнего подъема. При этом слабая фонема неверхнего подъема выступает в варианте [ъ] после твердых согласных, и в варианте [ь] — после мягких. В результате твердые и мягкие согласные противопоставлены перед входящими в неконечный заударный слог гласными [и (ы)], [у], [ъ:ь].

По говорам противопоставление твердых и мягких согласных перед [ъ:ь] опирается на количественно разный материал. Это связано с тем, что гласный [ъ] после твердых, выступая в литературном языке как эквивалент сильных гласных фонем неверхнего подъема, в говорах может функционировать и как представитель сильных фонем верхнего подъема. В подобных говорах расширяется сфера различения твердых и мягких согласных перед заударными [ъ:ь], сужаясь соответственно перед гласными верхнего подъема (последнее широко представлено в южновеликорусских говорах).

Гласный [ь] в неконечном заударном слогe эквивалентен не только сильным фонемам неверхнего подъема, но и сильным фонемам верхнего подъема.

Гласные [и (ы)], [у] в заударном неконечном слогe являются представителями сильных фонем верхнего подъема. Но кроме того гласный [ы] может появиться в результате изменения заударного [ъ] под влиянием соседних артикуляций.

Перед [и (ы)]: *высыпал, досьта — о́с'ин'йу; ко́зыч'ка, ро́зввай — о́зира; ко́стыч'к'и, э́тыва* (род. ед.), *ма́тышка — к ма́т'ир'и; скла́ды-ва́т', д'эдышка — с'эм'д'ис'эт; выпалс'а, с на́пыск'эм — вы́п'исат', вы́п'ил'и; н'эбыла — вы́б'ил'и; сло́мына, вы́мыта — у́м'ирл'и; с'л'ивыш-найа, д'эвышк'и — вы́в'ис'ил, вы́визу; во́лысы, го́лыб'и, — вы́л'ид'ат; в го́рыд'и, до́рыга — по́гр'иба, о́ч'ир'ид'и; пра́зныват', со́лнышка, ну́жныва* (род. ед.), *голо́дному — вы́н'ису, пре́жн'ива, прѣшлаго́д'нему.*

Перед [у]: *высушит, ма́тушка — ба́т'ушка; д'эдушка — д'а́д'ушка; жо́луд'и — вы́пл'унут'; жо́нушка — н'а́н'ушка.*

Перед [ъ:ь]: *до́съта — о́с'ьн'йу; ро́зъвый — о́з'ьра; вы́тъй'ит', э́тъва — зы́тъ'ьмна; д'эдышка — в'ид'ьла; сло́мъна, вы́мъта, па́смър-ный — вы́м'ьс'т'и; с'л'ивъч'ки, д'эвъшка — вы́в'ьзу; во́лъса, го́льб'и, в'ис'о́льйу — вы́л'ьд'ат; в го́ръд'и, вы́ръла — по́ръба; по́нъсу, ну́днъва, гало́днъму — вы́н'ьсу, пр'эжн'ьва, прѣшлаго́д'н'ьму.*

В южновеликорусских и аналогичных средневеликорусских говорах система гласных заударного неконечного слога отличается от системы, рассмотренной выше, наличием гласного [ъ | ѓ] не только после твердых, но и после мягких согласных. Хотя употребление [ъ | ѓ] после мягких согласных и ограничено флексиями род. и дат. ед. прилагательных м. р., где гласный [ъ | ѓ] появился по аналогии с твердой разновидностью склонения, тем не менее это обстоятельство ведет к тому, что в южновеликорусских говорах в заударном неконечном слогe после мягких согласных гласные различают не две степени подъема, а три: верхний — [и (ы)], [у], верхне-средний — [ъ], средний — [ъ | ѓ], при этом гласные [ь] и [ъ | ѓ], выступая в одном и том же положении, различают

слова. Фонологически значимое различие трех степеней подъема в слоге после мягких согласных побуждает и гласные после твердых согласных классифицировать с точки зрения трех степеней подъема. При этом оказывается, что гласному среднего подъема, находящемуся после твердых согласных, в положении после мягких согласных соответствует гласный [ъ | ä]. Гласному же [ь], находящемуся после мягких согласных, после твердых согласных соответствует нет. В результате, в южновеликорусских говорах твердые-мягкие согласные различаются перед гласными заударного неконечного слога [и (ы)], [у], [ъ | ä], не будучи противопоставлены перед [ь]. Если учесть, что в русском языке прилагательных с основой на парный согласный мало, — а в тех, которые имеются, основа оканчивается на [н'], — и что невелико количество существительных с мягкой основой, принимающих в тв. мн. безударные окончания, то станет ясно, что противопоставление твердых-мягких согласных перед гласным [ъ | ä] заударного неконечного слога основывается на ограниченном материале. Ср. *д'эдъшка, гэдъм'и — д'адъм'и; помъсу, нүжнѡва, окнъм'и — пр'эжн'ѡва, бән'зм'и; вольсы, голъб'и, в'ис'олъва, в'илъм'и — рад'ит'ъл'ъм'и.*

§ 24. Система противопоставления твердых-мягких согласных перед гласными конечного заударного закрытого слога в современном литературном языке и аналогичных говорах не отличается от системы противопоставления перед гласными неконечного слога. Твердые и мягкие согласные различаются перед [и (ы)], [у], [ъ : ь]. Гласные [ъ : ь] эквивалентны не только сильным фонемам неверхнего подъема, но и сильной фонеме [и (ы)]. Гласный [и (ы)] в свою очередь в конечном заударном закрытом слогe выступает не только как представитель сильной фонемы [и (ы)]: в средневеликорусских говорах тот же гласный функционирует в качестве представителя сильных фонем неверхнего подъема. Гласный [у] является эквивалентом не только сильной фонемы [у], но и сильных фонем неверхнего подъема, что имеет место во флексиях 3 л. мн. II спр. и тв. ед. сущ. ж. р. Последнее характерно для средневеликорусских и некоторых южновеликорусских говоров.

Перед [и (ы)]: *носъм — нос'им, м'ес'иц; марбозъм — вбз'им; в р'еб'атых, багатый — плат'им, з'ат'им, о д'ет'их; расадый, нѡ агарбдых, каждый — м'ид'вед'им, йед'им; л'ипый, късалапый — кўп'им, вўп'ит'; асобых, бабый — рўб'им; саломый; вўмыт — пер'елом'ит; сл'ивый, нбвый — лбв'ит; в с'бых, в'ис'бый — вўл'ит', сол'ит; вўрыт', ўтрым — гбр'им; ас'иный, ўмный — камн'им, бән'ий, л'ет'н'ий.*

Перед [у]: *вўн'есут — нос'ут, Мар'с'уй; вўв'езут, б'ар'бзуй — гр'аз'уй; вўрастут, н'ев'естуй — вўраст'ут, т'бт'уй; аб'идуй — изгд'ут; л'ипуй — скр'еп'ут; с'илуй — сол'уй, свал'ут и др.*

Перед [ъ : ь]: *вўсѡп', м'асъм — м'ес'ѡц, нос'ыш, с лбс'ъм; б'ир'бзѡй — вбз'ът; л'етѡс', фартѡк, балбтъм, н'ив'естѡй — малбт'ът, рбт'ѡк, гбст'ъм, т'бт'ѡл; стадъм, расадѡй, урбдѡф — с'ад'ъм, д'ад'ѡй; осббѡй, хл'ѡбъм, на свад'бѡх, выбѡл — вўб'ъл; слбмъм, вўмъм, бмъм, дбмъм — ўм'ѡр, дбм'ѡк, пам'ът'; сл'ивѡк, слбвъм, в нбвъм — вўв'ъл; вблѡс, гблѡб', д'елъм — д'ел'ъм, пбл'ъм, вўл'ѡз; гбрд, ўтръм, сбрѡй — вбр'ът, пбгр'ѡб, мбр'ъм, бўр'ѡй; нѡ нѡс, с'ѡнъм, ас'инѡй, нўжнѡй — вўн'ѡс, кам'н'ъм, бән'ѡй, пр'ѡжн'ѡй.*

В южновеликорусских и аналогичных средневеликорусских говорах система противопоставления твердых-мягких согласных перед гласными заударного конечного закрытого слога основана на том же принципе,

что и перед гласными неконечного слога: согласные различаются по твердости-мягкости перед [и (ы)], [у], [ъ | ѣ], будучи только мягкими перед [ь].

Различение твердых-мягких согласных перед заударным [ъ | ѣ] конечного закрытого слога основано на более широком языковом материале, чем перед тем же гласным неконечного слога. Это связано с тем, что конечный закрытый слог чаще, чем неконечный являет собой флексию, а заударный гласный [ъ | ѣ] после мягких согласных употребляется главным образом в именных и местоименных флексиях, где он явился по аналогии с твердой разновидностью склонения.

Ср. *ко́лѣсьм* — *м'ѣс'ѣу*, с *лос'ѣм*; *бра́тѣм*, *н'ив'ѣстѣй*, *л'ѣтѣй* — *в'ѣт'ѣр*, *з'ѣт'ѣм*, *т'ѣт'ѣй*, *тр'ѣт'ѣй*; *ста́дѣм*, *ар'ѣдѣй*, *уро́дѣф*, *ка́ждѣй* — *м'ѣдв'ѣд'ѣм*, *д'ѣд'ѣф*; *ѣтрѣм*, *со́рѣй*, *до́брѣй* — *з'ѣр'ѣн*, *мо́р'ѣм*, *бу́р'ѣй*; *с'ѣнѣм*, *ас'ѣнѣй*, *ѣмнѣй* — *д'ѣн'ѣк*, *ка́мн'ѣм*, *ба́н'ѣй*, *л'ѣтн'ѣй* и т. д.

Выше, при анализе противопоставления твердых-мягких согласных перед заударными гласными неконечного слога в южновеликорусских говорах, было сказано, что заударные гласные [ъ | ѣ] и [ь] могут различать слова. Особенно ясно это видно на материале конечного заударного слога, здесь можно подобрать ряд слов, которые различаются лишь гласными [ъ | ѣ] и [ь]. Ср. *по́л'ѣм* (1 л. мн.) — *по́л'ѣм* (тв. ед.); *мо́р'ѣм* (1 л. мн.) — *мо́р'ѣм* (тв. ед.); показательны также случаи *вы́рас'т'ѣм* (1 л. мн.) — *ѣос'т'ѣм* (тв. ед.), *приго́лѣб'ѣм* (1 л. мн.) — *ѣолѣб'ѣм* (тв. ед.) и др.

В некоторых южновеликорусских, а также средневеликорусских мещерских и в говорах к юго-западу от Москвы, гласный [ъ | ѣ] выступает в конечном закрытом слоге в соответствии с сильной фонемой [и] как в основах, так и в глагольных флексиях II спряжения. В подобных говорах расширяется сфера противопоставления твердых-мягких согласных перед заударным [ъ | ѣ] конечного закрытого слога, так как к этому противопоставлению подключаются случаи типа *но́с'ѣк*, *мо́ст'ѣк*, *м'ѣр'ѣн*, *кѣп'ѣт*, *хо́д'ѣт* и т. д.

В деревнях Порыкино и Рыжево Егорьевского района гласный [ъ | ѣ] представлен и в личных окончаниях I спряжения: *вы́рѣс'т'ѣм*, *вы́д'ѣт*, *с'ѣд'ѣм*, *бу́д'ѣт*. В говорах подобного типа при наличии гласного [ъ | ѣ] в конечных закрытых слогах как в основах, так и в именных и местоименных флексиях гласный [ь] практически устраняется из системы гласных заударного конечного закрытого слога, а следовательно, устраняется положение, в котором твердые-мягкие согласные не различаются.

§ 25. В заударном конечном открытом слоге в литературном языке представлены гласные [ы], [у], [ъ | ѣ] — после твердых согласных, [и], [ѣ], [ъ | ѣ], [ь] — после мягких. Согласные противопоставлены по твердости-мягкости перед [и (ы)], [у], [ъ | ѣ], будучи только мягкими перед [ь].

В говорах в отличие от литературного языка в заударном конечном открытом слоге может отсутствовать гласный [ь], будучи вытеснен гласными [ъ | ѣ] или [и]. Таким образом, по говорам гласный [ъ | ѣ] может выступать в формах 2 л. мн. глаголов, род. ед. сущ. ж. р. с твердой основой, местн. ед. сущ. всех родов, а также в формах без [т] 3 л. ед. глаголов. Гласный [и], в свою очередь, так же может быть представлен в формах 2 л. мн. глаголов, род. ед. сущ. ж. р. с твердой основой, местн. ед. сущ. всех родов. Приведем примеры.

Перед [ъ | ѣ].

В литературном языке: *м'асъ — лос'ъ* (род. ед.), *брос'ъ; балотъ — гос'т'ъ, т'от'ъ, испорт'ъ; аградъ — д'ад'ъ, н'ь гл'ад'ъ; с'энъ — бан'ъ* и т. д.

В некоторых южновеликорусских и аналогичных средневеликорусских говорах: *проса — прос'а, лос'а; роза, с маро'а — зьмароз'а, у роз'а, к бир'оз'а; балотя, работя — малот'а, с работ'а, к н'ив'ес'т'а, ид'йт'а; аградя, садя — д'ад'а, к аград'а, ход'а* и т. д.

В говорах, особенно южновеликорусских, гласный [ъ] в конечном открытом слоге имеет более открытое, чем в литературном языке, образование, значительно сближающее его с гласным [а].

Перед [и (ы)].

В литературном языке: *с ахоты, н'ив'есты — кос'т'и* (род. ед.), *гос'т'и; бабы — голуб'и, к проруб'и* и т. д.

В некоторых южновеликорусских и средневеликорусских говорах: *н'ив'есты* (им. мн.) — *у н'ив'ес'т'и, к н'ив'ес'т'и, кос'т'и* (род. ед.), *гос'т'и, ступайт'и; бабы* (им. мн.) — *у баб'и, к баб'и, к проруб'и* и т. д.

Перед [ь].

В литературном языке: *в м'ас'ь, в балот'ь, ид'йт'ь, в горьд'ь* и т. д.

По говорам слова этого типа произносятся обычно с гласными [и] или [ъ | а] в конечном открытом слоге.

Противопоставление твердых-мягких согласных перед гласным [у] в заударном конечном открытом слоге различий по говорам не имеет. Ср.: *носу — лос'у, к возу — кн'аз'у, лету — гос'т'у, с'илу — аглобл'у, м'иру — мор'у* и т. д.

§ 26. Анализ различия твердых и мягких согласных перед безударными гласными в акающих говорах позволяет сделать некоторые выводы.

В акающих говорах во всех предударных слогах различаются не более трех слабых фонем: лабиализованная и нелабиализованная верхнего подъема и нелабиализованная неверхнего подъема. Слабая фонема неверхнего подъема может выступать в различных вариантах в зависимости от твердости-мягкости предшествующего согласного. В заударных слогах после мягких согласных могут фонологически различаться три степени подъема в связи с выделением в самостоятельную слабую фонему гласного [ь]. Однако по говорам эта фонема очень неустойчива и вытесняется слабыми фонемами [ъ | а] и [и].

Общим для всех акающих говоров является различие твердых и мягких согласных перед гласными верхнего подъема [и], [у] любого безударного слога. Однако по говорам варьируется количественное содержание противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными [и], [у]. Это обусловлено тем, что по говорам безударные [и], [у] могут соответствовать не только сильным фонемам верхнего подъема, но и неверхнего подъема. Ср. систему гласных первого предударного слога икающих говоров, а также систему предударных гласных слога перед мягкими согласными при умеренном яканье, и слога перед ударенным [а] при диссимилятивном яканье. Но особенно часто ударенным фонемам неверхнего подъема соответствуют гласные верхнего подъема во втором предударном слоге и в заударных слогах.

Не всем говорам русского языка свойственно различие твердых и мягких согласных перед гласным неверхнего подъема первого предударного слога. Оно отсутствует в икающих говорах, в слоге перед мягкими согласными при умеренном яканье, в слоге перед ударенным [а] при диссимилятивном яканье. При этом говоры, знающие различие твердых

и мягких согласных перед предударными гласными неверхнего подъема, варьируют качество гласного, выступающего после мягких согласных, от наиболее открытого [а] к наиболее закрытому [и °] через промежуточную ступень [е].

Перед гласными неверхнего подъема второго предударного и заударных слогов твердые и мягкие согласные различаются во всех говорах. Количественное содержание противопоставления твердых и мягких согласных перед этими гласными не одинаково, в зависимости от того, реализуются ли в безударных гласных неверхнего подъема только сильные фонемы неверхнего подъема или к тому же и гласные фонемы верхнего подъема.

II. Твердые и мягкие согласные перед безударными гласными в окающих говорах

1. Твердые и мягкие согласные перед гласными первого предударного слога

§ 27. Во всех окающих говорах в первом предударном слоге после твердых согласных представлен одинаковый состав гласных: [ы], [у], [о], [а].

В слоге после мягких согласных разные окающие говоры имеют различный состав гласных, что связано с неодинаковой по говорам реализацией гласных неверхнего подъема в названном положении. При этом в каждом из окающих говоров в первом предударном слоге после мягких согласных в свою очередь представлен разный состав гласных в зависимости от качества последующего согласного, его твердости или мягкости. Последнее обстоятельство побуждает отдельно рассматривать противопоставление твердых-мягких согласных перед предударными гласными, находящимися перед твердыми согласными, с одной стороны, и перед мягкими согласными, с другой.

Общим для всех окающих говоров является различие предударными гласными трех степеней подъема.

Рассмотрим противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударными гласными в некоторых типах окающих говоров.

а) Говоры, в которых в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми согласными произносятся гласные [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), [о] (в соответствии с сильной фонемой [е]), [е] (в соответствии с этимологическим *è*), [и], [у], а перед мягкими — [а] (в соответствии с [а]), [е] (в соответствии с [е]), [и] (в соответствии с [и], *è*), [у]¹.

В подобных говорах твердые и мягкие согласные противопоставлены перед предударными гласными [а], [о], [и (ы)], [у] слога перед твердыми согласными и не различаются перед [е]. Что касается слога перед мягкими согласными, то здесь твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными [а], [и (ы)], [у], [е : о]. Предударные гласные [е] и [о], исключая друг друга в тождественной позиции, представляют собою варианты одной и той же слабой гласной фонемы среднего подъема, так как наличие или отсутствие лабиализации обусловлено в данном случае положением этих гласных после твердого или после мягкого согласного. Приведем примеры.

¹ Северновеликорусские говоры такого типа упоминаются в „Очерках русской диалектологии“ Р. И. Аванесова (см. стр. 72).

Перед твердыми согласными.

Перед [а]: *самá* — *прѣс'аной*, *за мной* — *вз'алá*, *тану́* — *т'ану́*, *давай́* — *вѣд'аной*, *паром* — *п'аток*, *махáт'* — *м'асной*, *лакáт'* — *зѣгл'ан'и*, *разбóй* — *р'адок*, *нагой* — *сн'атой*.

Перед [о]: *сová* — *с'олó*, *золá* — *з'орно*, *тоскá* — *т'осáт'*, *домá* — *д'оржáт'*, *морóз* — *м'отлá*, *пока́* — *нап'окú*, *бока́* — *б'орú*, *водá* — *в'олá*, *в носú* — *н'осú*.

Перед [и (ы)]: *сырóй* — *с'ирóтка*, *пр'изывáт'* — *з'имá*, *отмывáт'* — *м'игáт'*, *пылáт'* — *п'илá*, *клыкáм'и* — *л'исá*, *рыч'áт'* — *гр'ибы*, *ныр'áт'* — *вын'имáт'*.

Перед [у]: *сумá*, *зубáм'и*, *тупой*, *дугá*, *мужык*, *пухóвый*, *бурáн*, *клубók* — *л'убóв'*, *рубáха* — *крукам'и*.

Перед [е]: *с'едóй*, *д'елá*, *п'етúх*, *б'егóm*, *в л'есú*, *выр'езáт'*, *в сн'егú*.

Перед мягкими согласными

Перед [а]: *тан'и* — *т'ан'и*, *рѣздав'и* — *вод'ан'истый*; *пар'ит* — *п'ат'и*, *разб'ит* — *р'ад'ит'* и т. д.

Перед [и (ы)]: *сыр'эт'* — *с'ин'ит'*, *с'ир'эт'*; *дым'ит'* — *уд'ив'ит'*, *д'ил'ит'*; *бык'и* — *б'иг'и*; *клык'и* — *л'ис'истый*; *ныр'ат'* — *ан'им'эт'* и т. д.

Перед [о : е]: *посол'ит'* — *пос'ел'ит'*, *разор'ит'* — *в з'ерн'е*, *утол'ит'* — *т'ел'ица*, *мол'ица* — *м'ел'и* (пов. накл.); *бор'ис'* — *б'ер'и*, *колот'и* — *л'ет'и*, *нос'и* — *н'ес'и* и т. д.

Перед [у]: *клуб'ица* — *л'уб'ит'*, *руб'ит'* — *кр'уч'ок*.

Во избежание повторения следует заметить, что для рассматриваемых далее типов окающего вокализма противопоставленность твёрдых и мягких согласных перед предударными [и], [у] иллюстрируется теми же примерами.

б) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [и], [у], [е], [о], [а], а перед мягкими — [и], [у], [е]. В отличие от говоров предыдущего типа здесь перед мягкими согласными эквивалентом сильной фонемы [а] является гласный [е]. В результате, в слоге перед твердыми согласными согласные различаются по твердости-мягкости перед предударными [и(ы)], [у], [о], [а], будучи только мягкими перед [е]. В слоге перед мягкими согласными согласные противопоставлены по твердости-мягкости перед [и(ы)], [у], [о : е] будучи твердыми перед [а].

Перед твердыми согласными противопоставленность твердых и мягких согласных перед [о], [а] и неразличение перед [е] иллюстрируется теми же примерами, что даны для говоров предыдущего типа. Приведем примеры на остальные случаи.

Перед мягкими согласными.

Перед [о : е]: *посол'ит'* — *пос'ел'ит'*; *утол'ит'* — *т'ел'ица*, *т'ен'и*; *мол'ица* — *м'ел'и*, *м'ес'н'ик* и т. д.

Перед [а]: *тан'и*, *рѣздав'и*, *разб'ит'* и т. д.

в) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [и], [у], [о], [а], а перед мягкими — [и], [у], [е]. Эти говоры отличаются от предшествующих тем, что гласный [о] является эквивалентом не только сильной фонемы [е] (из е, ъ), но и фонемы, выступающей на месте этимологического ъ.

Твердые и мягкие согласные различаются перед гласными [и(ы)], [у], [о], [а] слога перед твердыми согласными. Что касается слога перед мягкими согласными, то здесь согласные противопоставлены

по твердости-мягкости перед [и(ы)], [у], [о:е], будучи только твердыми перед [а]. См. примеры.

Перед твердыми согласными.

Перед [а]: *самá*—*прѣс'аной*, *тану́*—*т'ану́*, *давай*—*вѣд'аной* и т. д.

Перед [о]: *совá*—*с'оло́*, *золá*—*з'орно́*, *ломáт'*—*л'отáт'*, *л'осá* и т. д.

Перед мягкими согласными.

Противопоставленность твердых и мягких согласных перед безударными гласными в этом положении иллюстрируется теми же примерами, что даны для говором предыдущего типа.

г) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [о] (в соответствии с сильной фонемой [е]), [е] (в соответствии с сильной фонемой [а] и этимологическим ё), [и], [у]; в слоге перед мягкими согласными—[е] (в соответствии с сильными фонемами [а], [е]), [и] (в соответствии с сильной фонемой [и] и этимологическим ё), [у].

В результате в слоге перед твердыми согласными согласные противопоставлены по твердости-мягкости перед предударными [и(ы)], [у], [о], будучи перед [а] только твердыми, перед [е]—только мягкими.

В слоге перед мягкими согласными твердые-мягкие согласные противопоставлены перед гласными [и(ы)], [у], [о:е] и не различаются перед [а]. Приведем примеры.

Перед твердыми согласными.

Перед [о]: *совá*—*с'оло́*, *тосká*—*т'осáт'*, *на носу́*—*н'осу́* и т. д.

Перед [е]: *с'едой*, *прѣс'еной*, *вз'елá*, *т'ену́*, *д'елá*, *вѣд'енной*, *п'етух*, *п'еток*, *б'елом*, *луб'енной*, *м'есной*, *в л'есу́*, *зѣл'ену́*, *выр'езáт'*, *р'едок*, *в сн'егу́*, *сн'етой*.

Перед [а]: *самá*, *за мной*, *таскáт'*.

Положение перед мягкими согласными иллюстрируется теми же примерами, которые используются для иллюстрации аналогичного положения в говорах, рассмотренных в предыдущем разделе.

д) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [и], [у], [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), [е] (в соответствии с сильной фонемой [е] и этимологическим ё), в слоге перед мягкими согласными—гласные [и], [у], [е].

В результате, в слоге перед твердыми согласными твердые и мягкие согласные различаются перед [и(ы)], [у], [о:е], [а]; в слоге перед мягкими согласными согласные различаются по твердости-мягкости перед гласными [и(ы)], [у], [о:е], будучи только твердыми перед [а].

Перед твердыми согласными.

Перед [о:е]—*совá*—*с'елó*, *золá*—*з'ерно́*, *тосká*—*т'емно́* и т. д.

Перед [а]—*самá*—*прѣс'аной*, *за мной*—*вз'алá* и т. д.

Перед мягкими согласными.

Противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударными гласными в этом положении для данного типа говором иллюстрируется теми же примерами, что и для говором предыдущего типа.

Систему противопоставления твердых и мягких согласных перед предударными гласными в окающих говорах можно для большей наглядности представить следующими схемами.

Тип говора	Перед тв. согл.	Перед мягк. согл.
а	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'о [◌] — т'е [◌] та [◌] — т'а [◌]	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'е [◌] та [◌] — т'а [◌]
б	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'о [◌] — т'е [◌] та [◌] — т'а [◌]	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'е [◌] та [◌]
в	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'о [◌] та [◌] — т'а [◌]	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'е [◌] та [◌]
г	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'о [◌] — т'е [◌] та [◌] — т'а [◌]	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'е [◌] та [◌]
д	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'е [◌] та [◌] — т'а [◌]	ты [◌] — т'и [◌] ту [◌] — т'у [◌] то [◌] — т'е [◌] та [◌]

2. Твердые и мягкие согласные перед гласными второго предударного слога

§ 28. В диалектологической литературе имеются лишь весьма неполные сведения о вокализме безударных слогов, кроме первого предударного, в окающих говорах. Особенно это касается реализации гласных неверхнего подъема после мягких согласных, т. е. явления, представляющего в окающих говорах значительную пестроту. Этот пробел в русской диалектологии обусловлен в значительной степени тем, что все имевшиеся программы для собирания диалектологических сведений не фиксировали достаточного внимания на вокализме безударных слогов (кроме первого предударного) окающих говоров. Даже в „Программе собирания сведения для составления диалектологического атласа русского языка Института русского языка АН СССР“ не предусмотрены сведения о гласных второго предударного слога после мягких согласных в окающих говорах. В результате у нас нет систематических сведений об этом разделе безударного вокализма.

При рассмотрении противопоставленности твердых и мягких согласных перед гласными безударных слогов (кроме первого предударного) мы можем пользоваться содержащимися в некоторых диалектологических статьях сведениями о безударном вокализме окающих говоров отдельных населенных пунктов, в лучшем случае районов, но не тех или иных определенных групп говоров, как это наблюдалось при анализе различия твердых и мягких согласных перед гласными первого предударного слога. Полученные на этом материале данные о различии твердых

и мягких согласных перед безударными гласными действительны только для отдельного конкретного говора, а не для группы говоров с аналогичным вокализмом, так как неизвестно, распространен ли этот вокализм во многих говорах или встречается только в данном.

§ 29. В статье П. С. Кузнецова „О безударном вокализме говоров Владимирской обл.“¹ содержатся сообщения о вокализме второго предударного слога некоторых говоров с неполным оканьем Ставропольского и Кольчугинского районов Владимирской области.

В этих говорах эквивалентами сильных гласных фонем неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных являются гласные [ъ] или [ǎ] („краткое а, несколько более высокого подъема, чем обычное а“²) и [y] (в результате лабиализации [ъ] в известных условиях); после мягких согласных — [а], [и], [ь]. Автор не фиксирует внимания на реализации сильных фонем верхнего подъема во втором предударном слоге, но судя по имеющимся в тексте примерам в соответствии с сильными фонемами верхнего подъема выступают [y], [и (ы)].

Таким образом, в этих говорах так же, как и в говорах акающих, во втором предударном слоге гласные различают две степени подъема: верхний — [и], [y] и неверхний — [ъ/ǎ], [е], [ь]. Гласные неверхнего подъема [ъ/ǎ] с одной стороны, и [е], [ь] — с другой, в одном и том же положении друг друга взаимно исключают: [ъ/ǎ] употребляется только после твердых, [е], [ь] — после мягких согласных. В результате твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласным второго предударного слога — [и (ы)], [y], [ъ/ǎ : е/ь].

§ 30. В „Очерках русской диалектологии“ Р. И. Аванесов указывает на то, что в акающих говорах во втором предударном слоге после мягких согласных встречается частичное или полное совпадение гласных неверхнего подъема и приводит типовые примеры различной реализации этих гласных: *п'атака́, р'обова́той* (или *п'етакá, р'ебова́той*), но до *п'отрова́ дн'и́, п'отухá; п'етакá, р'ебова́той, до п'етрова́ дн'и́, но — п'отухá; п'етакá, р'обова́той, до п'етрова́ дн'и́, но — п'итухá; п'етакá, р'ебова́той, до п'етрова́ дн'и́, п'етухá*³.

К сожалению, мы не можем воспользоваться в нашей работе этими сведениями, так как Р. И. Аванесов не указывает, свойственны ли подобные типы неразличения гласных неверхнего подъема лишь говорам с полным оканьем или же некоторые из них известны и говорам с не полным оканьем.

Некоторый материал, отражающий вокализм второго предударного слога как после твердых, так и после мягких согласных в одном из говоров с полным оканьем, представлен в статье О. Брока „Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда“⁴. В этом говоре во втором предударном слоге после твердых согласных различаются гласные [о], [а], [ы], [y], являющиеся эквивалентами соответствующих сильных фонем; после мягких согласных представлен различный состав гласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного: в слоге перед твердыми согласными гласные [и], [y], [о] (в соответ-

¹ „Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР“. Вып. 3. М., 1948.

² Там же, стр. 41.

³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 110.

⁴ Сб. ОРЯС, 83. СПб., 1907.

ствии с сильной фонемой [e] и [ě]¹, [a] (в соответствии с сильной фонемой [a]), в слоге перед мягкими согласными — [и], [у], [e] (в соответствии с сильными фонемами [a], [e], [ě]). В результате мы имеем неодинаковые системы различения твердых и мягких согласных перед гласными второго предударного слога перед твердыми согласными, с одной стороны, и перед мягкими, с другой: в первом случае твердые и мягкие согласные противопоставлены перед [и (ы)], [у], [o], [a], во втором — перед [и (ы)], [у], [o:e], будучи только твердыми перед [a]. Иллюстрируем это не только примерами, имеющимися в статье, но в ряде случаев и реконструированными по их типу.

Перед твердыми согласными.

Перед [и (ы)]: *дымоход* — *д'иковáтый*², *мыловáр* — *м'иновáт'*, *рыболóв* — *р'исовáт'*.

Перед [у]: *судоходный*, *туговáт*, *дурацóк*, *пузыр'ók*, *мужык'и*, *круговáйа* и *кл'уч'овáйа*.

Перед [o]: *солов'ей* — *с'онокóс*, *торговáт'* — *т'оснотá*, *дорогой* — *д'оловой*, *попрос'и* — *п'отухá*, *бородá* — *б'остолковый*, *воробей* — *в'оквой*, *носовой* — *сн'озовой*, *ломовой* — *л'осовóт*.

Перед [a]: *сапогóф*, *задав'ит'*, *старовáт*; *парохóт* — *п'атоуцóк*.

Перед мягкими согласными.

Перед [у]: *глуб'инá* — *кл'уч'овáйа*.

Перед [o:e]: *соб'ирáт'* — *с'еребрó*, *с'ер'едá*; *доб'ирáт'* — *д'ер'ев'енска*; *подр'озáт'* — *п'ед'ес'áт*; *б'ер'егá*, *б'ер'егл'и*, *пов'ез'она*, *св'ед'оны*, *в'еу'орá*, *пр'ин'ес'она*, *н'е посóбен*, (=не способен), *л'еп'отáт'*, *л'ес'н'ик'и*, *тр'ес'ет'ó*.

3. Твердые и мягкие согласные перед гласными заударных слогов

§ 31. В говорах с неполным оканьем, описанным в упомянутой выше статье П. С. Кузнецова, в заударных слогах, исключая конечный открытый слог, после твердых согласных различаются гласные [ъ (ǎ)], [ы], [у]. Гласный [ъ (ǎ)] является эквивалентом сильных фонем неверхнего подъема; гласный [ы] является эквивалентом сильной фонемы верхнего подъема, а в конечном закрытом слоге — сильных фонем неверхнего подъема, гласный [у] соответствует сильной фонеме [у]. После мягких согласных в заударных слогах (за исключением конца слова) представлены гласные [e], [ь] (в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема), [и] (в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема и [и]), [у].

В результате в этом говоре твердые-мягкие согласные противопоставлены перед гласными заударных слогов (исключая конец слова) [и (ы)], [у], [ъ | ǎ : ь | e]. При иллюстрации этого противопоставления в отношении реализации гласных неверхнего подъема пользуемся только примерами, данными в статье, в отношении же реализации гласных верхнего подъема привлекаем примеры, реконструированные по типу имеющихся в статье.

¹ В статье встретился пример лишь на [o] из [ě] перед твердыми согласными, на этимологическое [ě] в этом положении примера не нашлось. Однако, помня о том, что переход [ě] в [o] всегда сопровождается переходом [e] в [o] (см. С. П. Обнорский. Переход e в o в современном русском языке), делаем вывод, что гласный [o] во втором предударном слоге после мягких согласных соответствует не только сильной фонеме [ě], но и [e].

² В статье О. Брока транскрипция дается латинскими буквами, которые мы заменяем буквами русского алфавита.

Перед [и(ы)]: *отгадыват' — на д'ин'.*

Перед [ъ | ѣ : ь | е]: *работъла, тѹтѣд'и, из ѣтѣва, жолтѣй, н'емѣтѣй, гадѣс', как сл'ѣдѣват, вѣсѣхла, г бѣлѣч'к'е, ф пѣлѣск(ом) по-сѣд'е, старѣва, с'ѹтнѣва, уч'ѣнѣй, солѣм'инѣй, л'ѣн ѣт, зѣпан, пѣтпѣл — пѣм'ер, ѹм'ѣр.*

В конечном открытом слоге представлено по существу смешение двух систем заударных гласных: с одной стороны, система, характерная для говоров с неполным оканьем: [ъ | ѣ], [ы], [у] — после твердых согласных, [е] (в соответствии с сильной фонемой [е] и этимологическим ѣ), [и] (в соответствии с сильной фонемой [и] и этимологическим ѣ), [у] — после мягких; с другой, элементы заударного вокализма с полным оканьем, проявляющиеся в наличии [о] в соответствии с сильной фонемой [о] после твердых согласных и в соответствии с [е] — после мягких. В результате твердые и мягкие согласные оказываются противопоставленными не только перед заударными [ъ | ѣ : е], [и(ы)], [у], но и перед [о].

Перед [о]: *надо, поп'ѹт'то, д'ѣло — вр'ѣм'о.*

Перед [и(ы)]: *с'ѹлы — напѣл'и, вз'ѣл'и; раздѣры — бѹр'и свѣр'иш.*

Перед [у]: *к вѣзу — кн'ѣз'у, с'ѹлу — оглобл'у, жѣн'ш'ину — д'ир'ѣвн'у.*

Перед [ъ | ѣ : е]: *н'ѣѹшта, брѣта, в'ѣдра, нав'ѣрна, хорѣшѣва, надѣ, дѣлѣ — пол'е.*

§ 32. В говорах с полным оканьем юго-западной части Тотемского уезда в заударных слогах после твердых согласных различаются гласные [а], [о], [ы], [у], являющиеся эквивалентами соответствующих сильных фонем; лишь гласный [а] функционирует в качестве представителя сильной фонемы [о] в конечном открытом слоге во флексии род. ед. прилагательных м. р. Кроме того, в заударных слогах известен гласный [ъ] в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема.

После мягких согласных представлены гласные [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), [о] (в соответствии с сильной фонемой [ѣ]), [е] (в соответствии с сильной фонемой [ѣ]), [и], [у]. При этом различия в составе гласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного не наблюдается.

В результате твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными [а], [о], [и(ы)], [у] заударных слогов и не различаются перед [е], [ъ].

В связи с тем, что реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах в общем очень неоднородна, мы будем иллюстрировать противопоставленность твердых и мягких согласных перед заударными гласными только примерами, имеющимися в статье О. Брока, не привлекая реконструированных по их типу.

Перед [а]: *на схѣдах, бѣбам (дат. тв.), дѣброва, худѣва, зд'ѣланѣ — прѣкл'ата, п'ѣтл'а, пост'ѣл'а; д'ѹт'атко, кѣрм'ат.*

Перед [о]: *слѣток — в'ѹт'ор, л'ѣкт'о, д'ѣр'ѹт'ос'; ловок, скѣвороды — двугр'ѹв'оной; хвѣрос, скѣвороды, стѣроны — мѣр'о; гѣлот, вѣлос, пѣло, н'ѣбуло — кѣл'ош, пѣл'о; вр'ѣм'о, слѣбѣдон.*

Перед [у]: *к нѣсу — лѣс'у; к вѣзу, морѣзу — к л'ѣту, пѣпрѣсту, бѹдут, ѣт роду; к звѣну — кѣмн'у.*

Перед [и(ы)]: *кѣсы, морѣзы, н'ѣв'ѣсты, вѣды — смѣрѣд'ина, хѣд'иш, гѣн'иш, смѣтр'иш.*

Перед [ъ]: *хлѣбѣм, ц'ѣснѣй, с'ѣнѣ, хорѣм, шѣст'ѣрѣ, гѣрѣт, дѣбрѣй, пѣлѣн, д'ѣлѣм, хѣлѣднѣ, пл'ошѣтѣй.*

Перед [e]: *вoс'ем, погры́з'ен, на м'йс'т'е, напр'ёд'ено, в'йд'ела, пог'йб'ел', н'е поcоб'ен, пом'ер, мам'енька, в д'йл'е, на б'ер'ек, йэc-тр'еп* (= ястреб), *тoн'еш, кoн'ей*.

§ 33. Анализ различения твердых и мягких согласных перед безударными гласными в окающих говорах позволяет сделать следующие выводы.

Во всех окающих говорах представлены различные системы противопоставления твердых и мягких согласных перед предударными гласными в слоге перед твердыми согласными, с одной стороны, и в слоге перед мягкими согласными, с другой. Подобное различение обусловлено неодинаковой реализацией сильных гласных фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного; в слоге после твердых согласных во всех окающих говорах представлен одинаковый состав гласных.

Во всех окающих говорах твердые и мягкие согласные противопоставлены перед предударными гласными верхнего подъема [и(ы)], [y]. Во многих говорах, преимущественно в слоге перед мягкими согласными, предударные гласные [e] и [o] выступают как варианты одной и той же слабой фонемы среднего подъема, так как наличие или отсутствие лабиализации в этом случае обусловлено мягкостью или твердостью предшествующего согласного (т. е. сочетания [то] и [т'е] различаются качеством согласного при тождестве гласного элемента). Перед предударным гласным [a] твердые-мягкие согласные в одной части говоров противопоставлены (главным образом в слоге перед твердыми), в другой — бывают только твердыми (главным образом в слоге перед мягкими).

Что касается остальных безударных слогов, то здесь в окающих говорах представлено два типа противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными гласными в зависимости от системы реализации сильных гласных фонем неверхнего подъема в этих слогах. В говорах с неполным оканьем, где гласные в безударных слогах, кроме первого предударного, как и в акающих говорах, различают лишь две степени подъема, твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными [и(ы)], [y], [ъ/ǎ: ь/е]. Говоры с полным оканьем, где не только в первом предударном, но и в остальных безударных слогах гласные различают три степени подъема, знают иную систему различения твердых и мягких согласных в данном положении. Так, в упомянутом выше говоре Тотемского уезда перед гласными второго предударного слога так же, как перед гласными первого предударного слога, представлены разные системы различения твердых и мягких согласных в слоге перед твердыми согласными, с одной стороны, и в слоге перед мягкими согласными, с другой.

§ 34. В истории языка возможны случаи, когда морфологические по своему происхождению явления вносят известные изменения в фонетическую систему и, наоборот, фонетические изменения меняют некоторые звенья морфологической системы. В применении к категории твердости-мягкости согласных нам уже приходилось сталкиваться с явлениями такого рода. Отмечалось, что распространение в результате морфологической аналогии окончания дат. ед. -у на все сущ. м. р., окончания им. мн. -а на сущ. ж. р. с основой на мягкий согласный, окончания род. мн. -ов на сущ. всех родов и т. д. расширяет возможности противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными [y], [o], [a]; отвердение губных на конце слова в некоторых говорах приводит к тому,

что существительные, оканчивающиеся на отвердевший губной, переходят в твердую разновидность склонения и т. д. Высказанное положение может быть проиллюстрировано еще рядом явлений, известных говорам русского языка и косвенно связанных с различием твердых и мягких согласных перед гласными.

В русском языке весьма ограничен круг прилагательных с мягкой основой. По своему происхождению это прилагательные, произведенные от наречий с помощью суффикса *-ьн'ь-*. Исключение составляет прилагательное *синий*. В результате мягкая разновидность прилагательных всегда имеет основу, оканчивающуюся на [н']: *домáшний, вчерáшний, вech'рний, крáйний* и т. д. Но во многих говорах, преимущественно северновеликорусских, мягкая разновидность прилагательных приравнивается к прилагательным с основой на [н] твердый. В таких говорах в формах прилагательных, исключая прилагательное *синий*, перед ударными гласными, входящими во флексию, бывают только твердые парные согласные и никогда мягкие.

Ср. *л'ишн'ьва* — Александ. (МДК, II, стр. 136); *вчорашной, осенной* — Ярослав. (Тихв., стр. 57); *ос'онный д'ен', в'ес'онной, в л'етно врем'а* — Пудож. (ИЯз, Б. сев., 69); *здéшний, прéжний, утренный, вech'рный, рáнный, пóздный* — Петроз. (Мат. в-р, IV, 30); *рáнной, пóздной, вчeрáшной, крáйной* — Холмогор. (там же, VIII, 80); *серéдной, нын'ешнова, крáйной, послéдное, фчeрáшнова, послeднова* — Устюж. (Белор., стр. 223); *давнóшной д'ело, з'имно врем'а* — Мяксин. (ИЯз, Б. сев., 605); *нóн'ишний гот, давнóшнойа, зд'ешный, в зал'еташнам году* — Новос., Серед. (там же, 82, 101); *вн'утренных, лишнава, из Н'ижнава, малолéтной, домáшнава, пóзная, лишно, лишнаю, вéрхная* — Моск. (Черныш. 68, стр. 105); *лишную, дрéвных, малолéтные, здéсных, па давнóшному* (в последнем случае отвердение [н] перед [и] произошло видимо под влиянием формы *давно*) — Клин. (Черныш. 75, стр. 27); *з'дéшнийи, дрéвнай, лéтная время, дáльную старóнку, прéжнийи* — Касим. (Будде, К ист., стр. 197) и др.

Однако в некоторых из перечисленных говоров мягкая разновидность прилагательных по существу не исчезла, так как в этих говорах наряду с формами прилагательных с отвердевшим [н] в основе существуют формы, в которых твердый согласный [н] смягчился под влиянием предшествующего [л']. Этот процесс смягчения происходил, видимо, тогда, когда отвердение [н'] в мягкой разновидности уже закончилось, так как вновь смягченное [н'] этому отвердению не подверглось. В результате в подобных говорах появился новый ряд прилагательных с мягкой основой; среди них были и такие, которые несли ударение на окончании, чего в прилагательных с исконно мягкой основой не бывает. Ср. *на вóл'н'ом с'в'ит'е довóл'н'о, прáв'ил'н'о, остал'н'и* — Пудож. (Аван. II, стр. 247; ИЯз, Б. сев., 69); *шал'н'ийе, бол'н'ой, с'ыл'н'о* — Заонеж. (там же, 63); *об'изáт'ил'н'о, бол'н'о, н'епос'ыл'н'айа* — Приоз., Каргоп. (там же, 140, 145); *вóл'н'уйу, искл'уц'ит'ел'н'о, пыл'н'о, прáв'ил'н'о* — Чер. (там же, 364, 366, 386); *бол'н'о, бол'н'айа, с'ыл'н'о* — Тихв. (МДК, II, стр. 111); *с'ыл'н'ова, бол'ной, с'ыл'ной* — Весегон. (там же, 596); *довóл'н'о, мам'ентáл'н'о, добровóл'н'о, хм'ел'н'о* — Волох. (там же, 163, 304, 306) и т. д.

В результате появления [н'] под влиянием предшествующего [л'] существительное *лен* сближается с мягкой разновидностью склонения: *л'н'у* из *л'н'у* — Белом. (ИЯз, С-зап., 360), Весегон. (МДК, II, стр. 151), Чер. (ИЯз, Б. сев., 366); Белоз. (МДК, II, стр. 58).

Значительно реже встречается в северновеликорусских говорах появление конечного [н'] основы в положении после твердых зубных взрывных [т], [д]: *в'йт'ор холóдн'ой* — Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 63); *п'утн'а то м'ат'* — Ладейноп. (ИЯз, С-зап., 167); *на скóт'н'ем* — Серед. (там же, 82); *'йт'н'ово* — Окул. (там же, 507); *скóтъней м'ос, дорóд-нева* — Уст., Тот. (Белор., стр. 223, 240); *холóбн'ий д'ён, перéдн'е крыл'чó* — Котел. (МДК, IX, стр. 111); *в'атн'о, холóдн'о* — Приоз. (ИЯз, Б. сев., 140).

Сокращение употребления мягкого согласного [н'] перед заударными гласными по говорам происходит за счет сохранения группой существительных ж. р. архаического образования на -на, вместо нового -н'а; Ср. *барышна* — Котел. (МДК, IX, стр. 112), Ржев. (МДК, VIII, стр. 27); *светилна, колоколна, конюшна, маслобойна* — Уст. (Мат. в-р, III, 28); *колокольна, швальна, купальна* — Соляв., Тот., Кадник. (Белор. стр. 223) и др.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ

§ 35. В результате падения редуцированных в языке образовался целый ряд неизвестных ранее сочетаний согласных. В пределах одного слога появились сочетания типа *t't* (из *t'bt*), *t't'* (из *t'bt'*), *t't'* (из *tbt'*), *tt* (из *tbt*). В пределах сочетаний неодинаковых по твердости-мягкости могли осуществляться различные ассимилятивные процессы, являющиеся как бы продолжением обозначившейся еще в общеславянском языке тенденции к тому, чтобы согласные в пределах одного сочетания были однородны в отношении твердости-мягкости. Прежде, чем обратиться непосредственно к анализу твердых и мягких согласных перед согласными, следует высказать некоторые замечания о характере имеющегося материала и прежде всего о диалектном материале. Не всякое сообщение о том или ином употреблении твердых и мягких согласных в интересующем нас положении следует принимать как безусловное, соответствующее действительности. Нередко собиратели сведений о том или ином говоре, фиксируя свое внимание лишь на явлениях диалектных, не отмечали особенностей, известных как литературному языку, так и говорам, в особенности, если эти последние не предусмотрены программой, по которой собираются сведения. Так, например, в ответах на „Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“ Института русского языка АН СССР ассимилятивное смягчение часто не обозначается. Однако это вряд ли можно принимать как свидетельство действительного отсутствия ассимилятивного смягчения. Вполне вероятно, что собиратели материала, фиксируя внимание на явлениях, предусмотренных программой, проходят мимо явлений непредусмотренных. Это же заставляет сомневаться и в достоверности обозначения ассимилятивного смягчения.

С бóльшим доверием мы можем относиться к указаниям, содержащимся в материалах, собранных по программе Московской диалектологической комиссии и по Программе для собирания особенностей великорусских говоров 1900 г., предусматривающих произношение согласных в положении перед согласными, а также материалам описаний говоров, где такое произношение специально оговорено.

§ 36. Следует остановиться также на обозначении твердости-мягкости согласных в языке древнерусских памятников. Утрата редуцированных

в южных древнерусских говорах закончилась в основном во второй половине XII в., в северных — в первой половине XIII в. Однако на письме употребление букв ъ и ь сохранилось до значительно более позднего времени. На конце слова ъ и ь обозначают мягкость и твердость согласных. В середине же слова употребление ъ и ь не всегда имеет фонетическое значение и нередко является всего лишь данью графической традиции. Особенно это относится к этимологическому употреблению букв ъ и ь. Чаще фонетически значимым может быть неэтимологическое употребление букв, обозначающих редуцированные гласные, т. е. употребление буквы ъ вместо этимологического ѓ, ѓ вместо этимологического ѡ или той и другой буквы в положении, никогда не знавшем редуцированного гласного. Однако и здесь не всякое написание может быть показательным. Так, мена ъ и ь может быть результатом механического смешения букв, утративших значение определенных гласных. Следует также помнить, что мена букв ъ и ь, особенно на конце слова, в древнерусских памятниках могла появиться как результат южнославянского влияния. Например, в Ипат. 1425 имеются написания *Игорь* 128 об., *король* 147 г, 148 а, *внукъ володимерь* 55 а, *онъ добрынъ* 54 а, *братенъ привъздъ* 298 а, *солъ* 266 г, *князь* 257 а и т. д.¹ Это графическое явление возникло на южнославянской почве, на основе проходившего там фонетического процесса отвердения полумягких. При этом в болгарских памятниках появилась тенденция писать ѓ как в соответствии с ѓ, так и с ѡ; в сербских же памятниках напротив возобладала буква ѡ. Все это следует учитывать при анализе случаев неэтимологического употребления букв ъ и ь.

§ 37. Анализируя этимологическое употребление букв ѓ и ѡ после падения редуцированных, следует разделять употребление ѓ и ѡ в корнях и суффиксах. Эти две категории случаев необходимо разделить по следующим соображениям. Как известно, редуцированные первоначально утратились в корнях (собственно в начальном слоге тех слов, в которых слабый редуцированный не чередовался с сильным) и значительно дольше сохранились в суффиксах. Это должно было способствовать тому, что в суффиксах дольше сохранялось традиционное употребление букв ѓ и особенно ѡ. Но более позднее, чем в корнях, исчезновение редуцированных в суффиксах, могло оказать соответствующее влияние и на последующий звуковой вид слова. Так, если допустить, что в корнях утрата редуцированных имела место раньше, чем в суффиксах и притом, возможно хотя бы в части говоров, до окончательного развития полумягких в мягкие, то видимо согласный, находившийся перед слабым [ѡ] после исчезновения этого [ѡ] должен был утратить свою позиционную полумягкость и остаться твердым. В суффиксах редуцированные держались дольше и утратились после смягчения полумягких. Поэтому некоторые согласные, предшествующие слабому [ѡ] суффикса, после утраты редуцированного оставались мягкими (ср. возможность произношения по говорам *скрѡм'ный* из *скромный* при невозможности произношения *м'ну* из *мьну*, *п'ну* из *пьну*). Этим обстоятельством может быть и объясняется последовательное сохранение буквы ѡ в суффиксах в памятниках вплоть до XVII в.

¹ Такого рода мена ѡ и ѓ, а также написание после мягких согласных вместо ожидаемых ѡ, ѡ, ѡ, ю, и — ѓ, ѓ, ѡ, ѡ и, наоборот, после твердых согласных — ѡ, ѡ, ю, и встречается в русских памятниках и до падения редуцированных. Например, в ОЕ 1056, И 76, М 97, ЕПс XI в., где является результатом влияния южнославянских оригиналов.

Однако в равной степени можно допустить, что последовательное сохранение буквы *ь* в суффиксах обусловлено орфографическими правилами, которые в отношении написания суффиксов, как часто повторяющихся морфем, могли оказаться очень устойчивыми. Написания с этимологическим *ь* в суффиксах после того или иного согласного могут быть фонетически показательными в том случае, если эти написания встречаются в сочетании с пропуском *ь* или употреблением буквы *ѣ* вместо этимологического *ь* в аналогичных суффиксах, но после других согласных. Примером может явиться Повесть о разорении Рязани (около XVI в.), где пишется *проньского, воиньскихъ, ѡт ѹрьска, резаньского, но киевское, черниговское, муромское*. Видимо в речи писца перед суф. -ск-мягкость [н'], [р'] сохранилась, а мягкость губных утратилась.

Наиболее ярко свидетельствуют об отвердении согласных перед суффиксом, утратившим начальной [ь], написания с *ѣ* вместо этимологического *ь*. Приведем примеры из ряда древнерусских памятников.

Суф. -ьск-: *жидовъ/ския* 67г (Г. Код. 1357); *Хвостовъское, Юрьевъскихъ, Елезаровъскимъ, Василевъское, Московъскихъ, изъ Московъскихъ, Малаховъское, Костянтиновъское, Островъское, Михалевъское, Домантовъское, Ивановъское, Дмитровъское, Звѣрковъское, Борисовъское, Милолюбъския, Кузовъская, Ослебяшевъское, Остафьевъское, Петровъское, Фроловъское, Оньдрѣвевъское, Переяславъскихъ, Гордошевъскими, но — Ориньское, Копотенское, Звенигородъскиѣ, Фоминьское, Добрятиньская, Коломенъскиѣ, Устьмерско, Ходыньский, Кузьмидемьяньское, Глинъско, Рѣпинъское, Напрудъское, Луциньское, Дѣунинъское, Олексинъское, Сохонъскимъ, Иконъская* (Дух. Дм. Дон. 1389); *кыевъским* (СлК XIV в.); *адамъ/скоу* 77б, *содомъскы* 43а (Кол. П. 1405); *кыевъскыи* 46в (Ипат. 1425); *литовъскыи, кыевъскыи* (Гр. 1438); *псковъского* (Гр. 1463); *псковъ/скихъ* (Пск. суд. 1467) *бесовъ/стемъ* 52 об (П 1494); *крлмъскоѣ* 20об (Поуч. еп. Л. XIV в.); *ѣсовъское* 62, *хиравимъствмъ, ерслмъскыи* 112 (Панс. сб. XIV в.); *зиноевъскую* (Дв. гр. № 82); *Родивоновъской, Павловъскаго* (Угл. гр. № 11, XV в.); *римъскаа, христианъскы* (Сл. зак., XVI в.); *Резанъской* (А. межд., XVII в.).

Суф. -ьн-: *наивъныхъ* (ДЕ 1164); *предънихъ* 144 (ВСб XII в.); *снѣдно, равъно, темъны* (ГЕ 1266); *животъныи* 16 (Пан. Е. XIII в.); *телесънаи* (Поуч. КБ XIII в.); *соутъныи* 109 (Пол. Е. 1307); *грѣзъна* (Ап. 1307); *бортъныци* (Дух. Дм. Дон. 1389), *блудъ/но, одесъ/ную* 4 об (Пог. Ап. 1391); *праведъныи* 102а (Г. Код. 1357); *наносънаго* 16, *народъныи* 56 (Арх. Л. XIII в.); *противъною* 12а (Ев. апр. XIV в.); *винъноградъныхъ* (Сб. гр. л. 15, XIV в.); *хресънаго* 353, *заборъна* 162, *изъ-окрестъны* 158 (Лавр. XIV в.); *окрестъная* 82, *звѣздъныа* 60а, *зимъныи* 71б, *разумъныхъ* 72а, *грѣховъ/ноѣ* 74а, *непреступъ/наго* 80а, *животънаго* 71б, *земъ/наго* 85а, *блго/родъныхъ* 77б (Кол. П. 1406); *постъныя* 203 (Ипат. 1425); *неверъ/ных* 91 об, *праздъ/новат* 89 об, *истинъ/на* 85 об (Панс. сб. XIV в.).

Суф. -ьств-: *послѣдъствуемъ* 12об (Ряз. корм. 1284); *наслѣдствую* 54, 58 (Пут. Е. XIII в.); *царъство* (Пол. Е. 1307); *ятъство* (РЛА, XI, 1350); *въслѣдствуующими* 155 г, *наследъствоуите* 109 в (Г. Код. 1357); *храбръствоу* 169об (Лавр. XIV в.); *владъству а* 70 об (Кол. П. 1406); *родъства* (А. Межд. XVII в.).

Суф. *-ѣд-*: *правѣды* (ГЕ 1266); *въ правѣдоу* 150а (Г. Код. 1357); *правѣду* 163 об (Лавр. XIV в.); *правѣдино, въ Правѣдинѣ* (Угл. гр., XIX, 1572).

Суф. *-ѣц-*: *рязанѣци* 88 (Синод. XIII в.); *немѣземѣ* (Гр. 1330); *снѣѣца* 425 (П 1494).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что согласные отвердели перед суффиксами *-(ѣ)ск-*, *-(ѣ)н-*, *-(ѣ)ств-*, *-(ѣ)д-*, *-(ѣ)ц-*. Утрата мягкости проходила неодинаково интенсивно в зависимости от качества самого согласного. Губные согласные наиболее рано получили тенденцию к отвердению. Так, в Духовной Дмитрия Донского 1389 г. при графическом сохранении *ѣ* в суффиксе *-ѣск-* после зубных, после губных последовательно пишется *ѣ*, что может рассматриваться как свидетельство о раннем, в сравнении с зубными согласными, отвердении губных согласных перед суффиксом *-ѣск-*. Довольно устойчиво сохранялась мягкость согласных [н'], [р'] перед суффиксами *-ѣск-*, *-ѣств-* (так, например произношение *госудѣр'ство, жѣн'ский* встречается и в современных говорах).

После этих вводных замечаний обратимся непосредственно к вопросу о том, как вели себя твердые и мягкие согласные в сочетаниях согласных, возникших после падения редуцированных.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 38. Перед твердыми губными, зубными и задненебными. В результате падения редуцированных губные согласные образовали с последующими твердыми согласными сочетания следующих типов: *t(ѣ)t — в(ѣ)пал, м(ѣ)ного, сум(ѣ)ка, трав(ѣ)ка; t'(ѣ)t — м(ѣ)зда, м(ѣ)гновение, м(ѣ)ру, скром(ѣ)на, ям(ѣ)ской, п(ѣ)су, п(ѣ)ну, п(ѣ)ру, п(ѣ)хати, прав(ѣ)да, ов(ѣ)са, слав(ѣ)но, рыб(ѣ)на, б(ѣ)рати.*

Сочетания первого типа никаким изменениям не подверглись: твердые губные в положении перед твердыми согласными не изменяли своего качества. Мягкие губные, оказавшись после падения последующего [ѣ] в положении перед твердыми губными, зубными и задненебными согласными по свидетельству памятников стали твердыми. При этом, в соответствии с хронологией падения редуцированных, губные согласные раньше отвердели в тех сочетаниях, которые входят в состав корня, позже — в сочетаниях, образовавшихся на стыке корня и суффикса. Так имеющие фонетическое значение случаи написания буквы *ѣ* на месте этимологического [ѣ] в корнях, встречаются уже в сравнительно ранних памятниках: *омѣнѣ* 8 об (Пут. Е. XIII в.); *мѣ/ствѣ* 115 (Синод. XIII в.); *мѣздоу, мѣзды* (Пол. Е. 1307); *пропѣноу, распѣноу* 146г, *распѣнуть* 1486, *оумѣрыи* 1226 (Г. Код. 1357); *Коломѣну* (Гр. ИК 1327 г.); *мѣгла* 10 (Сл. о полк. Иг.); *отомѣститѣ* (А. Межд. XVII в.). Мягкие губные перед твердыми зубными¹ следующего суффикса, как было показано выше, отвердели позже, чем в корнях.

§ 39. Результатом осуществления названных процессов явилось то, что в современном языке, включая говоры, в положении перед твердыми губными, зубными и задненебными употребляются только твердые губные согласные.

Ср. *впал, лаптѣ, овсѣм, всадѣть, вломѣться, сомнѣ, вносѣть, мнѣго, врач, трѣпка, сѣмка, трѣвка.*

¹ В данном случае мы говорим только о зубных согласных в связи с тем, что нет случаев употребления суффиксов, начинающихся на твердые губные и задненебные согласные, после корней, оканчивающихся на мягкий губной согласный.

В некоторых северновеликорусских и средневеликорусских говорах мягкие губные согласные могут появляться в положении перед [с], что является результатом сохранения губными согласными мягкости, некогда полученной перед гласным [ь] старых суффиксов *-ьск-*, *-ьств-*. Ср. *молепльствие, думьский, ямьской, зёмьской* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *от зём'ства* — Медв. (ИЯз, Б. сев., 25); *сум'ск'и, москоф'ск'и* — Волох. (ИЯз, С-зап., 57); *молепльствие* — Мур. (Мат. в-р, XI, 93); *зёмьской* — Уст. (там же, III, 28), Макар. (МДК, XII, стр. 110); *к'ироф'ск'ий, москоф'ск'ий* — Кумен. (ИЯз, III, 27); *зёмьскаму, кузёмьский, касимьскава уезду* — Касим. (Будде, К ист., стр. 134, 196); *новоржэвьский* — Новорж. (Мат. в-р, V, 39).

В отдельных северновеликорусских говорах мягкие губные отмечены перед [н], входящим в старый суф. *-ьн-*. Ср. *скромный* — Холмогор. (там же, VIII, 80).

Крайняя немногочисленность случаев сохранения мягкости губных перед суффиксами, утратившими [ь], еще раз свидетельствует о том, что отверждение губных перед зубным согласным следующего суффикса проходило более интенсивно, чем отверждение зубных согласных в том же положении (см. ниже о широком распространении по говорам мягкости зубных перед названными суффиксами). В подобных говорах создается некоторая возможность противопоставления губных согласных по твердости-мягкости в положении перед твердыми зубными согласными. Ср. *молеп'ствие* — *пса́*, *москоф'ский* — *офса́*, *зём'ский* — *камса́*, *скром'ный* — *мно́го*. Противопоставление это естественно сокращается в говорах, знающих мягкий согласный [с'] в суф. *-ск-*: *москоф'с'кий, зём'с'к'ий*.

§ 40. Перед мягкими губными и зубными согласными. После падения редуцированных губные согласные с последующими мягкими согласными образовали сочетания типа: *t(ъ)t' — в(ъ)бити, в(ъ)везти, в(ъ)зяти, б(ъ)дети, люб(ъ)ви, п(ъ)тица, лап(ъ)ти; t'(ъ)t' — в ов(ъ)се, п(ъ)сина, дерев(ъ)ня*; примера на мягкий губной перед мягким губным, в языке нет.

Данные письменных памятников, как и показания живого языка, говорят о том, что твердые губные в положении перед мягкими губными смягчались. Ср. *любьве* 6с (Пол. Е. 1307); *вь вькы* (Гр. 1229); *любьви* (РЛА, XXV, XIII в.); *любьви* 161в (Поуч. КБ XIII в.); *любьви* 140б (Г. Код. 1357); *любьве* 163об, *любьви* 110об (Пог. Ап. 1391); *вьпишетъ*, *вь великы* 80в, *любьве* 86а (Кол. П. 1406).

В положении же перед мягкими зубными не только твердые губные оставались твердыми, но и мягкие утрачивали мягкость. Об этом свидетельствуют случаи написания буквы *ѣ* на месте этимологического [ь]: *вьсици* (Син. пс. 1296); *пѣскова* (Суд. нов. 1471); *деревню, вѣсьмѣ* (Угл. гр., LIV, 1525 г.).

Однако в ряде памятников встречаются написания, как бы свидетельствующие о смягчении губных перед мягкими зубными: *вьзати* 84в, *взаша* 55в (ГЕ 1144); *вьзаша* 98а, *вьза* 17а (ДЕ 1164); *пърете* (Гр. 1229); *вьзатъ* 142а (Пар. 1271); *вьзятъ* (ВСб XIII в.); *вьзатъ* 242а (Поуч. К. Б. XIII в.); *пъризвавъ* (ГЕ 1266); *вьсе* 124, *на вьсеи* 235, *вьсехъ* 213, *вьсакого* 126 (Синод. XIII в.); *пътиць, оумьретъ* 29об, *пъриидоуть, пътиць, мьрѣжа* 32об (Пут. Е. XIII в.); *вьзиду* (Пол. Е. 1307); *вьщищеть* 60а, *пъресту/пленицѣ* 71в, *добръ* 77б (Кол. П. 1406); *обь/сѣдлахоу* (Ипат. 1425); *къфь/рѣмъ* 1, *оу/мьретъ* 240 (Поуч. ЕС 1492); *вьсплатъ* (Задон. 1470).

Подобные написания, вероятно, свидетельствуют о том, что в некоторых говорах древнерусского языка наблюдалось ассимилятивное смягчение губных согласных перед зубными.

Выше говорилось о том, что губные перед *l-epentheticum* после смягчения полумягких стали мягкими¹. Такими же они оставались и после падения редуцированных, о чем свидетельствуют частые случаи написания *ь* после губных перед *l-epentheticum* в памятниках XIV—XV вв.

§ 41. В современном языке, включая говоры, в положении перед мягкими губными, губные по твердости-мягкости не различаются, будучи в этом положении всегда мягкими. Ср. *л'уб'в'и, на т'у'м'б'ь, в лам'п'ь, ап'еч', ф'п'йл'ь*. (Очерк гр., стр. 57); *в'в'ерх'у* — Вожг. (ИЯз, III, 10); *л'ив'м'а* — Каш. (Смирн., стр. 76); *об'м'эсть* — Чемб. (Мат. в-р, XI, 229); *ип'т'ан'у'л'и, в'б'элам, из'м'ан'ыл'и* — Спас. (Аван. I, стр. 185) и т. д.

Однако в литературном языке смягчение губных перед мягкими губными в настоящее время не выдерживается последовательно, возможно произношение *л'убв'и, в лам'п'ь, абв'ол*; в говорах отсутствие смягчения замечается главным образом на стыке приставок с основами. Ср. *об'ветрить* — Чемб. (Мат. в-р, XI, 228); *абв'эсил* — Зарайск. (Петр., стр. 31); *об'м'эрить, об'м'ирать* — Каш. у. (Смир., стр. 70); *об'ветрить* — Семен. (Мат. в-р, XI, 118).

§ 42. В положении перед мягкими зубными согласными [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'], [р'] в литературном языке, как и в большей части говоров, твердые и мягкие губные не различаются, в названном положении употребляются только твердые губные согласные. Ср. *пт'ица, вд'эт', обт'осыват', вз'ат, в офс'э, о пс'э; мн'э, д'ер'эвн'а, з'емл'а, вл'эз'т', умр'и, бр'ит'*.

В положении перед мягкими зубными согласными возможно произношение мягких губных лишь на стыке основы императива с окончанием 2 л. мн. или с возвратной частицей, а также на стыке двух основ: *пр'иб'аф'т'е, упр'ам'с'а, н'и сп'ис'иф'с'а с'эм'д'ес'ат*. Это свидетельствует о том, что губные согласные здесь ведут себя как на конце слова, т. е. мягкие сохраняют мягкость, отличаясь от твердых. Характерно, что в говорах, знающих лишь твердые губные на конце слова, твердые губные представлены и в названных формах. Ср. *приб'аф'ти, сэм'д'ис'ять, ни упр'ям'ься* — Моск. (Черныш., 68, стр. 45); *рассып'ься, ни сп'ис'иф'с'я и нисп'ис'иф'с'я* — Мещ. (Черныш., X, стр. 376); *сэм'д'ес'ат* — Унин., Вожг. (ИЯз, III, 10, 20).

В северновеликорусских и реже в средневеликорусских говорах возможно наличие мягких губных перед [н'], но это явление лексически ограничено, оно распространяется главным образом на произношение слова *деревня*. Ср. *дер'ев'н'а* — Ковж., Маяк. (ИЯз, Б. сев., 204, 199, 605, 366, 137), Каргоп. (там же, 148, 151), Вытег. (Мат. в-р, II, 22), Мур. (там же, X, 90), Кинеш. (там же, XI, 92; VIII, 66), Семен. (там же, XI, 118), Уст. у. (там же, VIII, 48), Касим. (Будде, К ист., стр. 199), Холм. (Мат. в-р, VIII, 68), Унин., Омут. (ИЯз, III, 21, 26) и др.; *хл'эб'ьник, харч'эвн'я* — Кинеш. (Мат. в-р, VIII, 66); *леч'эб'ьница* — Мур. (там же, XI, 90), Холмогор. (там же, VIII, 80); *хл'эб'ьник, леч'эб'ьница* — Уст. (там же, III, 28); *к'уф'н'я* — Семен. (там же, XI, 118).

Мягкие губные перед *l-epentheticum* сохранились в немногих северновеликорусских говорах. Ср. *зем'л'а* — Инсар. (там же, 231), Семен.

¹ До смягчения полумягких губные в этом положении, по мнению А. А. Шахматова, были полумягкими (см. „Очерк древнейшего периода...“, стр. 179).

(там же, 118), Казан. (там же, 92), Егор. (Шахм., стр. 212), Чучк. (Сидор., стр. 102); *землю, дешевле* — Холмогор. (Гранд., стр. 39); *конопля, вопль* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *с'п'лу* — Тот. (Брок, стр. 87). В единичных случаях в говорах мягкие губные встречаются перед [т'], [д'], [з']: *в'д'ер'ев'н'и* — Егор. (Шахм., стр. 212); *л'ап'т'и* — Касим. (Будде, К ист., стр. 173); *в л'ап'т'и и пт'ица* — Зарайск. (Петр., стр. 31); *в'з'ет', в'з'ал* — Тот. (Брок, стр. 86). Подобное произношение переключается с приведенными выше данными памятников, свидетельствующими о возможности смягчения губных перед мягкими зубными в древнерусском языке.

В северновеликорусских говорах мягкие губные могут выступать перед [с'], что стало возможно в результате сохранения губными мягкости перед гласным [ь] суффиксов *-ьск-*, *-ьств-* и смягчения [с] под влиянием предшествующего [ь]. Ср. *знакомьсьво* — Петроз. (Мат. в-р, V, 34); *холопьськее* — Вологод. губ. (Белор. стр. 218); *зэм'с'к'ой* — Белоз. (МДК, II, стр. 58).

В тех случаях, когда мягкость губных перед зубными является не просто результатом ассимилятивного смягчения, а представляет мягкость, независимую от качества последующего согласного, можно говорить о том, что в соответствующих говорах существует известное различие твердых и мягких губных перед мягкими зубными: Ср. *вн'из — д'ер'ев'н'и, хлопн'и — хл'эб'н'ик, мям'а — з'ем'л'а, пл'еск — воп'л'*.

§ 43. Перед смягченными заднеязычными. Сочетания губных со смягченными заднеязычными образовались главным образом за счет утраты гласного [ь] в суф. *-ьк-* (сочетаний „мягкие губной + ь + + мягкий заднеязычный“ в древнерусском языке не было). Следует заметить, что наиболее ранние случаи употребления смягченных заднеязычных, обязанные своим появлением морфологической аналогии, как раз отмечены в суф. *-ьк-*. См. в Минее 1095 г. написание *Дьмькь* (дат. ед.).

У нас нет необходимого материала, на основании которого можно было бы судить о том, подверглись ли губные согласные смягчению перед смягченными заднеязычными после того, как утратился развешивающий их гласный [ь]. Вероятнее всего подобное смягчение осуществлялось. Ср. *въ Киевъ* 204г (Ипат. 1425). Выше (см. стр. 143) мы приводили примеры на употребление буквы ь в качестве знака мягкости в исконных группах согласных в иностранных словах. Среди них есть примеры, свидетельствующие о смягчении губных перед смягченными заднеязычными: *параскевью* 236е, *Лвьгитъ* 137с (ДЕ 1164); *навьина* 202с (ЮЕ 1120). Можно думать, что это смягчение, отмеченное в ранних памятниках до завершения процесса утраты редуцированных, продолжалось и в более поздние эпохи. Его результаты сохранились и в современном языке. В положении перед смягченными заднеязычными губные согласные смягчаются в литературном языке и большинстве говоров, знающих мягкие губные на конце слова. Так, произношение *тр'ап'к'и, д'эф'к'и, с'ум'к'и, й'ам'к'и* представлено в говорах Касим., Егор., Зарайск. (Будде, К ист., стр. 73; Мат. в-р, XI, 193; Петр., стр. 31), Спас., Чучк. (Аван. I, стр. 185; Сидор., стр. 101), Одоев., Заокск. (ИЯз, К зап. от М., 652, 662, 669), Чемб., Мокш., Инсар. (Мат. в-р, XI, 229, 230, 231), Муром. (там же, 100) и др. В тех говорах, где на конце слова губные бывают только твердыми, почти всегда отсутствует мягкость губных в положении перед смягченными заднеязычными. Ср. *ш'эпк'и, л'апк'и, у м'амк'и, б'апк'и, тр'эфк'и* — говоры Ле-

нинградской обл. (ИЯз, С-зап., 5, 10, 22, 24, 29, 46, 173), Кировской обл. (ИЯз, III, 2, 4, 5, 20, 27), Молотовской обл. (там же, 21—23), Новг. (Мат. в-р, II, 20), Вытег., Петроз. (там же, II, 22; V, 34), Чухл., Солигал. (МДК, VIII, стр. 21), Псковской губ. (там же, стр. 3), Мещ. (Мат. в-р, XI, 150), Калужской обл. (ИЯз, К зап. от М., 637, 634, 622, 623), Воронежской губ. (Филат., стр. 287) и др.

Смягчение губных перед смягченными заднебными в говорах с отвердевшими губными на конце слова встречается редко. Оно отмечено в Калуж. (ИЯз, К зап. от М., 640), Тихв., Белоз. (МДК, II, стр. 107, 58). Обратное соотношение — отсутствие мягкости губных перед мягкими заднебными при наличии мягких губных на конце слова — отмечено в говорах Макар. и Буйск. (Мат. в-р, VIII, 120; I, 18), Полн. (ИЯз, С-зап., 79), Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57), Дубен. (ИЯз, К зап. от М., 651), Тарус. (там же, 659).

§ 44. Перед [j]. Как известно, до падения редуцированных сочетания губных с [j] в русском языке отсутствовали. После падения редуцированных губные согласные, оказавшись в положении перед [j], смягчались, что прослеживается в правописании памятников. Ср. *въпрославль* (Нов. гр. № 20, 1392); *убьѣхаша* 160 об (Лавр. XIV в.); *обыгадень* 85а (Кол. П. 1406); *въежаютъ* (Гр. 1483); *въ кого гибели* 8 об., *въ его место* 2, 2 об. 7 (Суд. 1497); *въяколи, въ еремѣвъ, въ еловую* (Новг. ряд. XV в.); *въ ихъ* (Угл. гр. 1563); *побьется* 10, *въ яме* (Пск. суд. XVI в.); *объятъ* (Сл. зак. XVI в.); *въ Ярославле* (А. Межд. XVII в.).

Аналогичное смягчение представлено в современном языке, включая большинство говоров. Для литературного языка отмечено, что смягчение губных перед [j] на стыке приставки и корня, а также предлога и следующего слова в настоящее время последовательно не выдерживается. Ср. *сем'я́, п'я́ный, морко́в'ю, об'яв'ят'* и *объяв'ят', об'я́хат'*.

По говорам отсутствие смягчения губных перед [j] обычно сопутствует неразличению твердых и мягких губных на конце слова. Твердые губные перед [j] представлены главным образом на западе русской языковой территории, в говорах южновеликорусских и переходных, реже в северновеликорусских. Ср. *крѡвью сви(я) крѡви* — Елец. (Мат. в-р, XI, 188); *свѣякрѡвьѧ* — Цигр. (Хал. 76, стр. 13); *бѣю, пѣю, вѣю, сылавѣи, абѣвѣсь, абѣхатъ, пѣяная* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 160); то же в говорах Жиздр. у. (МДК, VIII, стр. 8), Брян., Малоарх. (там же, III, стр. 53, 156), Вязем. (там же, II, стр. 80); в большинстве говоров Новгородской губ. губные тверды на конце слова и перед [j] (там же, III, стр. 99); то же в Порох., Холм. (Мат. в-р, XI, 175; МДК, III, стр. 54), в Осташ., Новоторж., Стар., Твер. (там же, III, стр. 69, 93; VIII, стр. 29; Черныш., 75, стр. 3); *объѣм, бѣют, папѣю* — Моск. (Черныш., 75, стр. 39; Черныш., XIII, стр. 176); *свѣкрѡвью, морко́вью, крѡвью* — Костр. (Виногр., стр. 20); *мѣю, мѣет* — Яросл. (Мат. в-р, VIII, 59); *бѣю, пѣют, здорѡвѣе, вѣюга, вѣюн* — Каш. (Смирн., стр. 80); то же в Поморье (ИЯз, Б. сев., 4) и т. д.

§ 45. Перед шипящими и [ц]. В эпоху после падения редуцированных шипящие согласные и [ц], с которыми в известных случаях столкнулись предшествующие губные согласные, были мягкими. Памятники свидетельствуют, что в этих случаях твердые губные согласные могли подвергаться ассимилятивному смягчению, а мягкие сохраняли свою мягкость. Ср. *ропыщуть* (Син. Пс. 1296); *ропыщуть* 9 (Пол. Е. 1307); *мѣщение* 91в, *промышеса* 155а (Г. Код. 1357); *ропыщуть* (Лавр. XIV в.); *къ оставшиесѧ* (Ск. Б. Г., XIV в.); *оувидѣвши* 136 (Ипат. 1425).

Неясно, сразу ли подверглись отвердению мягкие губные, оказавшиеся перед мягкими шипящими в результате утраты разделявшего их гласного [ь], т. е. в таких случаях, как, например, *в(ь)чера*, *об(ь)чина*, *б(ь)чела*.

В современном языке, включая большинство говоров, перед шипящими и [ц] губные согласные всегда тверды. Ср. *фша*, *лапшá*, *офчйна*, *блчество* (просторечное), *офца́*, *купца́*, *община*.

Очень редко по говорам случаи ассимилятивного смягчения губных перед [ч']: Ср. *ф' ч'улан'и*, *ф' часы́*, *п'ч'обы*, *п'заб'ф'ч'атай* — Зарайск. (Петр., стр. 31); *кр'п'ч'е* — Льгов. (Мат. в-р, VIII, 76); *ловычвой* — Холмогор. (там же, 80). В немногих северновеликорусских говорах произносятся мягкие губные перед [ц], входящим в состав старого суф. -ьц-: *купца́* — Петроз. (Мат. в-р, V, 34), Холмогор. (там же, VIII, 80), Мур. (там же, XI, 190).

§ 46. Проведенный анализ соответствующего материала показывает, что та система употребления твердых и мягких губных согласных перед согласными, которая представлена в современном языке, сложилась вскоре же после падения редуцированных. Для древнерусского языка эпохи после падения редуцированных так же, как и для современного, было характерно неразличение твердых и мягких губных в положении перед другими согласными. В современном языке перед твердыми зубными, губными и задненебными могут произноситься только твердые губные согласные; перед мягкими губными — только мягкие губные согласные. Кроме того, в этом положении могут появляться твердые губные согласные на стыке приставок и корней, предлогов и последующих слов. Перед мягкими зубными представлены твердые губные согласные. Перед мягкими задненебными и [j] в разных говорах бывают или только мягкие или только твердые губные согласные.

В древнерусском языке было шире представлено ассимилятивное смягчение губных; некоторые памятники фиксируют его перед мягкими зубными и шипящими согласными и перед *l-epentheticum*. Следы этого смягчения представлены и в отдельных современных говорах, что создает возможность различения твердых и мягких губных перед [л'] в некоторых говорах.

В немногих, преимущественно северновеликорусских говорах, известно частичное различие твердых-мягких губных согласных перед твердыми и мягкими зубными согласными, ставшее возможным в результате сохранения губными согласными мягкости перед суффиксами, некогда начинавшимися гласным [ь].

ЗУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 47. Перед твердыми губными и задненебными согласными. Данные правописания письменных памятников указывают на то, что мягкие зубные согласные после утраты последующего [ь] сохраняли мягкость в положении перед твердыми губными и задненебными согласными, независимо от того, входили ли последние в состав суффикса или корня. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство: в древнерусских памятниках после мягких зубных перед твердыми губными и задненебными буква *ь* часто сохраняется. Написания *свадьба*, *горько*, *рдька*, *дадька*, *татьба*, *тьма*, *борьба*, *гридьба*, *Вазьма* обычны; реже буква *ь* в этом положении пропускается. Ср. *татбою* 624 (Р. Пр. 1282); *сватбою* 35, *безнатбе* (т. е. безъ *знатьбы*) 45 (Синод. XIII в.); *Кузму* 148,

ÿ *клязмы* 161 (Лавр. XIV в.); *во тму* (РЛА, XL, XIV в.); *тамба* (Новг. гр. № 20, 1471); *писама* 4 об., *вазма* 5 об., *тамбою* 2 (Суд. 1497); *писама* XXV, *Васка* XXVIII; *деревенка* XXXVIII (Угл. гр. XVI—XVII); *о денгах*, с *Кузмою* (А. Межд. XVII в.) и т. д.; ѣ вместо ь в этом положении встретилось в случае *соу/дѣбы* (Кол. П. 1406). Написания с пропуском буквы ь типа *тма*, *о денгахъ*, сѣ *Кузмою* историками русского языка относились к числу не имеющих фонетического значения. Это можно считать безусловно справедливым только для более древней эпохи, но не позднейшей. Дело в том, что в некоторых современных говорах представлено отвердение зубных согласных в аналогичных положениях. В Грязовецком у. Вологодской обл. зафиксировано произношение *тотма* (*Тотьма*), *ходба*, *свадба* (МДК, III, стр. 73). Отвердевшие [с], [з] перед [м] (т. е. произношение, аналогичное тому, которое имеем в *Кузма*) встречается несколько чаще, хотя это явление и ограничено словами *письмо*, *возьму* и реже *восьмой*. Например: *письмо*, *возмѹ* Переясл. - Зал. (МДК, IX, стр. 79); *письмо* — Унин. (ИЯз, III, 26), Егор. (Шах., стр. 211), Касим. (Мат. в-р, VIII, 47); *письмо*, *васъмой* — Моск. (Черныш., XIII, стр. 165); *письмо*, *вазьмѹ*, *асъмнѣтцать* — Вер. (Черныш., X, стр. 369, 374).

В отдельных русских говорах отмечен согласный [н] в соответствии с этимологическим [н'] перед [к] в суф. *-еньк-*: *дѣденка*, *тѣтенка*, *Оленка*, *Машенка* — Егор. (МДК, III, стр. 17); *б'ѣл'енк'и п'ерш'ѣточ'к'и* — Плес. (ИЯз, Б. сев., 97а); *д'ѣд'инка* — Дух. (МДК, II, стр. 82); *т'отенка* — Донские казаки (Сол., 68). Впрочем появление [н] твердого в данном случае можно расценивать не только как результат отвердения [н'] перед [к]: согласный [н] в суф. *-еньк-* мог явиться под влиянием слов с суф. *-енк-*, *-инк-* (*мѣшенка*, под влиянием *вишенка*).

Эти данные можно интерпретировать двояко. Можно предположить, что в древнерусском языке после падения редуцированных наметились две тенденции в произношении твердых-мягких зубных согласных перед твердыми губными и заднеязычными. В одних говорах древнерусского языка, видимо в большей их части, мягкие зубные сохраняли мягкость в названном положении, в других мягкие зубные перед этими согласными отвердевали. Может быть, это отвердение и отразилось в написаниях типа *Кузма*, *тма* и т. п. Однако в дальнейшем, в общевеликорусском масштабе, победила тенденция сохранения мягкости в указанном положении, а результаты отвердения сохранились лишь в немногих говорах. Но с другой стороны, случаи отвердения зубных в современных говорах в перечисленных выше случаях могут быть новообразованиями, не отражающими состояния языка в эпоху непосредственно после падения редуцированных. В таком случае и написания типа *Кузма*, *тма* и т. п. не имеют фонетического значения.

Сочетания согласного [р] с последующими твердыми губными и заднеязычными согласными существовали в древнерусском языке и до падения редуцированных. Наличие этих сочетаний стало возможным после смягчения полумягкого [р'] в сочетании **tbrt*. Вопрос обозначения мягкости [р'] в сочетании **tbrt* усложняется тем, что неэтимологическое употребление букв ѣ и ь после [р] было широко известно древнерусским памятникам. Оно было обусловлено стремлением писцов сочетать живое русское произношение сочетаний **tbrt*, **tbrt* со старославянским написанием. Подобное написание возникло до падения редуцированных, когда буквы ѣ и ь еще не могли фигурировать в качестве знаков твердости и мягкости согласных. После падения редуцированных буквы ѣ и ь постепенно при-

обрели значение знаков твердости и мягкости согласных. Но передача на письме групп **tbrt*, **tbrt* с неэтимологическими *ѣ*, *ь* после плавного могла сохраниться по традиции и следовательно буквы *ѣ*, *ь* в этом случае могли и не иметь фонетического значения.

Однако наличие [р'] в группе **tbrt* перед губными и задненебными согласными в современных говорах позволяет думать, что древнерусские написания с *ь* после *р* в некоторых случаях имеют фонетическое значение. Ср. *первьш*, *померькнетъ* (Пол. Е. 1307); *померь/кнетъ* 124а, *въстерь/нѣте* 37а, *из цѣркви* 98а, *почерь/пала* 146 (Г. Код. 1357); *черьмноѣ* 60, *исперьва* 186 об и *перво* 45, *исперва* 179 об (Пог. Ап. 1391); *цѣрковь* (Моис. Е. 1355); *в верхнемъ* № 3, *оу верхъ* № 112 (Дв. гр.); *отверьгу* 31 об, *растерьнуть*, *терьплю* *iv* (Пут. К. XIV в.); *померькло* (Задон. 1470); *верьла* 29, *истерьгнуть* 34 об, *померькнетъ* 162, *черьмноѣ* 127 об (Паис. сб. XIV в.) и т. д.

Твердые зубные перед твердыми губными и задненебными как в исконных сочетаниях, так и в тех, которые возникли в результате утраты разделявшего эти согласные гласного [ѣ], естественно никаким изменениям в отношении наличия или отсутствия палатальности не подвергались.

В результате, мы можем сказать, что уже непосредственно после падения редуцированных возникло противопоставление твердых и мягких зубных согласных перед твердыми губными и задненебными согласными, так широко представленное в современном языке.

§ 48. В современном литературном языке и во всех говорах перед твердыми губными согласными противопоставлены зубные согласные [т']—[т], [д']—[д], [с']—[с], [з']—[з], [н']—[н], [р']—[р]. Ср. *свѣд'ба*, *рез'ба*, *т'ма*, *воз'мѣ*, *п'ис'мѣ*, *гон'бѣ*, *бор'бѣ*, *тур'мѣ*—*одбыл*, *избѣ*, *отмѣт'*, *измѣч'ит'*, *столѣ*, *анбѣр* (простореч.), *вѣрба*, *карман*, *отпрѣв'ит'*, *оспа*, *два*, *твар'*, *звон*, *сват*.

В литературном языке нам не удастся найти пример на сочетание согласного [с'] с последующим [в]. В северновеликорусских говорах подобное сочетание возможно в результате упрощения группы [ст] в суф.-ств-в [с] и сохранения этим [с] мягкости, полученной некогда под влиянием предшествующего гласного [ѣ]. Ср. *богѣс'во*—Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57); *хл'ебопѣшес'во*—Поморье (там же, 4); *цѣр'с'во*—Шунг. (там же, 52); *богѣс'во*, *госудѣр'с'ву*, *произвѣс'во*—Пудож. (ИЯз, С-зап., 304); *п'йѣн'с'во*, *рожес'вѣ*—Тихв. (МДК, II, стр. 107); *купѣчесьво*—Уст. (Мат. в-р, III, 28); *с'ем'ейс'во*—Чер. (ИЯз, Б. сев., 364); *балосьвѣ*, *плутосьвѣ*, *сирѣсьво*, *богѣсьво*—Костр. (Виногр., стр. 53) и др. В одном из говоров Холмогорского у. отмечено произношение *ос'па* (Мат. в-р, VIII, 80).

В русском литературном языке перед твердыми губными представлены согласные как [р], так и [р'], хотя последний и в очень ограниченном количестве слов. Так, в „Очерке грамматики русского литературного языка“ Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова в качестве примера на произношение [р'] перед губными приводится лишь слово *кутерьма* (стр. 56), к этому примеру можно добавить еще—*сурьма*, *тюрьма*, *борьба*.

В северновеликорусских и средневеликорусских говорах возможность различия [р] и [р'] перед твердыми губными расширена за счет сохранения [р'] старого сочетания **tbrt*, первоначально получившего мягкость под влиянием предшествующего гласного [ѣ]. В южновеликорусских говорах эта особенность почти не встречается. Приведем примеры: *п'ер'вой*, *с'ер'п*—Пришекс. (ИЯз, С-зап., 382); *в'ѣрба*, *п'ѣр'вы*—Тихв.

(МДК, II, стр. 107); *ст'эр'ва* — Белоз. (там же, стр. 58); *пёр'вой, сер'п* — Котел. (Мат. в-р, VIII, 76), Кадник. (там же, III, 25), Шунгин. (ИЯз, Б. сев., 52), Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80), Новоторж. (ИЯз, С-зап., 821); *нац'ер'пай* — Медв., Пудож. (ИЯз, Б-сев., 55, 69); *пёр'ва, поц'ер'плет, сер'п, вёр'бнова* — Твер. (Черныш., 75, стр. 3, 4, 8); *вёр'ба* — Цив. (Мат. в-р, XI, 143); *п'эр'вай, с'ер'п, в'эр'ба* — Спас. (Аван. I, стр. 183); *вёр'ба, пёр'вай, цёр'пала* — Касим. (Будде, К. ист., стр. 193); *сер'п, пёр'вай, вёр'ба, чёр'палиш* — Моск. (Черныш., 75, стр. 38; Черныш., 68, стр. 110); *пёр'вай, стёр'ва* — Клин. (Черныш., 75, стр. 14, 27); *стёр'ва, п'эр'вэй* — Воскрес., Мож. (МДК, III, стр. 128); *пёр'вый, сер'п* — Чемб. (Мат. в-р, XI, 229), Серед. (ИЯз, С-зап., 82) и многие другие говоры. Согласный [р'] отмечен кроме того в случаях: *казар'мы* — Вер. (Черныш., XIII, стр. 135); *Сер'пухов* — Моск. (там же, стр. 165); *ущер'п* — Звениг. (там же, стр. 152).

§ 49. В положении перед твердыми заднебными согласными также могут различаться зубные согласные [т'] — [т], [д'] — [д], [с'] — [с], [з'] — [з], [н'] — [н], [р'] — [р]. Ср. *д'ат'ка, Вác'ка, гóркo, с'ер'гá, д'ен'гá, бáн'ка* — *ткат', сказáт', гóрка, д'óргат', бáнка, одган'ат', рóзга*.

Во всех русских говорах известно более широкое, чем в литературном языке, противопоставление [р] — [р'] перед заднебными за счет сохранения мягкости согласным [р'] сочетания **tyrt*. Эта особенность в настоящее время по говорам охватывает разный круг лексики: более широкий в северновеликорусских говорах, менее широкий — в южновеликорусских. Ср. Олонецкая губ.: *четвёр'к, вер'х, цёр'ков', зёр'кало* — Петров. (Мат. в-р, I, 13), Вытег. (там же, II, 22), Пудож. (Аван. II, стр. 248; ИЯз, Б. сев., 116); *вер'х, зёр'кало* — Заонеж. (там же, 57). Вологодская губ. (обл.): *вер'х, четвёр'к, цёр'ков'* — Никол. (Орл., стр. 52), Волог., Тот. (Мат. в-р, X, 55); *вер'х, зёр'кало, цёр'ков'* — Вашк., Кирил., Маяк. (ИЯз, Б. сев., 207, 226, 610); *вёр'х, зёр'кало* — Гряз. (Мат. в-р, V, 36), Бабаев. (Б. сев., 344). Ленинградская обл.: *вер'х, четвёр'к, цёр'ков'* — Сланц., Лом. (ИЯз, С-зап., 5, 6, 18, 26); *в'ер'х, з'ёр'кало* — Петрин., Пришекс. (там же, 361, 382); *цёр'ква, зёр'кало* — Тосн. (там же, 71); *зёр'кало* — Осьм., Вытег. (там же, 20, 127). Архангельская губ. (обл.): *зёр'кало, цёр'ковный* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *вер'х, зёр'кало, выдёр'гива'ют* — Онеж. (ИЯз, Б. сев., 31). Кировская обл. (Вятская губ.): *з'ёр'кало, четвёр'к, дёр'гат', вер'хóм* — Омут. (ИЯз, III, 2); *цёр'ков, вер'х, зёр'кало* — Нолин. (Мат. в-р, VIII, 95); *зёр'кало* — Яран. (там же, 59), Бельск. (ИЯз, III, 7); *вёр'хну'йу, одд'ёр'гива'йу* — Вожг. (там же, 10). Костромская губ. (обл.): *вер'х, зёр'кало, цёр'ковь* — Макара., Буйск. (Мат. в-р, VIII, 120; I, 18). Владимирская губ. (обл.): *зёр'кало, вер'х, цёр'коф* — Покр., Мур. (там же, 10; XI, 100); *д'ёр'гáл'и* — Переясл., Зал. (МДК, IX, стр. 74). Новгородская губ. (обл.): *вер'х* — Уторг. (ИЯз, С-зап., 125), Тихв. (МДК, II, стр. 107); *вер'х, цёр'коф'* — Новг., Чер. (Мат. в-р, II, 20). Псковская губ. (обл.): *вер'х, цёр'коф, з'ёр'кало, четвёр'г* — Гдов. (ИЯз, С-зап., 77, 79); *четвёр'к, д'ёр'га'ем* — Пушк. (там же, 207). Калининская обл. (Тверская губ.): *вер'х, зёр'кало* — Весьегон., Пен., Брус., Новоторж. (там же, 596, 753, 804, 821, 833); *вер'х, цёр'коф, зёр'кало* — Зубц. (Мат. в-р, VIII, 60). Пензенская губ. (обл.): *цёр'ковь, вер'х, зёр'кало* — Инсар., Чемб. (Мат. в-р, XI, 229, 231); *вир'хú, дёр'гáть, цытьвер'гá* — Спасск. (МДК, IX, стр. 83). Рязанская губ. (обл.): *в'ер'х, цет'вёр'к, цёр'каф'* — Егор. (Шахм., стр. 211); *в'ёр'хн'ий, дёр'гáнцы, цёр'ква* — Чучк. (Сидор., стр. 97); *д'ёр'гáйут', з'ёр'кáла, цит'в'ёр'х* — Спас. (Аван., стр. 183). Молотов-

ская обл.: *в'ер'х*, *ц'ёр'ква*, *д'ёр'гат'*, *з'ёр'кало*, *ц'итв'ёр'к* — Каргайск., Охан., Осин. (ИЯз, III, 21, 22, 23, 25). Московская губ. (обл.): *пёр'вай*, *вер'х*, *ц'ёр'ква*, *цет'вёр'к* — Моск. (Черныш., 68, стр. 98); *д'ёр'гаю* — Клин. (Черныш., 75, стр. 19). Калужская губ. (обл.): *вер'х* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 17); *ц'ёр'ковь* — Мед. (Мат. в-р, XI, 263); *вер'х*, *ц'ёр'ква*, *ч'итв'ёр'х* (Толст. р-н, ИЯз, К зап. от М., 636). Тульская губ., (обл.): *в'ер'х*, *ч'итв'ёр'х* — Алексин. (там же, 669); *ц'ёр'каф'* — Лапт. (там же, 672); *ц'ёр'коф'*, *св'ёр'ху*, *з'ёр'кила* — Новос. (Мат. в-р, VIII, 77). Курская губ. (обл.): *в'ер'х* — Льгов. (там же, 76); *вер'х*, *ц'ёр'ковь* — Дмитров. (там же, XI, 125) и в других говорах.

Мягкость [р'] перед заднеязычными отмечена также в случаях — *кочер'га* — Чучк. (Сидор., стр. 113), *Коз.* (ИЯз, К зап. от М., 624), *Малин.*, *Лопасн.*, *Егор.* (из личных наблюдений автора); *свер'кал* — Твер. (Черныш., 75, стр. 8); *к'ат'ёр'га* — Перем. (ИЯз, К зап. от М., 643).

В результате сохранения [р'] сочетания **tbrt* по говорам расширяется возможность противопоставления [р] — [р'] перед заднеязычными согласными. Ср. *з'ёр'кало* — *Вёрка*, *вер'х* — *пёр'хоть*, *пёр'хать*.

§ 50. Перед твердыми зубными. После падения редуцированных к сочетаниям зубных согласных с твердыми зубными, унаследованным еще из общеславянского языка (*дрозд*, *знати*, *везла*, *стыд*, *узда*, *страх*, *слово* и др.), прибавились новые. Эти новые сочетания зубных с твердыми зубными могли быть следующих типов: *t(ь)t* — *от(ь)тащить*, *р(ь)та*, *з(ь)лой*; *t'(ь)t* — *т(ь)ло*, *полот(ь)но*, *ст(ь)ру* (*простирю*), *блуд(ь)но*, *д(ь)раты*, *новгород(ь)ский*, *сед(ь)ло*, *крас(ь)ный*, *ос(ь)ла*, *з(ь)дати*, *з(ь)рети*, *желез(ь)ный*, *рязан(ь)ский*, *мир(ь)ный*, *ор(ь)ла*.

В сочетаниях типа *t(ь)t*, однородных в отношении отсутствия палатальности, согласные оставались твердыми. Что касается сочетаний типа *t'(ь)t*, то в них мягкие зубные ассимилировались последующим твердым.

Выше говорилось, что отверждение согласных в сочетаниях, возникших после падения редуцированных, проходило раньше в корнях (в начальном слоге корня), позже и менее последовательно — на стыке корня и суффиксов. Примером раннего отверждения зубных перед твердыми зубными могут служить слова *тло* и *дно*, написание которых уже в очень ранних памятниках выступает в двух вариантах — с *ь* и с *ѣ*: *тъло*, *тѣло*, *дѣно*, *дѣно*. После падения редуцированных тут получилось такое сочетание согласных, которое дало одну артикуляцию [тл], [дн]: один затвор с переходом к следующему согласному путем опускания боков языка при [л] и небной занавески при [н]. Этим, видимо, и объясняется особенность правописания. Единство артикуляции, конечно, могло способствовать отверждению.

Об отражении в памятниках судьбы мягких зубных перед твердыми зубными на стыке корня и суффикса сказано выше.

Отдельно следует упомянуть о согласном [р] группы **tbrt* перед твердыми зубными. У многих ученых существовало мнение, что согласный [р] в этом положении или совсем не смягчался под влиянием предшествующего гласного [ь], или же рано отвердел¹. Основанием для подобного утверждения явилось то обстоятельство, что русские говоры, сохранив мягкость [р'] в группе **tbrt* перед губными и заднеязычными, не знают ее перед твердыми зубными. Однако, если мы обратимся к древнерусским памятникам, то увидим, что в некоторых из них неэти-

¹ См. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода... стр. 47; А. М. Селищев. Старославянский язык, I. М., 1951, стр. 162.

мологическая буква *ь*, которую мы принимаем за знак мягкости, пишется после *р* не только в тех случаях, когда *р* находится перед твердыми губными и задненебными согласными, но и перед твердыми зубными. Ср. *верста 6*, *перста 9*, *персты 191*, *мерьтыхъ 166* и *перьстоу*, *перьстомъ 203* об., *жерьтву 26* об. (ДЛ 1164); *мерьтыхъ*, *перьста* (Пол. Е. 1307); *верста 13*, *верстома 16*, *перьстенъ 163* и *смерти 52* об. (Пог. Ап. 1391); *дерьзну 50* (Ск. БГ XIV в.); *отверьзу* (Моис. Е. 1355); *дерьзнув 436* (Ипат. 1425). Если в ранее рассмотренных памятниках написание типа *церьковь* мы рассматривали как отражающее мягкость согласного [р], то точно так же мы должны квалифицировать и отмеченное в тех же памятниках написание типа *отверьзу*. Подтверждение мягкости согласного [р'] группы **ьрт* перед твердыми зубными мы можем найти и в системе современных говоров в случаях так называемого, второго полногласия. То обстоятельство, что формы второго полногласия образуются с гласным [е] после [р] не только, когда [р] находится перед твердыми губными или задненебными, но и перед твердыми зубными, свидетельствует о мягкости [р] во всех этих положениях в эпоху образования форм второго полногласия; известно, что слова с [р] твердым в тех же положениях образовали полногласную форму с гласным [о] после [р] (ср. *кором*)¹. Ср. *в'ер'ох* и *з'ер'онк'и* — Порох. (ИЯз, С-зап., 131); *чет'в'ер'ек*, *д'обр'ен* — Лом. (там же, 25); *шер'об'стк'и* — Дед. (там же, 238); *см'ер'об'тушка* — Болог. (там же, 532), Осьм. (там же, 23), Заонж. (ИЯз, Б. сев., 60); *в'ер'ох*, *скатер'об'тоу'ка* — Пудож. (Аван. II, стр. 248); *в'ер'ох*, *смер'об'душка*, *жер'об'дочка* — Тихв. (МДК, II, стр. 107); *жер'об'тка*, *п'ер'ест*, *п'ер'ос*, *з'ер'об'нышк'и*, *скат'ер'отка*, *см'ер'об'тушка* — С-зап. говоры с-в-р наречия (Грин., стр. 211—213).

Таким образом, в известный период развития русского языка [р] и [р'] в какой-то степени различались не только перед задненебными и губными, но и перед зубными согласными. Ср. *мёр'(ь)твых* — *р(ь)та*. Однако в дальнейшем [р'] перед твердыми зубными отвердел, сохранив во многих говорах мягкость перед твердыми зубными и задненебными. Полногласные формы, образованные после отвердения [р'], перед зубными содержат гласный [о] после [р]; *д'орон* — С-зап. говоры с-в-р наречия (Грин., стр. 211).

§ 51. Отвердение зубных перед зубными согласными привело к тому, что в современном языке как литературном, так и в большинстве говоров в положении перед зубными [т], [д], [с], [з], [р], [н], [л] употребляются только твердые зубные согласные [т], [д], [с], [з], [р], [н]. Ср. *оттащ'ить*, *отсад'ить*, *труба́*, *ох'отно*, *ветла́*, *одда́ть*, *одзари́*, *друг*, *дно*, *п'од'лый*, *рост*, *ссад'ина*, *срок*, *сосна́*, *слово́*, *зда́ние*, *раззад'орить*, *з'рач'ёк*, *знаю́*, *злой*, *ржа*, *мо́рда*, *мерза́вец*, *де́рну*, *орлы́*, *ле́нта*, *крестья́нство*.

В северновеликорусских говорах перед твердыми зубными в известных случаях могут произноситься мягкие зубные. Это стало возможным в связи с сохранением зубными согласными мягкости, полученной некогда в положении перед гласным [ь] старых суффиксов *-ьн-*, *-ьств-*, а также мягкости [с'] в суф. *-ьств-*, тогда же полученной под влиянием предшествующего гласного [ь]. Ср. *ухва́тный*, *заве́тный*, *мороз'ный* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *зилэ́зньныя ты́нья* — Касим. у. (Будде,

¹ См. об этом в статье В. Н. Сидорова „Редуцированные гласные *ъ* и *ь* в древнерусском языке XI в.“ („Тр. Ин-та языкозн.“, П. М., 1953, стр. 211).

К ист., стр. 198); *цáрьство* — Уст. (Белор. стр. 220), Моск. (Черныш. 68, стр. 46); *шынкáръство, бол'шин'ство* — Карелия, Янчозеро (ИЯз, Б. сев., 47); *кр'ес'ján'сво* — Медв. (там же, 24); *духов'ён'сво* — Вашк. (там же, 208); *п'ján'своат', пропитон'ство* (— пропитание) — Пудож. (там же, 73); *степён'сво, крестьян'сво* — Макар. (Мат. в-р, VIII, 121); *госудáръство* — Никол. (Орл., стр. 51); *богáт'ство, цáръство* — Белоз. (МДК, II, стр. 58); *знаком'ство* — Вытег. (Мат. в-р, II, 22); *срédьсва* — Петроз. (там же, V, 34).

Не только в северновеликорусских, но и в некоторых других говорах зубные [р'], [н'] и реже [т'] могут быть представлены перед твердым согласным [с], что является результатом сохранения согласными [р'], [н'], [т'] мягкости, возникшей некогда перед гласным [ь] суффикса -ьск-. Ср. *ф'йн'ского, по д'ер'ев'ён'ск'и, јапóн'ску* — Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57); *д'ерев'ён'ск'ий, жён'ск'ий* — Шуныг. (там же, 52), Просн., Вожг., Бел., Унин., Кумен. (ИЯз, III, 29, 9, 8, 19, 27), Волот. (ИЯз, С-зап., 235), Тихв., Пришексн., Сланц., Белоз. (там же, 321, 382, 21, 210), Брус. (там же, 808), Гдов. (там же, 77) и др.; *бáрьской, цáрьской, жён'ской, деревён'ской* — Петроз. (Мат. в-р, V, 30, 34); *беломóръского, жён'ской* — Белом. (ИЯз, Б. сев., 3, 5, 21); *монастыр'ска, д'ер'ев'ён'ск'ий, пр'иход'скаја* — Медв. (там же, 24, 26); *морьской, деревён'ской, двиньской, коньской* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *бáрьской, цáрьской, сот'ской, некр'ут'ской, деревён'ской, жён'ской* — Белоз. (МДК, II, стр. 58); *бáрьской, цáрьской, деревён'ской* — Кологр. (Мат. в-р, VIII, 61), Новорж. (там же, V, 39); *цáрьскай, п'еч'ёр'скай, кон'скай, д'ир'ев'ён'скай* — Егор. (Шахм., стр. 211); *деревён'ской, цáрьской, солдат'ской* — Судог. (Бубр., стр. 341). В одном из говоров Московского уезда отмечено редкое для современного состояния языка произношение [р'] старого в сочетании **tъrt* перед зубным согласным *мёр'твых* (Черныш., 75, стр. 38).

В подобных говорах создается известная противопоставленность твердых и мягких зубных перед твердыми зубными согласными. Ср. *завёт'ный — отнош'у, морóз'ный — знáю, госудáръ'ство — росток, цáрь'ск'ий — барс, мёр'твый — рта*. Хотя мягкие зубные перед твердыми зубными представлены лишь в определенных морфемах, все же это дает возможность говорить о противопоставлении твердых и мягких зубных согласных: ведь мы считаем возможным говорить о различении твердых и мягких губных согласных перед [у], несмотря на то, что мягкие губные известны лишь перед флективным [у] и то весьма ограничено.

§ 52. Перед мягкими губными и зубными согласными. После падения редуцированных к старым сочетаниям зубных согласных с последующими мягкими губными и зубными (*дверь, свет, смех, зверь, змей, двинуть, снег, после* и др.) прибавились новые. Новые сочетания были следующих типов: *t(ь)t' — мед(ь)ведь, с(ь)мирный, от(ь)вели, д(ь)лина, р(ь)дети, р(ь)вение, рас(ь)тянуть, воз(ь)люби; t'(ь)t' — т(ь)лети, д(ь)ни, в сед(ь)ле*.

Мы уже говорили о том, что после смягчения полумягких в исконных сочетаниях, состоящих из твердой и последующей мягкой согласной, в том числе и в сочетаниях зубных с последующими мягкими губными и зубными, имело место ассимилятивное смягчение. Это же смягчение распространилось и на аналогичные сочетания, возникшие после падения редуцированных. Приведем примеры из памятников: *свьѣдѣтель* 192 (Поуч. КБ XIII в.); *безь/вѣсти* 2 об (Арх. Л. XIII в.); *вѣистьбѣ* 38 (Синод. XIII в.); *свьѣдѣтельствуеть, ловитьвѣ, дѣверници, четъверо-*

властвующую и есьмь (Пут. Е. XIII в.); *нѣсьмь дѣвинути, съ/вершенѣ* 55 (ГЕ, 1266); *въсьплещете* 266 (Пар. 1271); *изъ мертвыхъ* 158, *оусь/татъ (вспятъ)* 212 об (Луц. Е. XIV в.); *на сонь/мѣ* 158, *дѣ/вѣ* 169в, *жатъ/въ* 158 (Г. Код. 1357); *на сонь/мѣ* 158 (Лавр. XIV в.); *соньмище* 163 (Пог. Ап. 1391); *изъвляють* (Панс. сб. XIV в.); *дѣвѣ* 766, *бесѣ/мертѣ* 796 и *сѣ/мертвнаго* 86а (Кол. П. 1406); *изъ/вена* 120, *истѣбѣ* 31 (Ипат. 1425); и *съмиатисѣ* (ПА XIV в.); *сѣвѣта* (Сл. зак. XVI в.); *възълуби* 106 (ДЕ 1164); *въздвигни* 60 (Пар. 1271); *зълѣ* 7в (ВСб XIII в.); *дѣнѣ/прѣ* 1, 14 (Синод. XIII в.); *мѣсьтѣ* и *сѣлѣдѣ, въсѣлѣдѣ* 59 (Пут. Е. XIII в.); *въ пось/ледьнии* 15, *вонъзи* 219 об. (Луц. Е. XIV в.); *перь-стьнок* 786, (в *тѣло перь/стьнок*), *проказы/ньство* 86а (Кол. П. 1406); *сѣдержати* 35, *не зазы/рите* 1, *празь/дѣны* 55 (Сказ. БГ XIV в.); *сѣ серебромѣ* (Нов. дан. XV в.); *сѣ диаком* 3 об. (Суд. 1497).

Ассимилятивное смягчение зубных перед мягкими губными и зубными подтверждается и написанием иностранных слов. Ср. *матьфѣд* 34 об, *власѣфимию* ив. (Пут. Е. XIII в.); *дѣ/митриѣвыхъ* (Новг. гр. № 10, 1304); *матьфѣва* (РЛА, СХV, 1392); *тереньтѣевича* (Гр. 1418); *ѡксѣнѣтѣевичъ* № 88, *порьфѣны* № 110, *левонѣтѣевъ* № 115, *климентѣевъ* № 38, *маленьтѣнъ* № 9 (Дв. гр.); *орьтемѣев* (Угл. гр., IV, 1525); *Яньсеит* (А. Межд. XVII в.).

В памятниках имеется немало случаев отражения мягкости [р'] в сочетании **tprt* перед мягкими зубными и губными согласными: *оскъверьница* (Сб. поуч. XII в.); *персьи* 168 об (ДЕ 1164); *перьвѣ* 1 об, *оуверьзете* 44, *перьвич* 31 об (Пут. Е. XIII в.); *перьвѣ/ши* 102 (ГЕ 1266); *черьвлѣ-ницу* (Пол. Е. 1307); *перьстенъ* 104в, *ѡверь/зисѣ* 124г, *оумерьтѣнѣ* 167а, *терь/плю* 82г, *вытерьплю* там же, *черьвленою* 147г (Г. Код. 1357); *претерьпѣвѣ* 151, *перьвич* 19 (Лавр. XIV в.); *ѡперьсти* 70а, *терь/ник* 77а, в *пе/рьсть* 92а, *черь/лена* а 976 (Кол. П. 1406); *сѣврѣзи* 401 (Ипат. 1425). В этих случаях мягкость согласного [р'] является уже позиционной, а не самостоятельной, как например в слове *перьсть*¹. Это подтверждается также тем, что перед мягкими согласными стал смягчаться [р] сочетания **tprt*. Ср. *на корь/мление* 9 (Суд. 1497); *корьчмы* (РЛА (CLIV), 1405).

После падения редуцированных в отдельных случаях встречалось такое смягчение, при котором первый согласный сочетания, получившегося в результате падения редуцированных, в ходе ассимилятивного смягчения изменился в иной по своей основной артикуляции согласный, т. е. это было смягчение внешне, аналогичное тому, которое было в общеславянских группах [sl'], [dr'] и т. д. Характерно, что новое смягчение проходило только в тех сочетаниях, второй согласный которых мог иметь исконную мягкость. Ср. глагол *шлю*, *пошли* из *сѣлю*: *пошлѣмы моу** *свое'* *ко свату своему а тѣ сѣлю свое'* *моу** (Лавр. XIV в.); *на жеребяти ошли* (от притяжат. прилагательного *осьль*) 122 об. (Г. Код. 1357); *челюсть ошлю* 181 (Кол. П. 1406); *оужники* от *оузьникъ* (ПА XIV в.).

§ 53. В современном языке, включая говоры, перед мягкими губными представлены мягкие зубные согласные [т'], [д'], [с'], [з'], [р'], [н'].

¹ Впрочем, первоначально мягкость согласного [р'] в положении перед мягкими согласными была так же самостоятельна, как и перед твердыми согласными. Но когда [р'] перед твердыми согласными и в первую очередь перед зубными отвердел, сохранившийся перед мягкими согласными [р'] стал восприниматься как согласный, имеющий позиционную мягкость, тем более что с таковым часто и совпадал. С другой стороны, видимо, существование в языке ассимилятивного смягчения обусловило сохранение [р'] в названных положениях.

Ср. *пад'м'ёркай, д'в'ёр'и, пад'б'ёг'ли, м'ед'в'ёт', ат'м'ен'е, ат'м'ет'ат, с'м'ир'н'ей, кар'м'ит', сар'п'инка* — Зарайск. (Петр., стр. 33); *м'ид'в'еж'онак, от'п'ир' д'в'ёр'и, на с'в'ёт'и, выз'б'е, кар'мит'* — Егор. (Шахм., стр. 212, 220); *д'в'ер', с'в'ёрху, с'п'арва, в'ыз'б'е, з'б'ила, р'эз'м'ан'ай, с'м'ат'ана, з'в'езд'а, сар'в'и* — Чучк. (Сидор., стр. 97, 113); *д'в'ёри, Мат'в'ёю, атьпир'ай, пыд'б'ял'ы р'уки, ныкл'адыбишша, придыв'яш'шайт'ь, атьвил'и, атьпир'аца, пыд'б'яж'ала, патьп'ёр, пыд'пис'ал, атьвич'айт'ь, пад'м'ётки, мид'вид'я, слизь'ми, ваз'м'ит'я, с'в'ят'ой, раз'в'есь, з'вир'я, сыпи, раз'била, зас'мие'да, с'в'е'чира, рас'п'ёрта, с'в'ис'нул, с'мят'ком, у Ир'милиавых, чир'в'ён'яц, ир'в'ёт, кар'м'ить, тир'п'ела* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 79); *д'в'ёри, д'в'инуть, атьв'ед'ать, ч'ёт'вир'ьт'ь, д'в'е, з'бирают'ь, сыпир'ва* — Новос. (Будде, стр. 70), Моск. (Мат. в-р, VII, 77); *д'в'инуть, пад'м'ётка, атьв'ед'ать, с'мирно, кар'м'ить* — Елец. (там же, XI, 188); *черес' М'ар'фино* — Моск. (Черныш., 68, стр. 79); *д'в'ёр'и, д'в'е, ц'ет'в'орт'ой, с'в'ир'еп'ой, с'м'ийот'с'о, з'в'ир', из'в'остка, с'п'ёта, кор'м'ат, кан'ф'ёту* — Тот. (Брок, стр. 85); *д'в'ер', т'в'ер', выз'б'е, з'в'ер', с'п'ит, р'в'и* — Судог. (Бубр., стр. 337) и т. д.

Однако смягчение зубных согласных перед мягкими губными в современном литературном языке не проводится последовательно: орфоэпическим нормам не противоречит произношение *дв'е, вбав'в'е, карм'ит', атв'ет'ил, атм'ет'ил*¹. Интересно отметить, что проф. Богородицкий в своей работе 1887 г. „Курс грамматики русского языка“², рассматривая ассимилятивное смягчение в литературном языке, отметил неодинаковую склонность к смягчению зубных взрывных согласных, с одной стороны, и фрикативных, с другой. В „Таблице смягчения согласных перед следующими мягкими согласными“, помещенной в названной работе, это иллюстрируется следующими примерами: *отп'ър, атф'и'и, адб'йл, надм'ённ'ий, д'/д, дв'инут' и т'в'орд'ий, зат'м'ен'је; с'п'ел'ий, с'ф'из'ьк'ий, с'вет, с'м'ер'т', с'п'ит, р'эз'б'ер'ий, з'/з'в'езд'а, з'/з'м'е'я*.

В говорах также наряду с ассимилятивным смягчением зубных согласных перед мягкими губными известны случаи отсутствия его. Ср. *пад'в'иниш, пас'пела, з'б'егаю, вас'п'итывалис* — Моск. (Черныш., 75, стр. 39); *с'мирно* — Зарайск. (Петр., стр. 32); *отв'ед'ать* — Егор. (Мат. в-р, XI, 133); *д'в'е* — Клин. у. (Черныш., 75, стр. 14); *д'в'ёри* — Мокш. (Мат. в-р, XI, 232); *под'верн'уть, пред'в'естник, стер'в'е'ц, чер'вяк, кор'м'ить* — Каш. (Смирн., стр. 76—78); *д'в'ёри, д'в'инуть, с'мирно* — Семен. (Мат. в-р, XI, 118); *под'м'ётки* — Мышк., Казан. (там же, VIII, 78; X, 94); *возм'и* — Макар., Малам. и Сарап. (там же, VIII, 79); „необъяснимое исключение видим в *d*, вместо ожидаемого *d'*, слова *t'edv'it'*“ — Тот. (Брок, стр. 85).

§ 54. В положении перед [т'], [д'], [с'], [з'], [н'] в литературном языке и говорах употребляются только мягкие зубные [т'], [д'], [с'], [з'], [р'], [н'].

Ср. *раз'дил'ены, э'з'дил, хрис'т'ин'юшка, ад'жалыс'ти, гас'т'ин'ьчика, Димин'т'еюшка, смер'ть, ск'атир'ьти, сир'д'юсь, с'сяк'у, п'ёрст'ин'ь, кар'з'ина, ад'н'е, к' аб'ед'ни, атьн'ес, прид'ь н'ею, м'ед'ник, ах'от'ьник, ва с'не, с'нив'ес'кай, бал'ез'ни, куз'няц'ов, дв'ор'нику, чир'н'ила, гор'ница, п'ар'ня* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 10); *к'ос'т'и, з'д'ешн'ий, гар'с'т'ей, з'д'ел'йут, гваз'д'ей, б'из'л'ен'т'и, пар'т'анк'и, п'ир'ед'н'ий, гор'н'ица* — Чучк. (Сидор., стр. 114); *с'т'ес'ала, с'т'ер'еч', з'д'елай,*

¹ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 7.

² См. РФВ, 1887, № 1—4.

з'д'ес', ад'з'ат'а, с'н'ех, пад'н'аца, п'ет'н'истай, кар'т'йна, жёр'д'и, кар'з'йна, двёр'н'ик — Зарайск. (Петр., стр. 33); *госьти, сесьти, гвосьди, пяр'ни, кор'ни, смерть* — Каш. (Смирн., стр. 72—79); *пад'з'ёмна, гор'с'т', вёр'т'ат, кар'т'инку, л'ас'н'ик, жыз'н'* — с. Пустынь, Пензен. обл. (Нефед., стр. 27); *з'дешний, подсьнежник, двёр'ник* — Остр. (Мат. в-р, I, 5); *сясьти, невисьте, з'дись, Аньтип, аньдел, письни, лёт'ней, намедьни* — Яросл. (Тихв., стр. 54); *з'д'ис', з'д'элайу, драз'н'у, кар'т'йна, угас'нет, плот'н'ик, двёр'н'ик, кор'з'йна* — Тот. (Брок, стр. 84) и т. д.

Твердые зубные перед мягкими зубными встречаются довольно редко в говорах и главным образом в положении перед [н']. Ср. *двёр'ник, гор'ница* — Буйск., Кинеш. (Мат. в-р, I, 18; VIII, 66), Остр. (там же, V, 33), Нолин., Котел. (там же, VIII, 68; V, 35); *скот'ник, озород'ник, род'ник* — Орл. (там же, V, 37); *безз'дённий, з'дес'ь, угараз'дило, сънести, раз'нохат', гор'ница, рос'т'еря, скас'тит', хвосьтен'ь* — Каш. (Смирн., стр. 77—79); *съниму* — Семен. (Мат. в-р, XI, 118); *пёр'стинь* — Цив. (там же, XI, 143); *серьд'итай* — Моск. (Черныш., 75, стр. 39); *в двёр'никах, съниму* — Вер. (Черныш., X, стр. 369, 374).

§ 55. В положении перед [л'] не все зубные согласные бывают мягкими в одинаковой степени. Мягкими перед [л'] бывают согласные [с'], [з'], [р']: *с'л'епой, с'л'едует, пос'л'е, прив'ез'л'и, въз'л'е, ум'ер'ли, выт'ер'ли* (литературное произношение); *сьлиз'ми, въз'ля, съ лиц'а та, казьлятинкай* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 20); *в'ез'л'и, в'яс'л'ах* — Ломон. (ИЯз, С-зап., 26) и т. д. Отсутствие мягкости названных согласных в этом положении встречается редко: *безз'л'сний, сз'л'езли, сз'л'езы, орьл'ный* — Каш. (Смирн., стр. 72); *полз'л'и* — Тот. (Брок, стр. 85).

Что касается взрывных зубных согласных перед [л'], то они в литературном языке бывают только твердыми или же имеют слабое смягчение. Например: *тл'а, дл'а, на в'ит'л'е* (ср. в Ипат. 1425 *подзл'ь* 120). Проф. Богородицкий в своей „Таблице смягчения согласных перед следующими согласными“ следующим образом транскрибирует слова *тля* и *для*: *т'(т')л'а, д(д')л'а*.

В говорах согласные [т'], [д'] перед [л'] фиксируются главным образом работами дореволюционных лет, что может свидетельствовать о существовании в русском языке тенденции к утрате ассимилятивного смягчения в этом положении: *атльична, питьля, неть-ли* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 148); *свят'л'ичка, шут'л'ивая* — Шигр. (Хал. РФВ, 1880, № 1—2, стр. 50); *д'л'е каб'о и дл'йнай* — Зарайск. (Петр. стр. 32); *подьлетел* — Егор. (Мат. в-р, XI, 133); *п'ет'л'а* — Судог. (Бубр., стр. 337).

Наличие или отсутствие ассимилятивного смягчения согласных видимо обусловлено не только качеством последующего согласного, но и качеством предшествующего гласного. Если это гласный переднего ряда, то в силу артикуляционных закономерностей следующий за ним согласный уже в начальной фазе своего образования имеет в какой-то степени дополнительную среднеязычную артикуляцию, отсутствующую у согласного, следующего после гласного заднего ряда. Последующий мягкий согласный обуславливает палатальный элемент в последующие фазы образования предшествующего согласного. Таким образом, согласный, находящийся после гласных переднего ряда и перед мягким согласным, подвергается как бы двойному палатализирующему влиянию. В результате, в этом положении для некоторых согласных становится возможным ассимилятивное смягчение, затруднительное в положении после гласных

непереднего ряда и в начале слова. Примером этого является реализация [т], [д] перед [л'] в литературном языке. Ср. *атл'ич'на, шутл'ивый, дл'а, тл'а, пьдл'ит'эл* и *п'ит'л'д, с'вит'л'ич'ок*.

Согласный [н] перед [л'] в пределах одного слова в русском языке встречается редко (ср. *сонливый*) и может быть только твердым.

§ 56. В положении перед [р'] твердые зубные согласные оставались твердыми, а мягкие отвердели. В результате в современном русском языке, включая говоры, в этом положении известны только твердые зубные [т], [д], [с], [з], [н]. Ср. *тр'и, тр'апка, др'ан', ср'езат', зр'ен'ие*.

§ 57. Перед задненебными согласными. В русском языке сочетания зубных согласных с задненебными, унаследованные из общеславянского языка, встречаются редко и представлены лишь сочетаниями фрикативных зубных с задненебными (*визг, писк, мозг, скот, воск, доска, таскать*). После падения редуцированных появились новые сочетания твердых и мягких зубных с твердыми задненебными. Сочетания этих согласных со смягченными задненебными появились позже, в результате изменения [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи] и появления [к'], [г'], [х'] в некоторых формах под действием морфологической аналогии. Сочетание зубных со смягченными задненебными могло быть представлено в словах иноязычного происхождения и здесь зубные подвергались ассимилятивному смягчению. Ср. *арьхистратига* (ЮЕ 1120); *евангелиа* (Поуч. КБ XIII в.); *евангелъе, арьхиеревъ* (Пут. Е. XIII в.); *арьхиереи* 172, *аньгълъ* 182 (Ев. апр. XIV в.); *арьхиєрѣкѣви* 213 (Луц. Е. XIV в.); *аръхангыли* 786 (Кол. П. 1406); *архангльскои* (Б. 1499); *Георгия* (Пов. о разор. XVI в.).

При анализе употребления зубных согласных перед смягченными задненебными в современном языке следует различать положение в середине слова, с одной стороны, и на стыке приставки и корня, предлога и последующего слова, с другой. В середине слова твердые зубные согласные перед смягченными задненебными остаются твердыми, мягкие зубные сохраняют свою мягкость. Ср. *тк'ом, скáск'и, рóзг'и, зóрк'и, мэрк'ий, бáнк'и—д'áт'к'и, Вáс'к'и, Бóр'к'и, с'эр'г'и, д'эн'г'и, бáн'к'и*. На стыке приставки и корня, а также предлога и последующего слова зубные согласные [т], [д], [с], [з] могут подвергаться ассимилятивному смягчению. При этом фрикативные согласные оказываются более склонными к смягчению, чем взрывные. Ср. *ат'к'идáт', ат'х'итрѣва, ад'д'г'ибáт', с'к'инут', з'г'инут'*. Для говоров это можно проиллюстрировать следующими примерами: *атькíда, ськém* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 40); *с'к'инóm* — Волх. (ИЯз, С-зап., 304); *с'К'ир'йлам, с'к'инул, с'х'итрил, с'к'йслам'и* — Зарайск. (Петр., стр. 32). В одном из говоров Грязовецкого у. Вологодской губ. отмечено смягчение зубных согласных перед [к'] и в середине слова: *колóд'к'и, сáйдáт'к'е, скáз'к'и, опáт'к'и* (МДК, III, стр. 73). Смягчение [н] перед [к'] зафиксировано в говорах Нижнедевицкого района — *бáн'к'и* (—банки), *калén'к'и, д'ел'án'к'и, л'эн'к'а* (Жук. стр. 215).

§ 58. Перед [j]. В результате падения редуцированных в русском языке стали возможны сочетания зубных согласных с последующим [j]. Памятники свидетельствуют, что зубные в этом положении рано подверглись ассимилятивному смягчению: *изьяснить* 66в (Син. Пс. 1296); *веньямина* (Пар. 1271); *изьимана* 112, *наизьвдъ* 170, *сь ярославомъ* 157 об (Лавр. XIV в.); *сь ядовитымъ* 426, *сьездоду* 202 об (Кол. П. 1406); *възьедуть* (РЛА, CLXXII, 1409); *сь Яковцемъ* (Гр. 1495); *изь его* 2 об (Суд. 1497); *зь еловой грани* (Новг. ряд. XV в.); *изьвль, сь ямы*

(Угл. гр., XIII, 1505); *съ их судьейо* (там же, XXIII, 1531); *съ язы* (там же, LVII, 1551); *съ Яковомъ* (там же, X, 1576); *съ его* (РЛА, СССХСVII, 1588); *съвзжей избы* (Угл. гр., XXIV, 1632); *съехася, съ еоупатием* (Пов. о разор. XVI в.); *съвхалась 67, съвзжатца, съвхались 39, съезжалъ 33, на съвздъ 23, съ Якима 23, съ его 14, 15, изъ Ярославля 68, 70, съестново 73* (А. Межд. XVII в.).

В положении перед [j] зубные согласные бывают только мягкими и в современном языке (включая говоры): *жыт'jó, пад'jóм, с'jem, друз'já, бур'ján, ван'jó*. Мягкость согласных в этом положении может отсутствовать на стыке приставки и корня, а также предлога и последующего слова. Для говоров это может быть проиллюстрировано следующими примерами: *съел* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 12); *съидем* (—съедем) — Яросл. (РФВ, 1879, № 2, Колосов, стр. 151); *отъ йду* — Тихв. (МДК, II, стр. 107).

В некоторых русских говорах — переходных от белорусских к южно-великорусским, северновеликорусских и южновеликорусских — зубные согласные в сочетании с [j] образуют долгую мягкую зубную согласную. Однако эта особенность представляет собою особое специфическое явление, связанное с проблемой долгих и кратких согласных и требующее особого рассмотрения.

§ 59. Перед шипящими и [ц]. После падения редуцированных в русском языке появились сочетания зубных согласных с шипящими и [ц], которые в ту эпоху были мягкими: *р(ѣ)жи, под(ѣ)жаритъ, т(ѣ)щетьно, от(ѣ)чество, от(ѣ)ца, молод(ѣ)ца, гон(ѣ)ца*. Зубные согласные в положении перед мягкими шипящими и [ц] могли подвергаться ассимилятивному смягчению (т. е. противопоставление твердых и мягких зубных здесь нейтрализовалось). Это наблюдалось как во вновь возникших после падения редуцированных сочетаниях, так и в иноязычных словах. См. немногие примеры: *ръжевка* (Синод. XIII в.); *изъ брънъжвика, геньци* (Гр. 1284); *ръжаница* (Ипат. 1425); *на инь/цю* (Гр. 1418); в сочетании **tyrt* мягкость согласного [р'] перед шипящими могла быть обусловлена не только последующим согласным, но и предшествующим некогда гласным [ь]: *ѿверъжеса 156* (Лавр. XIV в.); *ѿверъже насъ* (Сб. Тр. л. 15, XIV в.); *държаву 30а* (Ск. БГ XIV в.); *държахусл 406*, (Ипат. 1425). Мягкость зубных согласных, будучи в положении перед шипящими и [ц] несамостоятельной, с отвердением этих последних утратилась.

В современном литературном языке согласные [т], [д], [с], [з] не противопоставлены по твердости-мягкости перед согласными [ш], [ж], [ш'], [ж'], [ч'], [ц]. В положении перед [ш], [ж] возможны только [т], [д], перед [ш'] — [т'], [д']. Что касается положения перед [ч'], [ц], то зубные взрывные [т], [д] в силу общности некоторых элементов артикуляции сливаются с ними, в результате чего на месте [тч'], [дч'], [тц], [дц] произносятся [ч'], [ц] с долгим затвором: *патшйт', поджър'ит', т'ш'этна, б'ч'ьства, п'ч'ис'т'ит', м'ла'м'цá*.

Согласные [с], [з] полностью ассимилируются с последующими шипящими, сливаясь с ними в один звук. Перед [ц] в литературном языке всегда представлены твердые [с], [з]. Ср. *шйт', жйт', ш'итат', касцá, абрасцá*.

Согласный [р] бывает твердым перед [ш], [ж], [ц], мягким — перед [ш'], [ч']: *в'ершóк, торжóк, старца, бор'ш', пор'ч'а*. Согласный [н] — мягок перед [ш'], [ш], [ч'], тверд — перед [ж], [ц]: *бан'ш'ик, тóн'ше, кóн'ч'ик, ханжá, концá*.

Аналогичные отношения представлены и во многих говорах. Лишь в том случае, если в говоре представлены согласные [ч], [щ], твердые зубные согласные перед ним не смягчаются: *жѣншына, под'оншына* — Никол. (Орл., стр. 52); *жѣншына* — Омут., Петрин. (ИЯз, С-зап., 2, 361), Полн. (там же, 79) и др.; *карманчык* — Кингисеп. (там же, 8) и др.

Различие по говорам может иметь качество зубных согласных в положении перед [ц] и [ш]. В северновеликорусских говорах, знающих [ц'], зубные согласные в положении перед этим [ц'] подвергаются смягчению: *с'ен'ца, огур'ц'ей* — Возн. (ИЯз, Б. сев., 113); *стан'ц'ийа, по сон'ц'у* — Белом. (там же, 5); *полотѣн'ц'о, сон'ц'е, сукон'ц'о, с'ер'ц'о* — Пудож. (там же, 78; Аван. II, стр. 47, 259); *в Пóвен'ц'е* — Заонеж. р. (ИЯз, Б. сев., 63); *пѣр'ц'у* — Поморье (там же, 4); *кон'ц'а, сон'ц'е, полот'ѣн'ц'е* — Просн. (ИЯз, III, 29); *огур'ц'и, с кон'ц'а* — Унин. (там же, 19); *сон'ц'о, до кон'ц'а, полотѣн'ц'о, огур'ц'ы* — Кумен. (там же, 30, 31); *тан'ц'ујут* — Вожг. (там же, 10); *в'ен'ц'ал'ис, кон'ц'ила* — Красноокт. (там же, 10); *св'ин'ц'у, кон'ц'ом, к в'ен'ц'у* — Медв. (ИЯз, Б. сев., 55, 25); *сѣр'це*, в говоре согласный [ц] мягок — Холмогор. (Гранд., стр. 39); *сѣр'ц'о, огур'ц'и, тон'ц'оват', отв'ин'ц'у, сон'ц'е, фитан'ц'ийа* — Тол. (Брок, стр. 84); *сѣр'ц'о, стан'ц'ийа* — Белоз. (МДК, II, стр. 58); *сон'ц'о, до кон'ц'а, полотѣн'ц'о, огур'ц'ы* — Охан. (ИЯз, III, 22); *полотѣн'ц'а, дон'ц'а, с кон'ц'а* — Кузн. (МДК, III, 23). Во многих из перечисленных примеров мягкость согласных перед [ц'] может быть объяснена не только ассимилятивным смягчением, но и сохранением мягкости перед утраченным гласным переднего ряда [ь]. О том, что мягкость зубных перед утраченным [ь] суффикса -ьц- сохраняется, свидетельствуют некоторые северновеликорусские говоры с [ц] твердым, а также восточные средневеликорусские и отдельные южновеликорусские говоры: *полотѣн'це, переселѣн'цы* — Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57, 60); *стан'ц'ийа, огур'цы* — Медв. (там же, 24); *сон'цо, до кон'ца, полотѣн'цо* — Вожг. (ИЯз, III, 9); *сон'ца, кос'цы* — Судог. (Бубр., стр. 341); *сон'це* — Тихв., Новг. (МДК, II, стр. 117; Сол. 77, стр. 7); *полот'ѣн'це, сон'це* — Гдов. (ИЯз, С-зап., 77); *цур'цы, кон'ца, вин'цы* — Спасск. (МДК, IX, стр. 83); *кан'ца, сон'ца* — с. Бельнь, Пензен. обл. (Нефед., стр. 29); *в'ен'цу, в'ин'цо, ф кан'цѣ, платѣн'ца, с'ер'ца, со стар'цам* — Егор. (Шах., стр. 211; Мат. в-р, XI, 133); *ф кан'цѣ, сон'це, сеньца, вин'ц'али, сѣр'цам, двар'ца, агур'ц'ей* — Касим. (Будде, К ист., стр. 192—195); *сон'ца, дон'ца, платѣн'ца, ацур'цы, сѣр'ца, двар'ца* — Зарайск. (Петр., стр. 33); *сон'ца, кан'цом, кан'цы, ацур'цы, сѣр'ца* — Чекал. (ИЯз, К зап. от М., 649); *сон'цѣ, п'лат'ѣн'ца, у с'ен'цах* — Сух. (там же, 623); *кон'ца, на кан'цѣ* — Воронеж. губ. (Филат., стр. 318); *Матр'ѣн'цеф, п'лат'ѣн'ца* — Нижнедев. (Жук. стр. 215) и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что перед [ц] мягкими бывают главным образом согласные [н'], [р'], реже фрикативные зубные. Мягкие согласные [т'], [д'] перед [ц] не отмечены, может быть, потому, что в силу артикуляционной общности этих согласных сочетания [т'ц], [д'ц] сливаются в одну аффрикату с долгим затвором.

В некоторых говорах, преимущественно северновеликорусских, в положении перед [ш] в соответствии с [н'] литературного языка представлен согласный [н]. Ср. *ранше* — Онеж. (ИЯз, Б. сев., 30, 31), Уторг. (там же, 125), Дед. (там же, 238); *м'ѣншы, ранше, потонше* — Никол. (Орл., стр. 52); *тонше, ранше* — Полот. (ИЯз, III, 5); *тонше* и *мѣншы, раншы* — Сланц. (ИЯз, С-зап., 5); *мѣнше* и *мѣнше, ранше* — Гдов. (там же, 78); *помѣнше* — г. Углич (МДК, IX, стр. 100); *раншѣ, мѣншѣ*;

то́ншь — Переясл.-Зал. (там же, III, стр. 74); *ме́ншы* и *то́н'шы* — Толст. (ИЯз, К зап. от. М., 635).

Перечисленные модификации в реализации зубных согласных перед шипящими и [ц] не вносят принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных в этом положении. Твердые и мягкие зубные согласные продолжают не различаться перед шипящими и [ц], так как в каждом из этих положений могут быть представлены или только твердые, или только мягкие согласные.

Во многих русских говорах известен согласный [р'] перед [ш] в слове *старший* и производных от него. В этом случае создается известная возможность различения [р] и [р'] перед [ш]. Ср. *горшо́к—ста́р'ше*. Подобная возможность в говоре с. Ушинки Спасского у. Пензенской губ. поддерживается наличием [р'] в случаях *ве́ршник, ве́ршкoм* (МДК, IX, стр. 83).

Наличие согласного [р'] в *д'ир'жы́, д'ёр'жы́ца* — Чучк. (Сидор., стр. 97) делает возможным различение [р] и [р'] перед [ж]: *д'ир'жы́—ржы́*.

§ 60. Анализ употребления твердых и мягких зубных согласных в положении перед согласными свидетельствует о том, что в древнерусском языке после падения редуцированных система различения твердых и мягких зубных согласных перед согласными стала развиваться непосредственно в направлении к состоянию, представленному в современном языке.

В древнерусском языке первоначально, видимо, существовало две тенденции в реализации зубных согласных, получивших мягкость под влиянием последующего утраченного [ь], перед твердыми губными и заднеязычными: мягкие зубные сохраняли мягкость в одних говорах и утрачивали ее в других. В дальнейшем в общерусском масштабе победила тенденция сохранения мягкости, в результате чего стало возможным различение твердых и мягких зубных согласных в положении перед твердыми губными и заднеязычными. Тенденция отвердения зубных в названном положении оставила следы лишь в немногих северновеликорусских говорах. Твердые и мягкие зубные оказались противопоставленными не только перед твердыми заднеязычными, но и перед смягченными. Последнее, правда, неодинаково в разных морфемах. Так, в современном литературном языке твердые и мягкие зубные согласные различаются перед смягченными заднеязычными в середине слова и могут совпадать в мягком зубном на стыке приставки и корня, а так же предлога и последующего слова. Подобную дифференциацию в произношении твердых и мягких зубных перед смягченными заднеязычными можно объяснить следующими причинами. Возможность сочетания зубных (как и других согласных) с последующими заднеязычными согласными (практически это главным образом [к]) осуществляется в основном за счет оформления слов суффиксами -к-, -ко- (-ка-). В этом, а так же и в тех немногих случаях, когда заднеязычный входит в состав корня, оканчивая собой основу, заднеязычный согласный в некоторых формах может выступать в смягченных вариантах: *но́ска—но́ск'и, тку—тк'и, мозг—мозг'и*. Смягчению зубных согласных в этих случаях препятствует аналогичное воздействие со стороны форм, в которых заднеязычные являются твердыми. Что же касается положения на стыке приставки и корня, то здесь зубные согласные, находясь перед постоянно смягченными заднеязычными согласными, не чередуясь с соответствующими твердыми, подвергаются ассимилятивному смягчению: *с'к'и́нут', з'г'и́нут'*, но не

видно *н'и зг'и*; возможно — *пат'к'инуть* и др. Неодинаковая реализация зубных согласных перед смягченными заднеязычными в начале слова, с одной стороны, и в середине слова, с другой, обусловлена и различием в произношении твердых и мягких согласных в начальных и неначальных слогах. В начале слова сочетание согласных (в данном случае сочетание зубного согласного со смягченным заднеязычным) образует более тесное артикуляционное единство, чем в середине слова, а при более тесном артикуляционном единстве, естественно, легче осуществляются ассимилятивные процессы.

В древнерусском языке в связи с отвердением мягких зубных перед твердыми зубными противопоставленность твердых-мягких зубных согласных в этом положении не исчезла совсем, как это имеет место в современном литературном языке, но лишь значительно сократилась. Не исчезла эта противопоставленность вследствие сохранения мягкости зубными согласными перед суффиксами *-(ь)ск-*, *-(ь)н-* и наличия [р'] в группе **ьрт* перед твердыми зубными. В современном языке, включая большую часть говоров, утрачена и эта возможность различения твердых и мягких зубных перед твердыми зубными. Лишь в немногих говорах, сохранивших мягкость согласных перед суффиксами *-(ь)ск-*, *-(ь)н-*, твердые и мягкие зубные противопоставлены в названном положении.

Различие в поведении мягких согласных перед твердыми зубными, с одной стороны, и губными и заднеязычными, с другой, возможно, объясняется характером различия артикуляции мягкого согласного и следующего твердого. Если следующий твердый согласный не был лабиовеляризован (был только веляризован), то согласные сочетания отличались друг от друга только наличием или отсутствием палатализации; в этом положении мягкий согласный отвердевал. Если же следующий твердый согласный был лабиовеляризован (губные и заднеязычные), то согласные сочетания отличались не только наличием и отсутствием палатализации, но кроме того, при отсутствии палатализации еще наличием лабиовеляризации.

Последнее обстоятельство препятствовало ассимиляции, утрате мягкости первым согласным.

Перед мягкими губными и зубными согласными мягкие зубные оставались мягкими, а твердые смягчались; в результате произошла нейтрализация — положение перед названными мягкими согласными стало положением неразличения твердых и мягких зубных согласных. Твердые-мягкие зубные согласные оказались непротивопоставленными и перед согласным [р], так как перед [р] не только твердые зубные оставались твердыми, но и мягкие отвердели.

Положение перед [j] явилось положением неразличения твердых и мягких зубных как в древнерусском, так и в современном языке.

Не были противопоставлены по твердости и мягкости зубные согласные и в положении перед шипящими и [ц]. Однако специфика неразличения была неодинакова для древнерусского языка, с одной стороны, и для современного, с другой. В древнерусском языке, пока шипящие были мягкими, мягкие зубные перед ними оставались мягкими, а твердые зубные смягчались. В современном же языке перед отвердевшими шипящими зубные согласные бывают только твердыми; исключение составляет [н'], употребляемый перед [ш], но по говорам отмечается отвердение и этого согласного. То обстоятельство, что по говорам не отвердели согласные [р'], [н'] перед [ц], не вносит изменения в систему неразличения твердых и мягких согласных перед [ц]. Это обусловлено

тем, что в русском языке не существует сочетаний „этимологически твердый [р], [н] + [ц]“, которые могли бы быть противопоставлены сочетаниям „этимологически мягкий [р'], [с'] + [ц]“, сохранившим мягкость первого согласного.

По говорам представлены элементы различения [р]—[р'] перед твердыми шипящими. Следует заметить, что в древнерусском языке до отвердения шипящих мягкость [р'] в этих случаях может быть квалифицирована и как ассимилятивная.

§ 61. Согласные [л] и [л']. Выше было отмечено, что пропуск буквы ь после согласного в эпоху падения редуцированных сам по себе не является доказательством утраты мягкости предшествующим согласным. Но в то же время нельзя не заметить, что наиболее последовательно буква ь пропускается после согласных, сохранивших в современном языке мягкость, как было показано выше, встречается редко). Исключение в этом отношении составляет употребление буквы ь после л перед другими согласными: частый пропуск ь в этом положении — черта обычная для древнерусских памятников эпохи после падения редуцированных. Буква ь после л опускается одинаково часто как в корнях, так и на стыке корней и суффиксов. Проиллюстрируем это примерами некоторых памятников: *кормилца* 616, *бо/лшимъ* 620, *толко* 620, *метелнику* 616, 622 об и др. (Р. пр. 1282); *селце*, *д колца*, *печалникъ*, *Скулневъ* (Гр. ИК 1327); *понѣделнику* 193, *далнимъ* 196, *велми* 198, 204. . ., *нѣколко* 201, *лѣзъ* 202, *силно*, *олговъ* 21, *василко* 204, *молбою* 207, 216, *сѣделникъ* 364, *кормилца* 371, *благодарными* 375, *болши* 375 и т. д. (Ипат. 1425); *недѣлщикомъ* 1 об, *поселскому* 11 об, *селской* там же, *волно* 10, *цѣлсвалнику* 3, *зажигалнику* 2 об, *кормолнику* 2, *околничему* 1 об, и др. (Суд. 1497); *болшица* 156, *сѣмловичи* 109, *молба* 147, *велможам* 148, *печальнымъ* 142 об, *надѣльны* 143, *силныхъ* 149 и др. (Лавр. XIV в.); *колко* № 14, 16, 8, *лна* № 7, *лну* № 1 и др. (Нов. гр. XIII—XIV в.); *селца* VII, *старожилцовъ* XXIII, *стоящиковъ* VIII, *недѣлщикомъ*, *поселского*, *живоначалные* V, *на волхъ*, *олховой* XIII, *Николскими*, *скольных* XX, *былскихъ* XXVIII, *по отдѣльной*, *отдѣлщиковы* XXVIII, *жаловалную* VI, *волно* III и др. (Угл. гр. XV—XVII в.); *стрелцы*, *жилцы*, *богомолцы*, *крылцо*, *болшихъ*, *большой*, *въ Полшу*, *караулщики*, *толко*, *сколко*, *из Посолскова*, *нелѣзъ*, *силно*, *самовольная*, *околничей* (А. Межд. XVII в.) и т. д.

Во всех перечисленных памятниках наряду с пропуском ь после л имеются и случаи его сохранения. Отсутствие ь в этом положении принято квалифицировать как не имеющее фонетического значения¹. Вывод этот делается на основании того, что русский язык якобы не знает отвердения [л'] перед следующими согласными. Действительно, в современном русском языке, включая большую часть говоров, согласные [л] и [л'] различаются в положении перед всеми губными, зубными и задненебными согласными как твердыми, так и мягкими. Это стало возможным лишь в результате того, что согласные [л] и [л'], оказавшись после падения редуцированных рядом с последующими согласными, никакого влияния со стороны последних не испытали, сохранив свою твердость и мягкость. Ср. *стр'ел'ба*, *о л'в'ѣ*, *шѣл'ма*, *о л'д'ѣ*, *вол'ный*, *Вал'к'е*,

¹ См. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. — „Исследования по русскому языку“, I. СПб., 1885, стр. 145; А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 115; Н. М. Никольский. О языке Ипатьевской летописи. — РФВ, 1899, № 3—4, стр. 44.

Ол'га, ол'х'э — лба, молв'э, калмык, галдэт', ползат', полн'ее, палк'е, лгат', волхвы.

Согласные [л] и [л'] различаются перед [ч'], с большими ограничениями перед [ш] и не противопоставлены перед остальными шипящими согласными и [ц]. Ср. *мел'ч'е, мал'ч'ик — молчат'*; *бол'шой — волшебство*; но *лжш, бывал'ш'ина, обол'ш'ат', кол'цб.*

Однако в некоторых говорах, главным образом северновеликорусских Вологодско-Вятской группы, сфера употребления велярного [л] значительно расширена в связи с отвердением [л'] (и следовательно нейтрализацией противопоставления [л]—[л']) в положении перед твердыми согласными, преимущественно зубными, шипящими и [ц]. В одних говорах эта особенность проведена более последовательно, в других ограничена отдельными словами: *болш'ая, болш'ой, нелзя, силно, сколко* — Малам. (Мат. в-р, X, 78); *болше, мелче, болной* — Котел. (там же, I, 3); *болш'ой* — всюду в Вятской губ. (Зел., стр. 11); *шелма, полза, палто, болно, влоно, доволно, правило, артельная, осталной, болше, долше, фалш'ивой* — Гряз. (МДК, III, стр. 73); *болш'ая, начялсву, светилна, колколна* — Уст. (Белор. стр. 225; Мат. в-р, III, 28); *силно, сколко, палцы* — Волог. (Мат. в-р, X, 51); *силно, сколко, палцы, лдом* — Тот. (там же, 62); *полза, лном, лновотка, тяжолше, културно, длну, осталные, болш'ой* — Никол. (Орл., стр. 50); *колцб* — Петроз. (Мат. в-р, IV, 30; ИЯз Б. сев., 107); *болш'ой* — Возн. (там же, 114); *балш'ой* — Елец. (Мат. в-р, XI, 111, 188); *силна, сколко, палцы* — Брян. (там же, X, 85).

Судя по тому, что отвердение [л'] распространяется и на слова, сравнительно недавно проникшие в говоры (*фальшивый, артельный, культурный*), процесс этот для изучаемых говоров актуален. Возникает вопрос о времени отвердения [л']. Не отражено ли это отвердение в древнерусских памятниках в виде частого пропуска буквы *ь* после *л*? Мысль о связи этих двух явлений возникла еще у Б. М. Ляпунова, исследовавшего Синодальный список летописи. Однако Б. М. Ляпунов правильно считал, что видеть причину пропуска *ь* после *л* в памятниках XIII—XIV вв. в отвердении [л'] можно было бы лишь в том случае, если бы после этого *л* встретилась буква *ѣ* вместо *ь*. Но *ѣ* вместо *ь* после *л* встречается редко. См. *болна, доволно* (ГЕ 1266), *полза* (Лук. Е. 1409). Трудно делать какие-либо фонетические заключения на основании столь немногочисленных примеров. Тем не менее нельзя не заметить, что буква *ѣ* после *л* в этих примерах как раз соответствует тем самым условиям, в которых твердый [л] представлен в современных говорах — перед твердыми зубными согласными. А это позволяет предполагать, что пропуск *ь* после *л* в древнерусских памятниках все-таки имеет фонетическое значение, но не во всех случаях, а лишь только тогда, когда после [л] следует твердый зубной согласный.

Последовательно проведенное отвердение [л'] перед твердыми зубными (*с, з, т, д, ц, ш, ж*) и отчасти задненебными согласными снимает противопоставление [л]—[л'] в этом положении.

В одном из говоров Грязовецкого у. Вологодской губ. наряду с отвердением [л'] перед твердыми согласными наблюдается и смягчение [л] в аналогичном положении: *палцы, силно, сколко* и *долго, мальчат'* (Мат. в-р, X, 89).

В положении перед [j] возможен только согласный [л']: *л'ју, бел'јо, кол'јам'и*. В упомянутом выше говоре Грязовецкого у. Вологодской губ. отмечено употребление твердого [л] перед [j]: *веселъе, налъю* (Мат. в-р, X, 89), но это сообщение требует проверки.

НЕКОТОРЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ, СВЯЗАННЫЕ С КАТЕГОРИЕЙ ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ

§ 64. Отдельные согласные фонемы по говорам могут иметь различное образование, отличаясь по своему качеству от соответствующих фонем в литературном языке. В некоторых случаях это вносит изменения в систему противопоставления согласных по твердости-мягкости в соответствующих говорах. В связи с этим остановимся на возможных артикуляционных различиях некоторых согласных по говорам.

§ 65. Различия в образовании аффрикат [ч], [ц]. В говорах западных районов южновеликорусской диалектной территории и на западе переходных говоров согласные [ч'], [ц] могут утрачивать взрыв, изменяясь в [ш'] [с] (*ш'ай, в'еш'ур, сар', с'ельй*).

Изменение [ч' > ш'] ведет к тому, что в говоре как бы появляется мягкая пара к согласному [ш]: *в'еш'ор — ш'орник, ш'ут' — ш'ура, нош' — мыш* и т. д. Однако в русском языке согласные с фонологической точки зрения образуют пару в том случае, если они имеют лишь одно физиолого-акустическое различие, и, различаясь в одних условиях, нейтрализуются в других. Такие согласные могут функционировать в одной и той же морфеме. Согласные [ш] и [ш'] (из ч') этим условиям не удовлетворяют. Имея лишь одно акустическое различие — наличие или отсутствие палатальности — они не нейтрализуются ни в каких условиях и не могут функционировать в одной морфеме. Это выражается в частности в том, что согласные [ш] и [ш'] (из ч') различаются перед гласным [е]: *шер'с'т' — ш'ер'ф', о вше́ — о вращ'е́*. Согласные же парные по твердости-мягкости перед гласным [е], как известно, не различаются, совпадая в мягком согласном и являя тем самым пример функционирования твердых и мягких согласных в одной морфеме (*угол, угол', в углу́* для обоих случаев). Следовательно мы не можем рассматривать согласные [ш] и [ш'] (из ч') как согласные фонологически парные по твердости-мягкости. Согласный [ш'], имея одно акустическое различие с [ш], по отношению к этому последнему находится в таком же отношении, как, например, [с] к [т]. Согласные [с] и [т] тоже имеют лишь одно физиолого-акустическое различие — наличие или отсутствие взрывности, — но пары не образуют, так как ни в каких условиях не нейтрализуются. Подобная параллель несколько необычна, так как наличие или отсутствие взрыва никогда не связано в русском языке с парностью согласных, а наличие или отсутствие палатальности при прочих равных акустических данных в русском языке всегда оформляет пары твердых и мягких согласных.

Вопрос о том, какое место должен занять [с] (из ц) в системе противопоставления твердых и мягких согласных сложнее, чем вопрос о [ш'] (из ч'). Утрата взрыва согласным [ц] ведет к появлению не нового, не известного доселе в фонетической системе согласного (как это имеет место при утрате взрыва согласным [ч']), а к расширению сферы употребления известного и раньше согласного [с]. Согласный [с] (из ц), совпадая в физиолого-акустическом отношении с исконным [с], должен включиться в систему противопоставления [с] — [с']. Ср. *сар' : с'аду — сам : с'аду; конс'у : вс'у — овс'у : вс'у; ов'ес' (— овец) : в'ес' — ов'ос' : в'ес'; сыан' : с'ила — сыр : с'ила*. Новый согласный [с] (из ц) включается в состав старого [с] в положении перед всеми гласными кроме [е]; [с] (из ц) в отличие от исконного [с] не смягчается перед [е] (это между

прочим свидетельствует о том, что [ц] изменился в [с] после того, как [ц'] отвердел). В результате в соответствующих говорах перед [e] образуется противопоставление [с] — [с']. Ср. в *овсэ* (в овце) — в *овс'э*.

§ 66. Различия в образовании фрикативных зубных согласных. В некоторых русских говорах, средневеликорусских и южновеликорусских, мягкие свистящие согласные могут произноситься шепеляво, как звуки средние между свистящими и шипящими: *с'елó*, *з'емл'á*. Максимальное усиление шипящей артикуляции в произношении шепелявых [с''], [з''] может привести к тому, что в говоре появляются мягкие шипящие [ш'], [ж'], которые в физиолого-акустическом отношении образуют пару с согласными [ш], [ж]. Ср. *мыш* — *гуш'* (— гусь); *лошáдка* — *гуш'áм'и* и т. д.

Однако несмотря на то, что [ш'], [ж'] (из *с'*, *з'*) с точки зрения артикуляции образуют пару скорее с [ш], [ж], чем [с], [з], так как именно с [ш], [ж] их разнит всего лишь одно физиолого-акустическое различие — наличие или отсутствие палатальности, — функционально они объединены с согласными [с], [з]. Согласные [ш'], [ж'] (из *с'*, *з'*) и [ш'], [ж'] не могут функционировать в одной морфеме. Они ни в каком положении не нейтрализуются, в то время как для [ш'], [ж'] (из *с'*, *з'*) и [с], [з] это возможно. Ср. *вош* — *гуш'* (— гусь), *нос* — *гуш'*, но *о вше* — *о гуш'э*, *в нóш'е* — *на гуш'э*. В то время, как согласные [с], [з] перед гласным [e] изменяются в [ш'], [ж'], свидетельствуя тем о своей парности с согласными [ш'], [ж'] (из *с'*, *з'*), согласные [ш], [ж] перед [e] продолжают оставаться твердыми, не совпадая с [ш'], [ж']. Таким образом, даже максимальное усиление шипящего элемента в образовании шипящих [с'], [з'] не нарушает противопоставленности по твердости-мягкости в группе фрикативных зубных согласных.

§ 67. Изменение [к'], [г'] в [т'], [д']. В некоторых русских говорах, главным образом в западной части средневеликорусских, а также в южновеликорусских и северновеликорусских, территориально близких к средневеликорусским, смягченные согласные [к'], [г'] могут сближаться с переднеязычными согласными [т'], [д'], иногда полностью совпадая с ними. В говорах с [г] фрикативным изменению в сторону переднеязычных подвергается только [к']. Изменение [к'], [г'] в [т'], [д'] может иметь интенсивность разной степени: в одних говорах оно охватывает только те морфемы, в которых заднеязычные всегда находятся перед гласными переднего ряда и где, следовательно, исключена возможность чередования твердых заднеязычных со смягченными (*т'ирп'ýч'*, *т'ис'т'*, *д'ýб'ел'*, *мад'ýла*, но *рýк'и*, *р'эк'и*, *сапаг'ý* и т. д.); в других говорах изменение [к'], [г'] в [т'], [д'] распространяется и на такие морфемы, в которых возможно чередование типа [к:к'] (*т'ýслýй*, *д'ýб'ел'*, *рýт'и*, *нóд'и*).

В том случае, если согласные, произносимые в соответствии с [к'], [г'], артикуляционно не совпадают полностью с [т'], [д'], а являются новыми физиолого-акустическими образованиями, чем-то средним между [к'] и [т'], [г'] и [д'], то эти согласные должны рассматриваться как смягченные варианты фонем [к], [г].

При полном совпадении смягченных заднеязычных с переднеязычными в говорах, ограничивающих это изменение лишь определенными морфемами, соответствующие слова должны прикнудить к словам с исконными [т'], [д']: *т'ис'т*: *ты* — *т'ýхо*: *ты*; *д'ýб'ел'*: *дырка* — *д'ýко*: *дырка*. Сохранившиеся в этих говорах [к'], [г'], выступающие с согласными [к], [г] в одной морфеме, являются смягченными вариантами согласных [к], [г]: *река* — *рек'э*; *нога* — *ног'э*.

В том случае, если изменение [к'], [г'] > [т'], [д'] распространяется на заднеязычные в любой морфеме, то из фонетической системы устраняются вообще согласные [к'], [г']. Однако случаи типа *рут'ё, нод'ё* в отличие от случаев типа *т'ислый, мад'ила* не могут быть объединены со словами с исконными [т'], [д']. Этому препятствует возможность функционирования [т'] (из к'), [д'] (из г') и [к], [г] в одной морфеме, что невозможно для исконных [т'], [д'] (ср. *река — рет'ё, нога — нод'ё*). В результате согласные [т'], [д'] в соответствующих говорах могут явиться не только сильными фонемами, но и слабыми. Слабыми они бывают в тех случаях, когда в них реализуются сильные фонемы [к], [г]. В случаях *т'ихо, д'ик'ий, т'ислый, д'иб'ёл'* [т'], [д'] — сильные фонемы, в случаях *рут'и, нод'и* — слабые. В положении перед гласным [е] в слабых фонемах [т'], [д'] нейтрализуются сильные фонемы [т], [т'], [д], [д'], [к], [г]. Ср. *кот — о кот'ё, гост' — о гост'ё, рука — рут'ё; вода — вод'ё, гвозд' — о гвозд'ё, нога — нод'ё*.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование развития категории твердых-мягких согласных в русском языке позволяет сделать следующие выводы общего характера.

Все то значительное многообразие, в котором предстает категория твердости-мягкости согласных в современных славянских языках, восходит к единому типу, который был свойствен общеславянскому языку. Этот тип характерен и для языка восточных славян древнейшего периода. Он характеризовался ограниченным количеством твердых и мягких парных фонем, причем твердость-мягкость согласных была не нейтрализуемой, т. е. различающейся в любой фонетической позиции.

Парными по твердости-мягкости были согласные [l] — [l'], [n] — [n'], [r] — [r'], [z] — [z'], [s] — [s']. Согласные [l'], [n'], [r'] первоначально возникли как фонетические заместители соответствующих твердых согласных в сочетании с [j]. Однако для языка восточных славян древнейшей эпохи согласные [l'], [n'], [r'] должны квалифицироваться уже как самостоятельные фонемы. Обособлению [l'], [n'], [r'] в самостоятельные фонемы способствовало то обстоятельство, что согласные [s'], [z'], к которым фонологически приравнивались [l'], [n'], [r'] никогда не были фонетическими заместителями [sj], [zj]. Заместителями этих последних сочетаний были мягкие шипящие [š'] и [ž'], ставшие еще в общеславянском языке самостоятельными фонемами (ср. различаемость [ž'] и [g], [š'] и [x] перед гласным [a] разного происхождения: *лежати — лъгати, слышати — нюхати*).

Согласные [t], [d], [p], [b], [m], [v] были внепарными по твердости-мягкости, приобретая в положении перед гласными переднего ряда позиционную полумягкость.

Важнейшей вехой в развитии категории твердости-мягкости было смягчение полумягких согласных. Этот фонетический процесс содействовал тому, что парные твердые и мягкие согласные предшествующей поры из категории ненейтрализуемой стали категорией нейтрализуемой (в положении перед гласными переднего ряда). Внепарные твердые согласные фонологических изменений не претерпели, приобретая, однако, в положении перед гласными переднего ряда позиционную мягкость. Эта мягкость, как и полумягкость более старшей эпохи,

представляла собою лишь разновидность немягкой фонемы, будучи всегда обусловлена положением перед гласными переднего ряда.

Падение редуцированных, процесс общий для всех восточнославянских языков, освободило твердость-мягкость согласных, не имевших исконной мягкости, от позиционной обусловленности качеством последующего гласного — его передним или непередним образованием. Твердость-мягкость стала соотносительной категорией, охватывающей значительную часть согласных, и при том категорией, нейтрализуемой в определенных позиционных условиях, а именно — перед некоторыми гласными переднего ряда. Падение редуцированных явилось причиной превращения количественных изменений, связанных со смягчением полумягких, в изменения качественные. В эпоху непосредственно после падения редуцированных категория твердости-мягкости согласных сложилась уже в основных своих чертах, характерных для современного русского языка.

Специфические явления в области твердости-мягкости согласных в белорусском и украинском языках требуют специального исследования. Здесь заметим только, что эти явления восходят к поздним эпохам, по преимуществу к эпохе после падения редуцированных и отражают процессы, характерные для разных этапов становления языков украинской и белорусской народностей в отличие от языка великорусской народности. Во всяком случае следует еще раз подчеркнуть, что древнейшие этапы истории категории твердости-мягкости согласных были едины для всех восточнославянских языков.

До изменения [e] в [o], утраты [ě] как самостоятельной фонемы, развития аканья в русском языке система различения соотносительной и нейтрализуемой твердости-мягкости согласных в принципе была одинаковой перед ударенными и безударными гласными. Твердые-мягкие согласные различались перед [a], [u], [i] — [y], не будучи противопоставлены перед [e], [ě], [o], [ô].

Уже морфологическая замена [e] через [o] в определенных формальных элементах приводит к различаемости твердых и мягких согласных перед [o]: твердые согласные выступают перед [o] (из o, ъ), мягкие — перед [o] (из e, ѵ). Дальнейшее фонетическое изменение [e] в [o] значительно расширяет эту различаемость. Утрата гласного [ě] как самостоятельной фонемы и объединение его с [e] или [i] устраняет в соответствующих говорах еще одно из положений неразличения твердых-мягких согласных. Что касается фонемы [ô], то она либо утрачивается, совпадая с [o], либо, напротив, проникает в положение после мягких согласных на место этимологического [e]. В первом случае позиция неразличения устраняется в связи с ликвидацией фонемы [ô], во втором — в связи с появлением различия перед [ô].

Элементы различения в ударенном и безударном вокализме наметились еще до развития аканья. Так, например, фонема [ô] не была известна без ударения; утрата [ě] как самостоятельной фонемы началась в некоторых говорах с объединения безударных [ě] и [e] при сохранении [ě] под ударением. Однако это не вносило существенных различий в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед ударенными гласными, с одной стороны, и перед безударными, с другой. Лишь развитие аканья вообще, разных типов яканья в частности, а также иканья и екканья вносит нечто принципиально новое в различение твердых и мягких согласных перед ударенными и безударными согласными. С развитием аканья в каждом из безударных слогов складывается своя система слабых фонем, характеризующаяся специфическими взаимоотноше-

ниями с предшествующими твердыми и мягкими согласными. В этих взаимоотношениях решающая роль принадлежит согласным, которые обуславливают функциональное объединение безударных гласных фонем, тождественное тому, которое имеем под ударением для гласных [i] и [y]. Однако в безударных слогах это функциональное объединение, основанное на том, что для русских гласных ряд не является определяющим признаком, охватывает большее, чем под ударением, количество гласных, объединяя в одну слабую фонему не только гласные [i] и [y], но и [e] и [a], [i[°]] и [a], а в окающих говорах [e] и [o].

Процессы в области гласных в целом способствовали расширению противопоставленности твердых и мягких согласных, образуя новые позиции, в которых твердость-мягкость начинает различаться, или устраняя позиции, в которых твердые и мягкие согласные не были противопоставлены.

В целом история вокализма характеризуется утратой некоторых фонем, их объединением в разное время с другими фонемами (ср. объединение фонемы [ɛ] и ее продолжения [ä] с фонемой [a], фонем [i] и [y], а также упомянутые выше явления в области безударного вокализма). Это ведет к упрощению системы вокализма, сокращению состава сильных гласных фонем, доходящих в современном языке до пяти (по говорам до семи), в то время как в древнерусском языке до падения редуцированных и отождествления [ä] (из ɛ) с [a] их было не менее десяти — [i], [e], [ě], [a], [ä], [o], [y], [u], [ь], [ъ]; в более же раннюю эпоху, когда существовали носовые [ɛ̃] и [õ], гласных фонем было одиннадцать (отсутствовала фонема [ä], вместо которой была [ɛ]).

Лишь в одном случае в истории вокализма имело место образование новой гласной фонемы — фонемы [ô], которая однако оказалась мало устойчивой по отношению к фонеме [o] и в значительной части говоров совпала с этой последней.

Перечисленные процессы в области гласных, сокращая состав гласных фонем, уменьшали вообще фонологическую роль вокализма в звуковой системе языка в целом. Обратной стороной этих процессов явилось расщепление многих из ранее существовавших отдельных согласных фонем на две и в связи с этим значительное обогащение состава согласных фонем. Так, древнерусский язык характеризовался 21 или 22 согласными фонемами (последнее, если включить в состав согласных фонем звук [f], появившийся в заимствованных словах): [p] — [b], [v], [t] — [d], [s] — [z], [m], [l], [n], [r], а также [š'] — [ž'], [šč'] — [ždž'], [k] — [g], [x]¹, [č'], [c], [j], [f].

Первые 11 фонем, а также фонема [f] по мере того, как она укрепилась в языке, в связи с описанными процессами в системе вокализма, расщепились каждая на две фонемы — твердую и мягкую, в результате чего система согласных фонем современного русского языка (имеем ввиду литературный язык и аналогичные говоры), приняла следующий вид²:

p—b	f—v	t—d	s—z	m	l	n	r
p'—b'	f'—v'	t'—d'	s'—z'	m'	l'	n'	r'
š—ž, š'—š', k—g, x, č', c, j							

¹ По говорам могло быть и иначе: [x] — [χ] и [k].

² Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 122.

Расширение противопоставления твердых и мягких согласных в положении перед гласными в эпоху после падения редуцированных обусловлено не только процессами в системе гласных, но и фонетическими изменениями в области самих согласных, а также некоторыми морфологическими процессами (ср. различие твердых и мягких согласных перед [e], ставшее возможным, с одной стороны, за счёт утраты взрыва согласным [c], с другой, за счёт появления окончания *-ей* после твердых согласных у прилагательных и в форме тв. ед. сущ. ж. р.).

Таким образом, развитие категории твердости-мягкости согласных шло по линии расширения противопоставления твердых и мягких согласных в положении перед гласными. Положение перед гласными в современном языке является положением наиболее широкого различия твердых и мягких согласных. Что касается противопоставления твердости-мягкости на конце слова и перед согласными, то оно, впервые возникнув после падения редуцированных, значительного развития в русском языке не получило. При этом губные согласные, не различаясь по твердости-мягкости перед согласными, во многих говорах русского языка имеют тенденцию утратить это различие и на конце слова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

- АЕ 1092 — Архангельское евангелие 1092 г. Цит. по изд. Московской публичной библиотеки и Румянцевского музея, 1912.
- А. Межд. XVII в. — Акты междучарствия 1610—1613 гг. Цит. по изд. ИОДР при Моск. ун-те, 1915.
- Ап. 1220 — Апостол 1220 г. Цит. по изд. Горского и Невоструева в „Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки“, II, I, № 95. М., 1857.
- Ап. 1307 — Апостол 1307 г. Цит. по изд. Горского и Невоструева в „Описании...“, I, № 45, М., 1858.
- Арх. Л. XIII в. — Архивская Лествица XIII—XIV вв. Цит. по исслед. А. И. Соболевского „Два древних памятника галицко-волинского наречия“. (РФВ, 1884, № 3).
- Б. 1499 — Библия 1499 г. Цит. по изд. Горского и Невоструева в „Описании...“, I, № 1. М., 1855.
- Вкл. Варл. 1192 — Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г. Цит. по кн. С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова „Хрестоматия по истории русского языка“, I. М., 1952.
- Всб XII в. — Выголексинский сборник XII—XIII вв. Цит. по исслед. А. И. Соболевского „Два древних памятника галицко-волинского наречия“. (РФВ, 1884, № 3).
- ГБ XI в. — XIII слов Григория Богослова XI в. Цит. по изд. Будиловича. СПб., 1875.
- ГЕ 1144 — Галицкое евангелие 1144 г. Цит. по кн. Н. Н. Дурново „Хрестоматия по истории русского языка“. Памятники XI—XV вв. М., 1914.
- ГЕ 1266 — Галицкое евангелие 1266—1304 гг. Цит. по изд. А. И. Соболевского, „Киевские университетские известия“, 1884, № 6.
- Г. Код. 1357 — Галицкий кодекс 1357 г. Цит. по кандидатской диссертации Л. П. Жуковской „Из истории языка северовосточной Руси XIV в.“. М., 1952.
- Гр. 1229 — Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1262 — Договорная грамота Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1284 — Грамота смоленского князя Федора в Ригу 1284 г. Цит. по „Собранию государственных грамот и договоров“, ч. 2, № 3, М., 1819.
- Гр. 1294 — Договор Тверского князя Михаила Ярославича с новгородцами 1294—1301 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.

- Гр. 1330 — Договорная грамота Полоцка с Ригой 1330 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1400 — Грамота новгородского посадника Александра в Ригу 1400 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1418 — Грамота новгородского посадника Александра 1418—1420 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1463 — Грамота Псковского князя Ивана Александровича 1463—1465 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1483 — Грамота 1483 г. Цит. по изд. А. И. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1885, № 2.
- Гр. ИК 1327 — Духовная грамота Московского князя Ивана Калиты 1327—1328 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.
- Дв. гр. — Двинские грамоты XV в. Цит. по кн. А. А. Шахматова „Исследования по русскому языку“, II, вып. 3. СПб., 1903.
- ДЕ 1164 — Добролюво евангелие 1164 г. Цит. по изд. А. И. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1884, № 1 и по кн. Ф. И. Буслаева „Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков“.
- Дух. Дм. Дон. 1389 — Духовная грамота Дмитрия Донского (вторая) 1389 г. Цит. по „Собранию государственных грамот и договоров“, I, № 34. М., 1813.
- Ев. апр. XIV в. — Евангелие Апракос XIV в. Цит. по исслед. Бандурова в РФВ, 1935, № 2.
- ЕК XII в. — Ефремовская кормчая XII в. Цит. по исслед. С. П. Обнорского „О языке Ефремовской кормчей XII в.“. Сб. „Исследования по русскому языку“, III, вып. 1. СПб., 1912.
- ЕПс XI в. — Евгеньевская псалтырь XI в. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв.“. ИОРЯС, X, 5. СПб., 1865 и по ст. Н. П. Гринковой „Евгеньевская псалтырь, как памятник русской письменности XI в.“ — ИОРЯС, XXIX. П., 1924.
- ЖК XI в. — Орывки из жития св. Кондрата XI в. Цит. по изд. И. В. Ягича „Archiv für slavische Philologie“, VI.
- Задон. 1470 — Задонщина 1470 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Зл. XII в. — Златоструй до 1200 г. Цит. по кн. Срезневского „Древние памятники“.
- И 73 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Цит. по изд. ОЛДРП, 1880.
- И 76 — Изборник Святослава 1046 г. Цит. по кн. И. И. Срезневского „Древние памятники“.
- Ипат. 1425 — Ипатьевская летопись 1425 г. Цит. по ПСРЛ, II. СПб., 1843.
- Кол. П. 1406 — Палея 1406 г. (Коломенская). Цит. по изд. „Толковая Палея по списку, сделанному в Коломне, 1406 г.“. Труд учеников П. С. Тихонравова, ч. I. М., 1892; ч. 2. М., 1896.
- Лавр. XIV в. — Лаврентьевская летопись 1377 г. Цит. по ПСРЛ, I. Изд. 2. Л., 1926; по исслед. Н. П. Некрасова „Заметки о языке „Повести временных лет“ по Лаврентьевскому списку летописи“. ОРЯС, 65. СПб., 1889.
- Лук. Е. 1409 — Лукино евангелие, 1409 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Луц. Е. XIV в. — Луцкое евангелие XIV в. Цит. по изд. А. И. Соболевского. — „Киевские университетские известия“, 1885, № 1.
- М 95 — Миняя за октябрь 1095 г. Цит. по изд. И. В. Ягича „Служебные минеи за октябрь—ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям Московской синодальной типографии 1095—1097 гг.“. СПб., 1886.
- М 96 — Миняя за октябрь 1096 г. Цит. по ук. изд. И. В. Ягича.
- М 97 — Миняя за ноябрь 1097 г. Цит. по ук. изд. И. В. Ягича.
- МЕ 1117 — Мстиславо евангелие до 1117 г. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Мстиславо евангелие, особенности письма и языка“. — РФВ, 1895, № 4.
- Моис. Е. 1355 — Моисеев список евангелия 1355 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева, М., 1861.
- Мст. гр. 1130 — Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода 1130 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- М. уст. XII в. — Монастырский устав церковного служения до 1200 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Нов. дан. XV в. — Новгородские данные XIV—XV вв. Цит. по „Актам юридическим“, № 110. СПб., 1838.
- Новг. гр. — Новгородские грамоты XIII—XIV вв. Цит. по А. А. Шахматову „Исследования по русскому языку“, I. СПб., 1885.

- Новг. ряд. XV в. — Новгородская рядная грамота XV в. Цит. по „Актам юридическим“, № 257. СПб., 1838.
- ОЕ 1056 — Остромирово евангелие 1056 г. Цит. по изд. А. Х. Востокова „Остромирово евангелие“. СПб., 1843.
- П 1477 — Падея 1477. Цит. по исслед. Н. М. Каринского „Язык Пскова и его областей в XV в.“, СПб., 1909.
- П 1494 — Падея 1494. Цит. по исслед. Н. М. Каринского „Язык Пскова и его областей в XV в.“. СПб., 1909.
- ПА XI в. — Пандекты Антиоха XI в. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- ПА XIV в. — Пандекты Антиоха XIV в. Цит. по „Описанию...“ Горского и Невоструева, II, ч. 2, № 153. М., 1859.
- Паис. сб. XIV в. — Паисиевский сборник XIV—XV вв. (до 1412 г.). Цит. по исслед. Матвеевой в РФВ, 1910, № 1—2.
- Пан. Е. XII в. — Пантелеймоново евангелие XII в. Цит. по „Лекциям по истории русского языка“ А. И. Соболевского. Изд. 4. М., 1907, стр. 40—42.
- Пар. 1271 — Паремейник 1271 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Пер. Е. 1354 — Переяславское евангелие 1354 г. Цит. по исслед. П. С. Кузнецова „К исторической фонетике ростово-суздальских говоров“. — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2, 1948.
- ПМ XI в. — Путятинская служебная минея за май до 1100 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Пов. о разор. XVI в. — Повесть о разорении Рязани, сп. XVI в. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Пог. Ап. 1391 — Погодинский Апостол 1391 г. Цит. по исслед. Н. М. Каринского. РФВ, 1896, № 3.
- Пол. Е. 1307 — Подкарпово евангелие 1307 г. Цит. по изд. А. М. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1885, № 1, и по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Поуч. еп. А. XIV в. — Поучение новгородского епископа Луки XIV—XV вв. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Поуч. Е. С. XIII в. — Книга поучений Ефрема Сирина до 1288 г. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“, № 6. ОРЯС. СПб., 1867.
- Поуч. Е. С. 1492 — Поучение Ефрема Сирина 1492 г. Цит. по изд. А. И. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1885, № 2.
- Поуч. КБ XIII в. — Поучения Константина Болгарского XIII в. Цит. по „Описанию...“ Горского и Невоструева, II, 2, № 163. М., 1859.
- Пр. XIII в. — Пролог XIII в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Пред. ИБ XIII в. — Предисловие Иоанна екзарха болгарского к переводу Иоанна Дамаскина XII в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Пск. Пр. 1383 — Псковский Пролог 1383 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.
- Пск. суд. XVI в. — Псковская судная грамота XVI в. Цит. по изд. императорской Археологической комиссии. СПб., 1914.
- ПТр XI в. — Постная триодь до 1100 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Пут. Е. XIII в. — Путенское евангелие XIII в. Цит. по изд. Калужняцкого „Monumenta linguae paleoslovenicae, 1. Evangelium Putnanum“, Vindobonae, 1888.
- РЛА — Русско-Ливонские акты XII—XVII вв. Цит. по изд. Напьерского. СПб., 1868.
- Р. Пр. 1282 — Русская правда по списку кормчей 1282 г. Цит. по изд. Е. Ф. Карского „Русская правда по древнейшему списку“. Л., 1930.
- Рум. сб. XV в. — Румянцевский сборник № 406, XV в. Цит. по изд. А. Х. Востокова — „Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума“. СПб., 1842.
- Ряз. корм 1284 — Рязанская кормчая 1284 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Ряд. Теш. — Рядная Тешаты с Якимом до 1299 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Сб. син. 154, 1486 — Сборник синодальной библиотеки № 154 после 1486 г. Цит. по исслед. Н. М. Каринского „Язык Пскова и его областей в XV в.“. СПб., 1909.
- Сб. поуч. XII в. — Сборник поучений XII в. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Сведения и заметки“ № 52. ОРЯС, 12. СПб., 1875.
- Сб. Тр. л. 15 XIV в. — Сборник библиотеки Троицкой лавры, № 15, XIV в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.

- Синод. XIII в. — Синаодальная летопись XIII в. Цит. по исслед. Б. М. Ляпунова „Исследования по русскому языку“, II, вып. 2. СПб., 1900.
- Син. Пс. 1296 — Синаодальный список псалтыри 1296 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Ск. БГ XIV в. — Сказание о Борисе и Глебе из Сильвестрова сборника XIV в. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Сказание о святых Борисе и Глебе“. СПб., 1860.
- Сл. зак. XVI в. — Слово о законе и благодати XVI в. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- СЛК XIV в. — Службеник Митрополита Киприана XIV в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Сл. о полк. Иг. — Слово о полку Игореве по сп. XVI в. Цит. по изд. АН СССР. М. — Л., 1950.
- СПт XI в. — Синайский патерик XI в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Стих. 1163 — Стихарец праздничный новгородский софийский 1163 г. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Древние памятники“.
- Суд. 1479 — Судебник 1479 г. Цит. по изд. „Судебники XV—XVI вв.“. М.—Л., 1952.
- Суд. нов. 1471 — Новгородская судная грамота 1471 г. Цит. по изд. „Акты, собранные археографической экспедицией“, I. № 92. СПб., 1836.
- ТЕ 7 XII в. — Типографское евангелие, № 7, XII в. Цит. по исслед. А. И. Соболевского „Очерки по истории русского языка“. Киев, 1884 и по его изд. „Киевские университетские известия“, 1884, № 2.
- ТЛ XI в. — Туровские евангельские листы XI в. Цит. по изд. „Туровское евангелие“. Вильно, 1868; по изд. И. И. Срезневского „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“, № 45. ОРЯС. СПб., 1875 и его же „Древние славянские памятники юсового письма“. СПб., 1868.
- Угл. гр. — Угличские грамоты. Цит. по изд. С. Шумакова „Угличские акты (1440—1749)“. М., 1899.
- Хр. Ап. XII в. — Христинопольский Апостол XII в. Цит. по изд. С. Маслова: ИОРЯС, XV, № 4 и по исслед. Л. А. Васильева „С каким звуком могла ассоциироваться буква Ѡ в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников“. РФВ, 1913, № 1—2.
- ЧПс XI в. — Толковая псалтырь Чудова монастыря до 1100. — Цит. по изд. И. И. Срезневского: „Древние славянские памятники юсового письма“; „Древние памятники русского письма и языка“.
- ЮЕ 1120 — Юрьевское евангелие 1120 г. Цит. по „Описанию Юрьевского евангелия“ архимандрита Амфилохия. М., 1877.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Аван. I — Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры, I. Описание одного говора по течению р. Пры. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1949.
- Аван. II — Р. И. Аванесов. Заметки о говоре с. Семеновское на р. Водле. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“. М.—Л., 1949.
- Белор. — И. Белоруссов. Об особенностях в говоре жителей Вологодской губернии. — РФВ, 1887, № 4.
- Брок — О. Брок. Описание одного говора их юго-западной части Тотемского у. — ОРЯС, 83, № 4. СПб., 1907.
- Бубр. — Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора с. Пустошей Судогодского у. Владимирской губ. — ИОРЯС, XVIII, вып. 4, 1913.
- Будде — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губ. — ОРЯС, 76, № 3. СПб., 1904.
- Будде, К ист. — Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Казань, 1896.
- Виногр. — Н. Виноградов. О народном говоре Костромского уезда. — ОРЯС, 77, № 8. СПб., 1904.
- Вол. — В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского говора. — ОРЯС, 72, № 3. СПб., 1902.
- Гвозд. — А. Н. Гвоздев. Заметки о говоре с. Тихонова б. Судогодского у. Владимирской губ. — „Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русского языка“, вып. 2. М.—Л., 1948.

- Гец. — О. Г. Гецова. Говор села Катагощи. (Кандидатская диссертация). М., 1952.
- Гранд. — А. Грандильевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. — ОРЯС, 83, № 2, СПб., 1907.
- Грин. — Н. П. Гриркова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. — „Труды Ин-та русского языка“, II. М.—Л., 1950.
- Грин. Зам. — Н. П. Гриркова. Заметки о калужских говорах. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1948.
- Дмитр. — С. И. Дмитриев. Говор деревни Новый Бузец Дмитровского уезда Курской губ. — „Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русского языка“, вып. I. М.—Л., 1947.
- Ерем. — С. А. Еремин. Описание Улошского и Ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ. — ОРЯС, 99, № 5. Пг., 1922.
- Жук. — З. В. Жуковская. Говоры западной части Воронежской области. (Кандидатская диссертация). М., 1954.
- Зел. — Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятской губернии. — ОРЯС, 76, № 2. СПб., 1903.
- Иероп — Иеропольский. Говор д. Савкино Пушкинского р-на Псковского округа. — ОРЯС, № 2. М.—Л., 1931.
- ИЯз — Материалы архива сектора диалектологии и истории русского языка Института языкознания АН СССР, собранные по „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка Института русского языка АН СССР“.
- К зап. от М. — говоры населенных пунктов, расположенных на территории, вошедшей в „Атлас русских народных говоров к западу от Москвы“.
- С.-зап. — говоры населенных пунктов, расположенных на территории, вошедшей в „Атлас русских народных говоров северо-западных областей“.
- Б. сев. — говоры населенных пунктов территории, вошедшей в том, условно названный „Большой северный том Атласа“.
- III — говоры населенных пунктов территории, вошедшей в том, условно названный III том Атласа.
- Цифрой обозначается номер хранения соответствующего сообщения в архиве Института языкознания АН СССР.
- Каринск. — Н. М. Каринский. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. — ИОРЯС, VIII, кн. 1, 2, 1903.
- Кузн. — П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1948.
- Мат. в-р — Материалы для изучения великорусских говоров.

вып.	I — ИОРЯС, I, кн. 2, 1896.
”	II — ” II, кн. 3, ”
”	III — ” II, кн. 4, ”
”	IV — ” II, кн. 1, 1897.
”	V — ” III, кн. 1, 1898.
”	VIII — ОРЯС, т. 73, 1903.
”	IX — ” т. 87, 1910.
”	X, XI — ” т. 99, 1921.

В условном обозначении Материалов для изучения великорусских говоров римской цифрой обозначается номер выпуска, арабской — номер сообщения.

МДК — Труды Московской диалектологической комиссии.

вып.	I	Варшава,	1908.
”	II	”	1910.
”	III	”	1914.
”	VIII	Москва,	1919.
”	IX	Ленинград,	1927.
”	X	”	1928.
”	XI	”	1930.
”	XII	”	1931.

- Нефед. — Г. Ф. Нефедов. Говор сел Пустыни и Бельни Пензенской обл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, III. М.—Л., 1949.
- Обнорск. — С. П. Обнорский. Переход е во в современном русском языке. — „Труды Комиссии по истории АН СССР“, вып. 3. А. А. Шахматов. М.—Л., 1947.
- Орл. — В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, II. М.—Л., 1949.

- Очерк гр. — Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- Петр. — Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр-Зарайского у. — ОРЯС, 99, № 6. Пг., 1922.
- Резан. — В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоинского уезда Курской губ. — РФВ, 1897, № 3—4.
- Сах. — А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской вол. Болоховского уезда Орловской губ. — ОРЯС, 68, № 5. СПб., 1900.
- Сидор. — В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры. — «Материалы и исследования по русской диалектологии», I. М.—Л., 1948.
- Смирн. — И. Т. Смирнов. Кашинский говор. — ОРЯС, 77, № 9. СПб., 1904.
- Сол. 68 — В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков. — ОРЯС, 68, № 2. СПб., 1900.
- Сол. 77 — В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородской губернии. — ОРЯС, 77, № 7. СПб., 1904.
- Строг. — Т. Ю. Строганова. Говоры междуречья Оки—Клязьмы. (Кандидатская диссертация). М., 1950.
- Тихон. — Тихонов. Брянский говор. — ОРЯС, 76, № 4. СПб., 1904.
- Тихв. — А. Тихвинский. Особенности говора Ярославского у. Ярославской губ. по правую сторону р. Волги. — РФВ, 1890, № 3.
- Филат. — Филатов. Очерк народного говора Воронежской губернии. — РФВ, 1897, № 3—4.
- Хал. — М. Г. Халанский. Черты народного говора Щигровского у. Курской губ. — РФВ, 1879, № 2.
- Русские народные песни Щигровского уезда Курской губ. — РФВ, 1880, № 3.
- Сведения и заметки о говорах русского языка (Саяны) — РФВ, 1889, № 1.
- Хал. 76 — М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. — ОРЯС, 76, № 5. СПб., 1904.
- Черныш. 68 — В. И. Чернышев. Сведения о народном говоре некоторых селений Московского у. — ОРЯС, 68, № 3. СПб., 1900.
- Шахм. — А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. — ИОРЯС, XVIII, 4, 1913.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ УЕЗДОВ И РАЙОНОВ

Александр. — Александровский у. Владимирской губ.	Воскрес. — Воскресенский у. Московской губ.
Алексин. — Алексинский у. Тульской губ.	Вытег. — Вытегорский у. Олонецкой губ.
Андом. — Андомский р-н Вологодской обл.	Вязем. — Вяземский у. Смоленской губ.
Бабаев. — Бабаевский р-н Вологодской обл.	Гдов. — Гдовский р-н Псковской обл.
Бел. — Бельский р-н Кировской обл.	Гряз. — Грязовецкий у. Вологодской губ.
Белоз. — Белозерский у. Новгородской губ.	Дед. — Дедовический р-н Псковской обл.
Белом. — Беломорский р-н Ленинградской обл.	Дмитров. — Дмитровский у. Курской губ.
Бобр. — Бобровский у. Воронежской губ.	Дмитриев. — Дмитриевский р-н Курской обл.
Болог. — Бологовский р-н Калининской обл.	Дубен. — Дубенский р-н Тульской обл.
Брян. — Брянский у. Орловской губ.	Дугин. — Дугинский р-н Калужской обл.
Брус. — Брусовский р-н Калининской обл.	Дух. — Духовищенский у. Смоленской губ.
Буйск. — Буйский у. Костромской губ.	Егор. — Егорьевский у. Рязанской губ.
Вер. — Верейский у. Московской губ.	Елаб. — Елабужский у. Вятской губ.
Весьегон. — Весьегонский у. Тверской губ.	Елец. — Елецкий у. Орловской губ.
Вашк. — Вашкинский р-н Вологодской обл.	Жиздр. — Жиздринский у. Калужской губ.
Вожг. — Вожгальский р-н Кировской обл.	Задон. — Задонский у. Воронежской губ.
Возн. — Вознесенский р-н КФССР	Заок. — Заокский р-н Тульской обл.
Волог. — Вологодская губ.	Заонез. — Заонезский р-н КФССР.
Волот. — Волотовский р-н Новгородской обл.	Зарайск. — Зарайский у. Рязанской губ.
Волох. — Волоховский р-н Ленинградской обл.	Звениг. — Звенигородский у. Московской губ.
Ворон. — Воронежская обл.	Зубц. — Зубцовский у. Тверской губ.
	Инсар. — Инсарский у. Пензенской губ.

- Кадник. — Кадниковский у. Вологодской губ.
 Кад. — Каду́йский р-н Ленинградской обл.
 Казан. — Казанский у. Казанской губ.
 Калуж. — Калужский р-н Калужской обл.
 Каргай. — Каргайский р-н Молотовской обл.
 Каргоп. — Каргопольский р-н Архангельской обл.
 Касим. — Касимовский у. Рязанской губ.
 Каш. — Кашинский у. Тверской губ.
 Кингис. — Кингисе́пский р-н Ленинградской обл.
 Кинеш. — Кинешемский у. Костромской губ.
 Кирил. — Кирилловский р-н Вологодской обл.
 Кириш. — Киришский р-н Ленинградской обл.
 Киров. — Кировская обл.
 Клин. — Клинский у. Московской губ.
 Ковж. — Ковжинский р-н Ленинградской обл.
 Коз. — Козельский р-н Калужской обл.
 Кологр. — Кологривский у. Костромской губ.
 Короб. — Коробовский р-н Московской обл.
 Костр. — Костромской у. Костромской губ.
 Котел. — Котельнический у. Вятской губ.
 Красноокт. — Краснооктябрьский р-н Кировской обл.
 Кузн. — Кузнецкий у. Саратовской губ.
 Кумен. — Куменский р-н Кировской обл.
 Ладейноп. — Ладейнопольский р-н Ленинградской обл.
 Лапт. — Лаптевский р-н Тульской обл.
 Льгов. — Льговский у. Курской губ.
 Лив. — Ливенский у. Орловской губ.
 Лом. — Ломоносовский р-н Ленинградской обл.
 Луж. — Лужский у. Петербургской губ.
 Макар. — Макарьевский у. Костромской губ.
 Малам. — Маламыжский у. Вятской губ.
 Малин. — Малинский р-н Московской обл.
 Малоарх. — Малоархангельский у. Орловской губ.
 Мгин. — Мгинский р-н Ленинградской обл.
 Медв. — Медвежегорский р-н КФССР
 Мед. — Медынский у. Калужской губ.
 Мещ. — Мещевский у. Калужской губ.
 Мож. — Можайский у. Московской губ.
 Мокш. — Мокшанский у. Пензенской губ.
 Моск. — Московский у. Пензенской губ.
 Мцен. — Мценский у. Орловской губ.
 Мур. — Муромский у. Владимирской губ.
 Мышк. — Мышковский у. Ярославской губ.
 Мяс. — Мясинский р-н Ленинградской обл.
 Нижнедев. — Нижнедевицкий р-н Воронежской обл.
 Никол. — Никольский р-н Вологодской обл.
 Новг. — Новгородский у. Новгородской губ.
 Новорж. — Новоржевский у. Псковской губ.
 Новос. — Новосильский р-н Псковской обл.
 Новоторж. — Новоторжский р-н Калининской обл.
 Нолин. — Нолинский у. Вятской губ.
 Обоян. — Обоянский у. Курской губ.
 Одоев. — Одоевский р-н Тульской обл.
 Окул. — Окуловский р-н Ленинградской обл.
 Омут. — Омутинский р-н Кировской обл.
 Онеж. — Онежский р-н Архангельской обл.
 Орл. — Орловский у. Вятской губ.
 Осин. — Осинский р-н Молотовской обл.
 Осьм. — Осьминский р-н Кировской обл.
 Осташ. — Осташковский у. Тверской губ.
 Остр. — Островский у. Псковской губ.
 Ох. — Оханский р-н Молотовской обл.
 Оят. — Оятский р-н Ленинградской обл.
 Пен. — Пеновский р-н Калининской обл.
 Перем. — Перемышльский р-н Калужской обл.
 Переясл.-Зал. — Переяславль-Залесский у. Владимирской губ.
 Петрин. — Петриневский р-н Ленинградской обл.
 Петроз. — Петрозаводский у. Олонецкой губ.
 Печ. — Печорский у. Архангельской губ.
 Плес. — Плесецкий р-н Архангельской обл.
 Покр. — Покровский у. Владимирской губ.
 Полн. — Полновский р-н Псковской обл.
 Полот. — Полотский р-н Кировской обл.
 Порох. — Пороховский у. Псковской губ.
 Приоз. — Приозерный р-н Архангельской губ.
 Пришекс. — Пришекснинский р-н Ленинградской обл.
 Просн. — Просницкий р-н Кировской обл.
 Пудож. — Пудожский р-н КФССР
 Пушк. — Пушкинский р-н Псковской обл.
 Ранен. — Раненбургский у. Рязанской губ.
 Ржев. — Ржевский у. Тверской губ.
 Рост. — Ростовский у. Ярославской губ.
 Ряз. — Рязанская губ.
 Сарап. — Сарапульский у. Вятской губ.
 Семен. — Семеновский у. Нижегородской губ.
 Серед. — Середкинский р-н Псковской обл.
 Славк. — Славковский р-н Псковской обл.
 Сланц. — Сланцевский р-н Ленинградской обл.
 Сольв. — Сольвычегодский у. Вологод. обл.
 Солигал. — Солигаличский у. Костромской губ.
 Спас. — Спасский р-н Рязанской обл.
 Спасск. — Спасский у. Пензенской губ.
 Сп.-Кл. — Спас-Клепиковский р-н Рязанской обл.
 Стар. — Старицкий у. Тверской губ.
 Судог. — Судогодский у. Владимирской губ.
 Сух. — Сухиничский р-н Калужской обл.
 Тарус. — Тарусский р-н Калужской губ.
 Твер. — Тверской у. Тверской губ.
 Тихв. — Тихвинский у. Новгородской губ.
 Толст. — Л. Толстовский р-н Калужской обл.
 Тороп. — Торопецкий у. Псковской губ.

Тосн. — Тосненский р-н Ленинградской обл.
Тот. — Тотемский у. Вологодской губ.
Унин. — Унинский р-н Кировской обл.
Уст. — Устюжский у. Новгородской губ.
Уторг. — Уторгшский р-н Новгородской обл.
Хан. — Ханинский р-н Тульской обл.
Холм. — Холмский у. Псковской губ.
Холмогор. — Холмогорский у. Архангельской губ.

Цив. — Цивильский у. Казанской губ.
Чекал. — Чекалинский р-н Тульской обл.
Чемб. — Чембарский у. Пензенской губ.
Чер. — Череповецкий у. Вологодской губ.
Чист. — Чистопольский у. Казанской губ.
Чухл. — Чухломской у. Костромской губ.
Чучк. — Чучковский р-н Ряз. обл.
Шунг. — Шунгинский р-н КФСР.
Щигр. — Щигровский у. Курской губ.
Яран. — Яранский у. Вятской губ.
Яросл. — Ярославский у. Ярославской губ.

